
ВОЛОГДА:
НАША ПАМЯТЬ,
НАША КУЛЬТУРА
«ИГРА» —
ПРОДОЛЖЕНИЕ
РОМАНА
ЮРИЯ БОНДАРЕВА
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 15 АПРЕЛЬ 1985
РОЛИ
ДОНАТАСА
БАНИОНИСА

ЗДРАВСТВУЙ, «КРАСНАЯ СУББОТА»!

В череде замечательных традиций советских людей есть одна, несущая в себе особый смысл,— отмечать дорогую для всех нас дату — день рождения Владимира Ильича Ленина — добровольной и безвозмездной работой на коммунистических субботниках.

Размах этого подлинного праздника труда необычен: только в минувшем году в нем участвовали 157 миллионов человек! На благородные цели идут деньги, заработанные в дни наших «красных суббот». На эти средства построены онкологический и кардиологический центры, а также сотни школ, детских садов, больниц и интернатов, спортивных сооружений в самых различных уголках нашей Родины. Каждое из этих зданий и учреждений — памятник патриотизму советских людей, их горячему стремлению сделать нашу землю богаче и красивее.

Наш труд в этот день — продолжение и развитие прекрасной инициативы тринадцати коммунистов и двух сочувствующих, оставшихся после смены в цехе депо Москва-Сортировочная Казанской железной дороги и отремонтировавших безвозмездно три паровоза. Живые ростки нового отношения к делу увидел в этом начинании рабочих вождь революции, прозорливо назвав его Великим почином.

Символично, что в числе передовых столичных коллективов, выступивших ныне с инициативой о проведении коммунистического субботника в честь 115-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина, и труженики локомотивного депо Москва-Сортировочная.

Три паровоза отремонтировали их деды в памятный апрельский день далекого 1919 года. Внуки в счет субботника проведут на сэкономленной электроэнергии 264 грузовых и пассажирских поезда, перевезут 368 тысяч тонн грузов, вернут в строй 11 электровозов и тепловозов, а также один железнодорожный кран. Масштабы разные, а сердечный порыв, сознательность и бескорыстие родственны.

Нынешний праздник в рабочей спецовке осенен еще тремя памятными и дорогими вехами — 40-летием годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне, 50-летием стахановского движения и подготовкой к предстоящему XXVII съезду КПСС. Помня о них, москвичи решили в этот день работать безвозмездно, а все заработанные средства перечислить в фонд сооружения Памятника Победы и музея Великой Отечественной войны на Поклонной горе. Эта благородная инициатива нашла широчайшую поддержку повсеместно.

Эстафета Великого почина продолжается. Здравствуй, наша «красная суббота»! Здравствуй, праздник в рабочей спецовке!

См. стр. 2.

1920 год. В. И. Ленин
на субботнике в Кремле.
Рисунок П. Васильева

1

2

ВО ВСЕСОЮЗНЫЙ ФОНД ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СУББОТНИКА ПЕРЕЧИСЛИМ 23 ТЫС. РУБ.

3

ЗДРАВСТВУЙ, «КРАСНАЯ СУББОТА»!

1. Один из ветеранов депо Москва-Сортировочная, машинист электровоза, дважды Герой Социалистического Труда Виктор Фадеевич Соколов (третий слева) беседует с молодыми железнодорожниками и дает им товарищеские напутствия перед отправкой в рейс в счет коммунистического субботника. Слева направо: машинист электровоза П. Б. Мухин, помощник машиниста А. В. Зацепин, машинист Е. М. Котиков и помощник машиниста В. Н. Сигелев.

Фото В. СОБОЛЕВА (ТАСС)

2. 1980 год. Праздник в рабочей спецовке на Бакинском заводе бытовых кондиционеров.

3. Дошкольный детский комбинат «Солнышко» в Сторожинце Черновицкой области, построенный на средства от «красных суббот».

4. Больничный комплекс в Риге сооружен на средства, поступившие от субботников.

Фото ТАСС

4

идет эксперимент

Импульс творчеству

Более полутора лет назад на ленинградских предприятиях, и в частности, в объединении «Электросила», начался экономический эксперимент. Ставилось целью «отрегулировать» механизм оплаты: повысить производительность труда инженеров, технический уровень и качество их разработок, сократить цикл «исследования — производство», снизить материалоемкость, трудоемкость и энергоемкость выпускаемой продукции. Для этого прежде всего требовалось, образно говоря, освободить от многих организационных пут волшебную жар-птицу инженерного вдохновения.

Примечательно, по словам секретаря парткома объединения В. Егорова, что за полтора года в общественные организации объединения не поступило, по сути, ни одной серьезной жалобы на чьи-либо неправомерные действия во время небывалой по своим масштабам перестройки деятельности многих их подразделений, не вызвали нареканий и итоги внеочередной аттестации. А ведь был упразднен целый отдел, 25 лабораторий и секторов, высвобождено более двухсот человек; перемены — для кого-то радостные, для кого-то не очень — так или иначе затронули сотни специалистов.

Пресловутая уравниловка, когда и одаренный, творчески мыслящий инженер и его безынициативный, а то и попросту ленивый коллега получали за свой далеко не равный труд равную зарплату, давно стала притчей во языцех. Необходимость решительных перемен была ясна каждому. Но одно дело чисто теоретические рассуждения на волнующую тему, и совсем другое, когда перемены эти властно вмешиваются в твою собственную жизнь, ломают привычный, устоявшийся уклад трудовой деятельности.

За время эксперимента здесь произошли не формальные, а ощутимые качественные перемены. Освобождение инженеров от второстепенной, рутинной работы, создание творческих бригад для подготовки производства новых изделий способствовали заметному повышению эффективности труда.

Большую роль сыграло и материальное стимулирование. За счет экономии фонда заработной платы, образовавшейся в результате сокращения численности работающих, стало возможным установить надбавки к должностным окладам инженеров, увеличить сами оклады, более ощутимо премировать рабочих опытных производств.

Надбавки эти не пожизненная рента, а временное поощрение, размер и срок действия которого определяет в каждом конкретном случае руководитель подразделения. Определяет, используя принцип гласности, учитывая квалификацию работника, сложность поставленной перед ним задачи, личный вклад его в разработку и внедрение новой техники, технологии на самом современном уровне. Причем деньги из фонда зарплаты, не использованные в текущем году, не изымаются в бюджет и могут быть использованы на поощрение в следующем.

Вместе с тем полтора с лишним года работы в новых условиях поставили и немало острых вопросов, доказав одновременно, что решение их вполне посильная задача для тех, кто действительно озабочен поиском, использованием резервов.

Для «Электросилы» подобный поиск давно стал стержнем ее экономической политики, чутко улавливающей все прогрессивные тенденции, устремленной в будущее. Ведь минувший, 1984 год был ознаменован для коллектива еще и участием в крупномасштабном экономическом эксперименте по расширению прав производственных объединений и усилению их ответственности за результаты работы.

Если опыт по совершенствованию оплаты труда конструкторов и технологов относится в основном к создателям новой техники, то этот эксперимент так или иначе затрагивает интересы абсолютно всех тружеников предприятия. К тому же он выводит их инициативу за рамки объединения.

Предприятиям типа «Электросилы», специализирующимся на выпуске мелкосерийной, зачастую уникальной по сложности продукции, при традиционном планировании приходится особенно тяжело. Минэнерго и еще несколько организаций планируют объединению выпуск по номенклатуре, ориентируясь прежде всего на свои ведомственные интересы, ни с кем не координируя свои задания.

Если учесть еще, что министерский план по объемным показателям не увязывается с планом по номенклатуре, а сами задания далеко не всегда подкреплялись должным материально-техническим обеспечением, можно только вообразить, какие головоломки ежегодно вынуждено решать руководство объединения, пытаясь уложить эти задания в прокрустово ложе действенных возможностей своего производства.

— Эксперимент расширил наши права в формировании планов как на год, так и на пятилетку в целом,— говорит заместитель генерального директора «Электросилы» Л. В. Неверовский.— Строго регламентированы сами сроки разработки, доведения до исполнителей, количество плановых заданий ограничено. Конечно, за двенадцать месяцев трудно изменить то, что складывалось годами, но первые реальные выгоды своего нового положения мы уже почувствовали и по достоинству оценили.

В небольшом числе показателей, которыми оценивается сейчас работа фирмы, особо важное место отводится выполнению заданий по новой технике, обязательств по поставкам, выпуску продукции высшей категории качества. Их реализация определяет прирост фондов заработной платы, материального поощрения, одним словом, прямо ли, косвенно касается каждого, будь то недавний выпускник ПТУ или заслуженный ветеран производства. В памятке рабочему «Электросилы», посвященной эксперименту, насчитывается с десяток пунктов, регламентирующих всякого рода денежные поощрения отличившимся. Администрация получила широкие возможности для стимулирования. Она, например, имеет теперь право на 16—24 процента (в зависимости от разряда) повышать доплаты к тарифным ставкам рабочих, занятых на особо ответственных заказах, за профессиональное мастерство. Без согласования с вышестоящими органами высококвалифицированным рабочим, занятым на наиболее важных работах, разрешено устанавливать оклады до 230 рублей и т. д. Инженерно-техническим работникам (и прежде всего мастерам), а также служащим за высокую квалификацию выплачиваются надбавки в размере до 50 процентов оклада.

Достигнутый за год рост производительности труда, сверхплановое снижение себестоимости продукции, почти стопроцентное выполнение договорных обязательств (чего раньше добиться не удавалось) объективно свидетельствуют об успешности первого шага.

И здесь хотелось бы сказать добрые слова в адрес бригад, работающих с применением элементов хозрасчета (их на предприятии около пятисот). Воистину всему свое время. Убежден, что еще несколько лет назад, до того, как окрепли, набрали силу эти бригады, нынешний эксперимент остался бы всего-навсего красивым проектом, не имеющим под собой прочной материальной, моральной основы. Хотя и тогда, конечно, можно было ввести тщательное, с использованием ЭВМ, планирование поставок продукции, производства, объемных показателей, детально продумать внутрицеховое планирование, то есть в теории сделать многое из того, что сегодня является нормой. Именно теории, так как корни эксперимента питает внутрицеховая жизнь, а существенные перемены в ней в отношении к делу рядового труженика связаны с бригадным подрядом.

В. Г. Муравьев, начальник статорного участка цеха турбогенераторов № 1, сказал об этом так:

— Пять подчиненных мне бригад работают на единый наряд. Преимущества эксперимента ощущаем материально в виде всякого рода надбавок, положенных по его условиям, получаем хорошую прогрессивку за план, за договорные обязательства. Строже стал контроль за ритмичной поставкой заготовок со стороны смежников, возросла и личная требовательность друг к другу. Не все, конечно, еще идет гладко: большие дела сразу не делаются. Но мы понимаем — у бригады, как и объединения, стало больше не только прав, но и обязанностей. Главная из них — работать с умом, не обходить препятствия, устранять их.

Василий Григорьевич отдал предприятию треть века. Помнит митинги, посвященные рекордным для тех лет машинам мощностью в 100, 150 тысяч квт. Сейчас и «миллионник» уже не в диковинку, а на сборке — техника недалекого будущего — криотурбогенератор мощностью в 300 тысяч квт.

Знакомя с ним, Василий Григорьевич заметил:

— А ведь это знаменательно, что его рождение и эксперименты, в которых участвует «Электросила», совпали по времени.

Мысль была понятна. Расширив самостоятельность коллектива в использовании фондов развития производства, эксперимент позволил направить значительные средства на техническое перевооружение цехов, освоение прогрессивных технологий, приобретение станков с ЧПУ, роботов-манипуляторов, другой современной техники. Обновляясь, «Электросила» обновляет свою продукцию в соответствии с самыми жесткими требованиями международного рынка, в соответствии с последними достижениями науки.

Дальний, очень дальний прицел у нынешних экспериментов. Они не сулят легкой жизни, не гарантируют скорых побед. Но и то, что достигнуто первопроходцами за год-полтора, убеждает: это правильный путь. И закономерно, что с нынешнего января в Ленинграде к ним присоединились не единицы — десятки новых предприятий.

Олег ПЕТРИЧЕНКО,
собкор «Огонька»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 15 (3012)

6—13 АПРЕЛЯ

Отряд сандинистской милиции на границе с Гондурасом. Телефото МТИ — ТАСС

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ ПРОКЛАДЫВАЕТ РЕВОЛЮЦИЯ

Горную дорогу принято сравнивать с серпантином. Дорога в горах Матагальпы больше напоминает сосновую стружку, кольцами вьющуюся из-под рубанка. Выгоревшая галька полотна ослепительно блестит под солнцем. В полдень дорога и небо станут одинакового белесого цвета, а сейчас раннее утро, краски свежи, и дышится легко. Соснами пахнет, совсем как дома.

«Джип» выезжает за поворот и со скрипом тормозит. Мы спускаемся по крутому склону, зная, что ожидает нас там, внизу. Это видно прямо с дороги. Тяжелый грузовик уткнулся разбитым радиатором в ствол дерева. В развороченной крыше кабины зияют дыры. Тихо вокруг, только цикады звенят, и всего в нескольких шагах — смерть.

...Они вышли на рассвете, четверо строителей, по дороге взяли попутчиков —«милисиано» и двух крестьян. Они ехали веселые, молодые, здоровые и думали о том, как хорошо будет пройтись по улицам города после трех месяцев, проведенных в палаточном поселке.

Взрыв мины вздыбил, перевернул грузовик. И свет померк. Лишь один из них, двадцатилетний Рональд Мартинес, спасся, скатившись в кювет. Его, тяжелораненого, бандиты не нашли. И он видел, как сомосовцы глумились над трупами его товарищей, как вырывали язык у убитого «милисиано». Даже мертвых бандиты боялись их, вымещали на них трусливую ненависть.

Молодые рабочие, которые погибли, попав в засаду, прибыли в департамент Матагальпа прокладывать новые дороги. Эти дороги потомки не назовут стройкой века, протяженность их невелика. Но дороги эти — путь, по которому революция доходит до самой отдаленной крестьянской хижины. Потому и ненавидят сомосовцы строителей, убивают из-за угла дорожных рабочих, монтажников, протягивающих линии электропередачи.

Так ведется «необъявленная война» против никарагуанского народа. Не рискуя вступать в столкновения с сандинистской народной армией, наемники ЦРУ нападают на гражданские объекты, похищают крестьян, сжигают посевы. В 1984 году экономический ущерб от агрессии только в департаменте Матагальпа составил 220 миллионов кордоб — примерно 18 процентов от стоимости всей сельскохозяйственной продукции департамента.

Непрекращающаяся агрессия вынудила правительство Никарагуа прибегнуть к чрезвычайным мерам. Начато переселение нескольких тысяч крестьянских семей из зоны боевых действий в центральные районы страны. Строятся новые поселки, правительство выделяет переселенцам наделы земли, снабжает их сельскохозяйственной техникой. Для никарагуанской экономики, истощенной войной, эти непредусмотренные планом капиталовложения, измеряемые сотнями миллионов кордоб,—тяжкое бремя.

Революционная Никарагуа унаследовала от диктатуры Сомосы слаборазвитую аграрную экономику, ориентированную на внешние рынки. Цены на кофе, хлопок, сахар — основные экспортные продукты страны — постоянно колеблются.

В начале текущего года руководство Никарагуа обнародовало комплекс мер, направленных на оживление экономики, борьбу с инфляцией, ускоренное развитие производства. Новые меры призваны гарантировать трудящимся постепенное повышение уровня жизни. Главное условие успешного выполнения программы — достижение мира. Сегодня маленькая центральноамериканская страна вынуждена сорок процентов национального бюджета расходовать на цели обороны. Такое бремя непосильно и для более развитых государств.

Год 1985-й, который объявлен в Никарагуа годом борьбы за мир, должен внести перелом в ход «необъявленной войны». Сандинистская народная армия провела ряд наступательных операций, нанесла серьезные удары по сомосовским бандам, действующим на севере страны. Только в последних двух боях в департаменте Хинотега наемники потеряли 140 человек убитыми и ранеными.

Сандинистское правительство предприняло и мирное наступление. В январе национальная ассамблея одобрила закон об амнистии, который гарантирует неприкосновенность и возможность беспрепятственного возвращения на родину тем, кто откажется от вооруженных выступлений против республики. Революция не мстит своим противникам. Главная цель закона об амнистии — как можно скорее прекратить братоубийственную войну, вернуть мир на израненную землю Никарагуа.

В Манагуа прекрасно понимают, что существование вооруженной контрреволюции — это не внутренняя проблема страны. Деятельность сомосовцев финансирует и направляет ЦРУ: это, в частности, подтвердил на днях один из бывших главарей так называемого «никарагуанского демократического фронта» Хосе Мондрагон. 12 марта он дезертировал из рядов сомосовской банды, которую сам же и возглавлял, и попросил политического убежища в мексиканском посольстве в Гондурасе. Члены семьи Мондрагона уже прибыли в Манагуа и рассказали на пресс-конференции об атмосфере террора и насилия, которая царит в сомосовских бандах. Инструкторы ЦРУ требуют беспрекословного выполнения своих приказов, любое неповиновение карается смертью. «Никарагуанский демократический фронт» не представляет собой сколько-нибудь самостоятельную организацию, это послушное орудие в руках американских спецслужб.

...Нож бульдозера врезает девственную землю красными ломтями, отслаивающимися по сторонам. Впереди — едва заметная тропа, по которой в сезон дождей не проедешь даже на муле. Десятилетиями такие тропы служили единственными путями сообщения с внешним миром для крестьян Матагальпы.

Дом Бертильды Санчес стоит у края только что проложенной дороги. Шестидесятилетняя крестьянка вынесла гроздь золотистых бананов и, угощая ими, рассказывает о своей жизни:

— Земля здесь плодородная, дает богатые урожаи фасоли, маиса, кофе. Но сеяли мы до последнего времени мало, только чтобы самим на пропитание хватало. Два раза в год незначительные излишки возили на рынок в ближайший поселок, а это трое суток пути на муле. Теперь, когда дорога пришла к нам, все изменится.

— Недавно у нас был праздник,— вступает в разговор сын Бертильды Санчес Кристобаль,— первый автомобиль проехал по новой дороге. Мать ждала этого события, как никто из нас. Говорила, что стара, не доживет. Она ведь за всю свою жизнь ни разу не была в большом городе, не видела машин, электрического света, не знала слова «врач». За последние месяцы в наших местах многое стало по-новому. Мы с соседями создали кооператив, наши дети теперь могут учиться. Вот вы спрашиваете: что для нас означает дорога? Я так скажу: дорога — это транспорт, поликлиника, школа, свет.

Михаил БАКЛАНОВ,
собкор АПН.
Специально для «Огонька»
Манагуа.

АЛЬТЕРНАТИВА АРМАГЕДДОНУ

Леонид МЕДВЕДКО

Недалеко от Назарета, несколько южнее ливано-израильской границы, у подножия невысокой горы Мегиддон, находится городишко Мегидо. Именно в его окрестностях, по древнебиблейскому сказанию, «на исходе времен» должна произойти апокалипсическая битва между «силами добра и зла» — Армагеддон, то есть битва у горы Мегиддон. В сражении, как говорится в Библии, примут участие «цари всей земли обитаемой», и победителем должен выйти «посланец божий...».

Президент США Рейган питает давнюю слабость к библейским сказаниям. Он уже несколько раз предрекал «неизбежность ядерного Армагеддона при жизни нынешнего поколения», а также то, что «решающая битва между силами добра и зла» может произойти если не у самого подножия горы Мегиддон, то по крайней мере где-то на Ближнем Востоке. Само собой разумеется, к «силам зла» Рейган относит «международный коммунизм» и всех, кто с ним связан, иными словами, всех, кто за национальное освобождение и социальный прогресс. США и их стратегические союзники не только по НАТО, но и такие «оплоты демократии», как расистский режим ЮАР и сионистский Израиль, должны олицетворять, очевидно, «силы добра».

Дело не ограничилось лишь одними пророчествами. Администрация США, похоже, уже попыталась устроить нечто вроде репетиции Армагеддона. Пока, правда, не в ядерном, а, так сказать, в обычном варианте. Таким своеобразным «миниатюрным Армагеддоном», по мнению автора вышедшей недавно в свет книги специального корреспондента газеты «Вашингтон пост» Джонатана Рэндала, стал Ливан. Он назвал свою книгу «Идя до конца: христианское воинство, израильские авантюристы и зойна в Ливане». Рэндал, как и бывший агент ЦРУ Уилбур Ивлэнд — автор другой книги, «Карточные домики: банкротство Соединенных Штатов на Ближнем Востоке»,—был свидетелем многоактной ливанской трагедии. И тот и другой хорошо знают закулисную сторону ближневосточной политики Вашингтона. Ивлэнд провел более тридцати лет на Ближнем Востоке в качестве специального представителя Пентагона и ЦРУ, работавшего под «крышей» дипломатических ведомств и нефтяных компаний. Рэндал тоже не раз командировался в Ливан и другие горячие точки газетой «Вашингтон пост». Судя по содержанию книг, осведомленность и компетентность их авторов не вызывает сомнений. В отличие от президента Рейгана они убедительно показали, что подлинными силами зла в репетиции Армагеддона на ливанской земле выступали именно Соединенные Штаты вместе с израильскими авантюристами и ливанскими реакционерами.

Получив, однако, в Ливане достойный отпор, американо-израильские союзники не смирились. Ливанская трагедия — это лишь прелюдия готовящихся новых агрессивных авантюр против Сирии и Иордании, стран Северной Африки и зоны Персидского залива.

Но между верой Рейгана в победу в «ядерном Армагеддоне» и реальными возможностями осуществления бредовых планов Вашингтона об установлении американского господства во всем мире дистанция, как говорится, огромного размера. В этом Рэндал и Ивлэнд, как и многие их соотечественники, наглядно могли убедиться не только на примере ливанского кризиса, но и на кровавых итогах распределения «стратегических ролей» Вашингтоном и Тель-Авивом за последние десятилетия на Ближнем Востоке.

«МИРОТВОРЧЕСТВО» НА КРОВИ

«Стратегический союз», в рамках которого осуществляется распределение обязанностей между Вашингтоном и Тель-Авивом, был использован уже не раз. Израиль развязывал войны и проявлял «неуступчивость», а США надевали тогу миротворца и увещевали агрессора.

Так было в 1956 году — после развязывания «тройственной» агрессии против Египта. Тогда были убиты десятки тысяч египтян. Вашингтон, на словах выступая миротворцем, уговаривал и даже иногда «осуждал» агрессоров. На деле же он всячески потворствовал и помогал Израилю удерживать захваченные арабские земли еще в течение нескольких месяцев после решений Совета Безопасности ООН о выводе из Египта всех войск оккупантов. Одновременно США пытались тогда воспользоваться «благоприятной обстановкой» для выдвижения проекта об «интернационализации» части территории Египта и лишении его права самостоятельного управления Суэцким каналом. За ширмой «миротворчества» Вашингтон упорно добивался установления не справедливого мира, а своего контроля над каналом.

За шесть дней вооруженной израильской агрессии против арабских стран в июне 1967 года и в последующий период «войны на изнурение» и оккупации арабских земель десятки тысяч арабов погибли или были изувечены на фронтах, стали жертвами бомбардировок и обстрелов мирных городов и сел. Сотни тысяч людей, лишенных крова, оказались в лагерях беженцев в Иордании, Сирии, Ливане.

Тем временем США выступали с различными «мирными инициативами», а за кулисами «миротворчества» пытались осуществить в 1970 году план совместной американо-израильской военной акции против Иордании и Сирии. И опять десятки тысяч убитых и раненых палестинцев, иорданцев, ливанцев. И снова попытки американской дипломатии навязать арабам «мир» на унизительных условиях, сопровождаемых демонстрацией силы США и новыми агрессивными акциями Израиля.

Поддержка Вашингтоном Тель-Авива и одновременное заигрывание с Каиром после прихода к власти Садата не привели к уменьшению напряженности в регионе. Напротив, произошел новый взрыв в октябре 1973 года. Эта война была одной из самых кровопролитных не только для арабов, но и для Израиля. Однако «размороженная» на крови ситуация на Ближнем Востоке была использована Вашингтоном вовсе не в интересах мира. Спровоцированная не без участия США и Израиля гражданская война 1975—1976 годов в Ливане унесла около 60 тысяч жизней ливанцев и палестинцев. Сотни тысяч людей получили ранения и увечья, не менее полумиллиона, лишившись крова и средств к существованию, вынуждены были покинуть свои родные места.

С молчаливого согласия США в марте 1978 года было совершено вооруженное вторжение 30-тысячной израильской армии в Ливан.

Подписанный в Кэмп-Дэвиде «мир» по-американски открыл зеленую улицу новой гонке вооружений на Ближнем Востоке, целой серии вооруженных конфликтов и войн на границах Египта и Ливии, Алжира и Марокко, на юге Аравийского полуострова, в зоне Персидского залива и, наконец, снова в многострадальном Ливане.

Ивлэнд и Рэндал нашли в себе мужество прийти к заключению, что значительная доля вины за пожарище Бейрута, за кровавые события в Ливане, за тот хаос, который царит на Ближнем Востоке, ложится на Белый дом, на ЦРУ, на Пентагон, на госдепартамент, на многие американские компании.

В отличие от всех предыдущих арабо-израильских войн, когда Вашингтон предпочитал оставаться за кулисами событий, на этот раз Соединенные Штаты оказали Израилю прямую военную поддержку. На протяжении всего кризиса они действовали согласованно, допуская лишь чисто тактические разногласия в отношении путей осуществления намеченных задач.

В ходе многоактной ливанской трагедии США не предприняли никаких действенных шагов для того, чтобы остановить кровопролитие. Вашингтон воздержался и от применения каких-либо предусмотренных американским законодательством санкций против Тель-Авива, когда он стал использовать полученное от США вооружение, в том числе фосфорные, шариковые и кассетные бомбы, против населения Бейрута.

БЕЗ МАСКИ

Израильская агрессивная акция, начатая при соучастии Вашингтона под названием «Мир Галилее», вылилась в коллективную интервенцию с участием Израиля, США и стран НАТО. Новую операцию вполне можно было назвать «война Ливану». Американские морские пехотинцы и натовские вояки, заняв в Бейруте позиции израильских агрессоров после их символической передислокации, приняли у них эстафету карателей. В совместной операции под кодовым названием «Железная маска» американские «миротворцы» и сами окончательно сбросили с себя маску. Порочный круг замкнулся.

Дымились пожарами разрушенные города и села Ливана. Но земля горела под ногами оккупантов. Смерть подстерегала захватчиков на каждом шагу.

Американским морским пехотинцам не помогли сооруженные между пляжем Узай и бейрутским международным аэропортом Хальда мощные укрепления с разветвленной системой бетонированных тоннелей, огневых позиций и подземных складов. Американцы из «посредников в миротворчестве», писал в те дни Рэндал в газете «Вашингтон пост», превратились в прямых участников ливанского кризиса. Балансируя, по словам Рэндала, «между двумя минусами», то есть правохристианскими головорезами и израильскими агрессорами, Вашингтон хотел убить сразу двух зайцев — посадить в Ливане марионеточное правительство и закрепить американо-израильское военное присутствие. Однако «многонациональные силы по поддержанию мира в Ливане» развалились, как и сам американо-израильский «мир», который пытались навязать арабам Вашингтон и Тель-Авив. На тех же флагштоках, где развевались в Бейруте флаги оккупантов и интервентов, взвились знамена ливанских патриотических организаций и национальные флаги Ливана.

Но железный кулак Вашингтона и Тель-Авива все еще занесен над Ливаном. На смену одним авианосцам подошли другие. Некоторые подразделения морских пехотинцев, павших духом после «передислокации» на корабли, пришлось срочно заменить. Зато к берегам Ливана вплотную подошли другие американские и натовские корабли, которые обрушили огненный шквал на города и селения страны.

Администрация Рейгана попыталась возродить «дипломатию канонерок» в авианосной модификации. Но дипломатия кораблей, писал из горящего Бейрута Рэндал, не может компенсировать отсутствие самой дипломатии. 16-дюймовые орудия линкора «Нью-Джерси» и самолеты, обстреливавшие и бомбившие ливанские города и селения, создавали, по словам Рэндала, лишь «жалкую иллюзию политики».

«Администрация США,— резюмировал Рэндал,— запуталась в паутине ливанского кризиса. Она неспособна найти выход и из ближневосточного тупика». «Только полный дурак может после всего происшедшего поверить Соединенным Штатам на Ближнем Востоке»,— сказал ему в доверительной

беседе профессор-палестинец, много лет преподававший в американском университете в Бейруте.

НЕСБЫВШИЕСЯ ИЛЛЮЗИИ

В преддверии президентских выборов администрация Рейгана постаралась отвести от себя критику за «неудачи» в Ливане. Виновниками собственных просчетов Рейган попытался представить некоторых конгрессменов, которые, дескать, «подрывали политику администрации» в Ливане. Но президенту резонно возразили.

— Вина за гибель американских морских пехотинцев и за поражение в Ливане,— заявил конгрессмен Т. О'Нил,— лежит на самом Рейгане, только на нем!

Однако в пылу полемики конгрессмены почему-то умолчали о тех воинствующих милитаристских и сионистских кругах, которые оказывали поддержку авантюристическому курсу Вашингтона. Именно на администрации США лежит вина за смерть не только сотен американских солдат, но и за кровь и разрушения Ливана.

Уилбур Ивлэнд и Джонатан Рэндал, как и многие другие американские наблюдатели на Ближнем Востоке, привели убедительные свидетельства о подрывной деятельности Соединенных Штатов и Израиля в этом районе. Их рассказы восстановили, говоря словами бывшего американского посла в Сирии и постоянного представителя США в ООН Чарлза Йоста, «недостающие части мозаики, в особенности фактов, касающихся тайных подрывных операций, часто кончавшихся провалом». Но, используя «частицы мозаики», они все же не смогли создать полной картины бурлящих событий на Ближнем Востоке. Тем не менее оба пришли к важным выводам о прямой причастности США к «операции по разрушению» Ливана и к «дестабилизации обстановки» на Ближнем Востоке. Ивлэнд и Рэндал питали, очевидно, иллюзию, будто своими разоблачениями смогут удержать Вашингтон от новых ошибок. Однако их надежды не оправдались.

НА НОВОМ ВИТКЕ

Спираль «стратегического взаимопонимания» между Соединенными Штатами и Израилем выпрямилась в откровенно агрессивную «ось» Вашингтон — Тель-Авив. В результате развитие событий на Ближнем Востоке приобрело еще более опасный оборот.

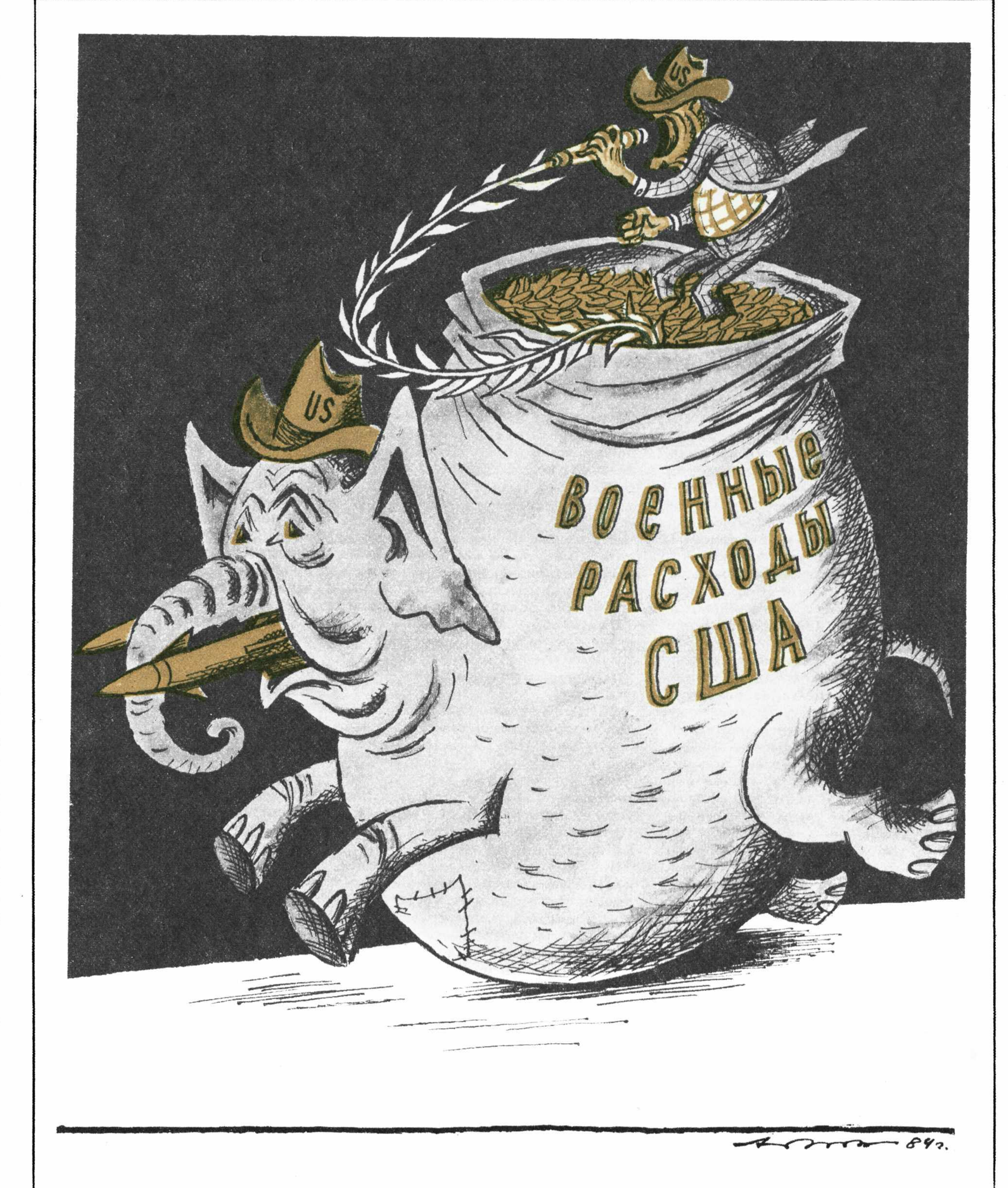
Израиль, объявив о новом туре якобы «добровольного вывода» своих войск из южной части Ливана, осуществляет при поддержке США очередной раунд кровавых преступлений в Ливане и на Западном берегу Иордана. Израильские танки блокируют мирные ливанские деревни. Сионистское воинство, врываясь то в одно, то в другое селение, открывает беспорядочную стрельбу и учиняет погромы. Под прикрытием «отхода» израильская военщина практически расширяет агрессию в Ливане.

Не прошло и месяца после разрекламированного «ухода» израильских войск из южноливанских районов, как они вновь совершают там разбойничьи рейды, сея смерть и разрушение. В деревни, где «квартировало» несколько десятков оккупантов, врываются на танках и бронетранспортерах сотни головорезов, соответственно сотнями исчисляются и жертвы кровавого террора сионистов. Они расстреливают и давят гусеницами безоружных людей. Устраивают повальные обыски и допросы «с пристрастием». Сгоняют жителей в концлагеря. Разрушают дома, сжигают сады, уничтожают посевы.

Именно по этим направлениям раскручивается теперь спираль «стратегического взаимопонимания» между США и Израилем. Все происходит по давно уже отработанному сценарию распределения ролей между израильскими агрессорами и американскими «миротворцами». Израиль, за ширмой «добровольного вывода» своих войск из Ливана, усиливает кровавый террор против арабов. Тем временем за кулисами разбоя Вашингтон при соучастии своих явных и скрытых союзников включился в новый тур «миротворческой» дипломатии на Ближнем Востоке, пытаясь реанимировать мертворожденный «план Рейгана» и вдохнуть жизнь в выдохшийся «кэмп-дэвидский процесс».

Советский Союз придерживается своей прежней принципиальной позиции по вопросу о недопустимости захвата чужих земель. Советские предложения предусматривают вывод израильских войск со всех оккупированных в 1967 году арабских территорий, а также с ливанской земли; неотъемлемое право арабского народа Палестины, единственным законным представителем которого является Организация освобождения Палестины, на самоопределение, включая создание собственного независимого государства; возвращение арабам восточной части Иерусалима; право всех государств на безопасное и независимое существование; прекращение состояния войны и взаимное уважение суверенитета, независимости и территориальной целостности друг друга; выработку и принятие международных гарантий урегулирования, которые могли бы дать постоянные члены Совета Безопасности или Совет Безопасности в целом.

Справедливое урегулирование ближневосточных проблем внесло бы весомый вклад в дело укрепления всеобщего мира — единственной разумной альтернативы безумию «ядерного Армагеддона».

Мир на словах, а не на деле —
У них совсем иные цели!

Рис. М. АБРАМОВА
Стихи С. МИХАЛКОВА

ПЕРЕГОВОРЫ В ЖЕНЕВЕ: НАДЕЖДЫ И БЕСПОКОЙСТВО

Владимир КАТИН

В нашей стране прекрасно понимают, что переговоры по космическим и ядерным вооружениям, которые ведутся в Женеве, являются трудными. Но в то же время мы далеки и от фатальной безнадежности. СССР готов честно пройти свою часть пути к взаимоприемлемым договоренностям. «О намерениях американской стороны,— заявил на днях Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев на встрече с Консультативным советом Социалистического интернационала по разоружению,— мы будем судить по ее практическим действиям... Мы решительно против того, чтобы переговоры превращались в некую ширму, прикрывающую дальнейшее форсирование гонки вооружений».

Как известно, СССР и США совместно определили предмет диалога в Женеве — космос, ядерные стратегические вооружения и ядерные вооружения средней дальности. Однако события, которые стали разворачиваться синхронно с началом женевских переговоров, откровенно говоря, настораживают.

На днях американская администрация все-таки добилась от законодателей ассигнований новых крупных средств на стратегические ракеты МХ. Первая партия крылатых ракет, нацеленных на СССР и его союзников, появилась в Бельгии. Делается сильный нажим НАТО на Нидерланды, чтобы заставить и их согласиться принять крылатые ракеты. В Канаде американский президент недавно подписал соглашение о создании там в военных целях 52 радиолокационных станций... Таким образом, как мы видим, американская сторона демонстративно ведет дело к наращиванию ядерного потенциала.

Наибольшая угроза нависла над европейским континентом, под который подведена сейчас мина огромной мощности. Ответственность за это несут как те государства, которые толкали других на размещение ракет, так и те, кто согласился на это. Как известно, правительства ФРГ, Англии, Италии и Бельгии вопреки воле подавляющего большинства населения допустили размещение у себя американских ядерных ракет. Такие действия руководителей этих стран, на словах выступающих за успех женевских переговоров, никак не могут им способствовать. Не могут они способствовать и процессу разрядки, ибо определяющее значение для дальнейшего развития отношений между СССР и западноевропейскими странами будет иметь то, какую политику будут они проводить в вопросах, затрагивающих интересы безопасности СССР и его союзников.

Принципиально важным вопросом на ведущихся в Женеве переговорах является вопрос о космическом оружии. Ряд западноевропейских государств занимает позицию, близкую или сходную с советской позицией в этом вопросе, а именно: космос не должен стать ареной «звездных войн». Об этом, в частности, заявил председатель правительства Испании Ф. Гонсалес в беседе с министром иностранных дел СССР А. А. Громыко. По мнению министра внешних сношений Франции Р. Дюма, космическое пространство должно оставаться мирным. Суждение на этот счет главы английской дипломатии Д. Хау таково: «Мы хотим воспрепятствовать гонке вооружений в космосе, которая завершилась бы в конечном счете на Земле». Показательно, что парламент Дании принял резолюцию, обязывающую правительство отмежеваться от агрессивных космических программ США. Об этом же официально заявила Австралия.

Все это, безусловно, создает для женевских переговоров благоприятный фон, показывает озабоченность руководителей западных стран опасными планами Вашингтона. Движущие мотивы людей, выступающих против милитаризации космоса, понятны. Ведь если при нынешних системах вооружений еще может оставаться какое-то время взвесить ситуацию, не допустить непоправимого, то война, начатая из космоса, могла бы вспыхнуть буквально со скоростью света. Можно представить, что бы это значило...

Вот почему народы и правительства, обеспокоенные судьбами мира, приветствуют начавшиеся переговоры в Женеве. Эти переговоры стали возможны не в последнюю очередь благодаря мощному движению миролюбивых сил общественности. Однако США придерживаются иного мнения. Судя по их реакции на позицию союзников, выступающих против опасной авантюры со «звездными войнами», США хотят привлечь всех членов НАТО, а также и Японию к участию в программе «стратегической оборонной инициативы», провозглашенной Рейганом. Министр обороны США объявил на днях на сессии НАТО даже своего рода ультиматум — ровно через 60 дней каждая страна должна дать свой ответ о том, намерена ли она участвовать в планах и программах освоения космоса в военных целях.

Кое-кто на Западе не прочь пойти на это. Так, определенные круги в ФРГ и Японии дают понять, что они готовы предоставить США свою технологию и включиться в так называемые «исследовательские работы» в космическом пространстве. В этом вопросе не может быть никакой половинчатости. Любое участие в исследовательских работах для использования космоса в военных целях есть не что иное, как соучастие в подготовке нового витка гонки ядерных вооружений. Фактически это будет означать подрыв самой сердцевины женевских переговоров, на повестке дня которых отказ от милитаризации космоса стоит первым параграфом.

В Призыве Всемирного Совета Мира, сессия которого недавно завершилась в Москве, не случайно заявлено, что усилия США по реализации планов «звездных войн» угрожают сорвать женевские переговоры и что если эти планы не будут остановлены сегодня, то завтра будет поздно.

ТУПИКИ АПАРТЕИДА

Одна за другой приходят тревожные вести из Южной Африки. Телетайп сообщает о все новых кровавых преступлениях расистов.

«...Движение борьбы против апартеида в ЮАР проводило день траура по 19 африканцам, застреленным полицейскими, когда полиция сообщила, что в восточной части Капской провинции, где происходят волнения, было убито еще 3 африканца».

«...В восточной части Капской провинции два африканца были убиты, когда полиция открыла огонь из пистолетов и дробовиков по толпе из примерно 2000 африканцев».

В Южно-Африканской Республике растоптаны все политические и гражданские права коренного населения. За тюремные решетки в ЮАР брошено свыше 120 тысяч человек.

В стране растет сопротивление апартеиду. Все активнее действует ведущая сила этого сопротивления — Африканский национальный конгресс (АНК). Символом борьбы патриотов за свободу Южной Африки является Нельсон Мандела, один из лидеров национально-освободительного движения ЮАР, который вот уже более 20 лет томится в расистских застенках.

В принятой единогласно резолюции Совет Безопасности ООН настоятельно требует от правительства Претории прекратить насилие и репрессии против коренного населения и других противников апартеида и в срочном порядке принять меры с целью ликвидации апартеида. В Заявлении ТАСС отмечается, что Советский Союз призывает все государства предпринять решительные шаги по пресечению злодеяний расистского режима ЮАР. Давно настало время, говорится в Заявлении ТАСС, применить в отношении этого режима эффективные меры в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.

Во время разгона демонстрации.

Фото АП — ТАСС

Антирасистское выступление африканцев.

Прага встречает советских воинов-освободителей 9 мая 1945 года (фото из архива).

9 МАЯ — 40 ЛЕТ СО ДНЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

Владимир НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»,
фото автора

В центре Праги находится музей Владимира Ильича Ленина. Он расположен в доме, в котором в 1912 году проходила руководимая Лениным VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП. Историческая комната, где заседали делегаты, сохранилась до наших дней и стала главным достоянием музея. В одном из его залов есть картина: Владимир Ильич идет по улице на фоне этого здания. А рядом, около картины, лежат под стеклом: полинявшая пилотка с красной звездой, потертая кожаная планшетка с такой же видавшей виды географической картой и записка, в которой гвардии майор П. Сухоруков сообщает о том, что бойцы танковой армии под командованием маршала П. Рыбалко с боями дошли до Праги, до этого исторического здания, их путь, пишет он, проходил через Харьков, Киев, Львов, Перемышль, Берлин... Рядом с этими реликвиями лежит книга отзывов, в которой летом 1945 года оставили свои записи советские солдаты и офицеры, освободившие Прагу: полковник Зылев, майор Авалиани, капитан Ляпунов, старший лейтенант Салов, медицинская сестра Муравская, лейтенант Махонин, старший сержант Горохова...

Так в 1945 году легендарное прошлое встретилось с героическим настоящим, и та встреча определила тогда будущее, ставшее для нас, живущих ныне, днем сегодняшним. Об этой неразрывности времен прежде всего думается в Праге в канун 40-летия ее освобождения от немецко-фашистской оккупации.

Узы, связывающие наши страны, становятся все теснее и сердечнее. Это нашло отражение и в Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ЧССР, пятнадцатую годовщину которого мы будем отмечать 6 мая.

...Еще в 996 году летописец Нестор писал, что между чешским государством и Киевской Русью господствовали «мир и любовь». И не раз наши народы совместно сражались против иностранных завоевателей. Одна из таких ярких страниц истории — знаменитая Грюнвальдская битва 1410 года, в которой были разгромлены немецкие рыцари Тевтонского ордена.

В эпоху подъема революционного движения в России в начале XX века Сватоплук Чех пророчески писал о «буре с востока», которая «в ужасах своих и боли рождает нам новую свободу». В 1945 году она окончательно пришла в Прагу.

В обращении ЦК Компартии Чехословакии от 25 июня 1941 года к народу говорилось: «Каждому честному чеху стало ясным, что великое, роковое сражение во всей истории, какое ведет Красная Армия с фашистскими ордами на Востоке, является также сражением за наше будущее, за нашу судьбу и нашу свободу. Сегодня за нашу свободу умирают славные сыны миролюбивых братских народов СССР. Им, нашим дорогим братьям, нашим честным друзьям, мы приносим дань глубокого уважения, восхищения и нашу любовь. С ними бьется сердце всего нашего народа, на них устремлены взоры и надежды всех порабощенных народов Европы. Они — героический авангард человечества — победят».

В тяжких условиях оккупации, в подполье, коммунисты Чехословакии героически сражались с фашизмом, многие из них пали в этой борьбе. «Из всех партий Чехословацкой республики,— писал Юлиус Фучик в «Руде право»,— только одна-единственная, как нерасторжимое целое, прошла сквозь огонь, только одна удержалась, только одна осталась партией и сражается в эти тягчайшие для народа времена. Это — Коммунистическая партия».

В начале 1942 года в уральском городе Бузулуке началось формирование батальона, который вырос затем в 1-й Чехословацкий армейский корпус, принявший активное участие в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Славной вехой в национально-освободительной борьбе чешского и словацкого народов стало Словацкое восстание 1944 года. Помощь восставшим тут же пришла со стороны неудержимо наступавших советских армий. Наши воины плечом к плечу со словаками и чехами бились тогда в Словакии с фашистскими оккупантами. А фронт тем временем приближался к границам Чехословакии. Шестого октября 1944 года вместе с нашими войсками с боями дошли до своих родных земель и чехословацкие воины.

Четвертого мая 1945 года стихийно начались народные выступления в Праге, на другой день они переросли в вооруженные столкновения с оккупантами, и по радио был передан сигнал о начале вооруженного восстания в столице. Вся Прага покрылась баррикадами, их было сооружено около двух тысяч. Они намного осложнили положение оккупантов, лишили их маневренности.

В канун празднования 40-летия со дня освобождения Праги я встречался с участниками памятного восстания, слушал их воспоминания, ходил вместе с ними по пражским улицам и площадям — свидетелям тех событий, знакомился с архивными документами, фото- и кинокадрами, и передо мной вставали, оживали те героические дни. Они в Праге напоминают о себе на каждом шагу. Несколько тысяч жителей столицы погибли тогда на баррикадах и в других столкновениях с оккупантами; в тех местах, где пали чешские патриоты, на стенах домов установлены мемориальные плиты, на них имена павших и даты гибели, немало и таких, на которых написано: «Имя неизвестно...»

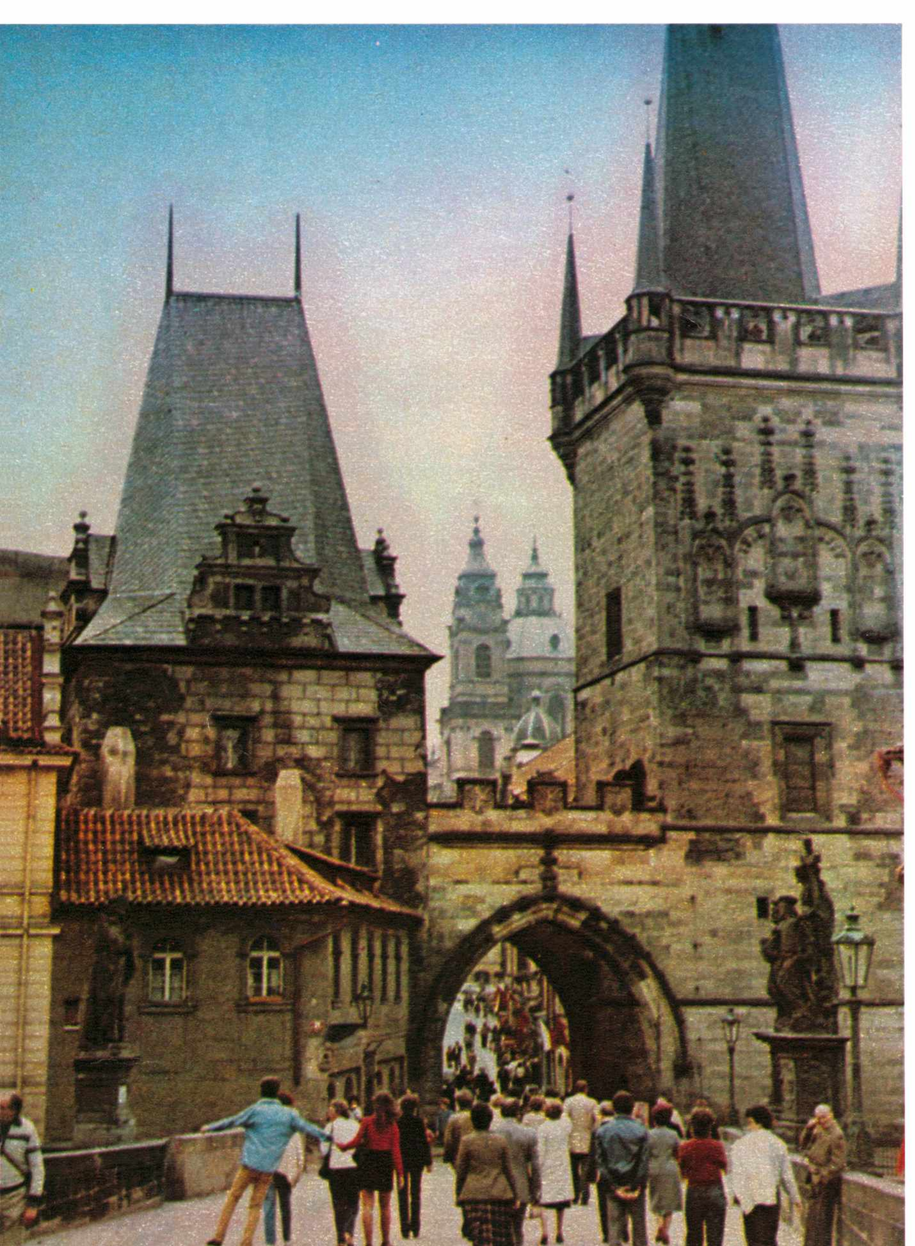
Корреспондентская дорога привела меня к Яну Туреку, секретарю Чешского союза антифашистских борцов. Сегодня он ветеран в полном смысле этого слова, а в дни восстания был подростком (родился в 1929 году), но на баррикадах оказался не случайно. Он так рассказывает о себе и своей семье.

...Родился и вырос в Жижкове, рабочем районе Праги, в семье, прочно связанной с революционным движением. После того, как фашисты оккупировали Чехословакию, в их квартире была организована одна из подпольных явок запрещенной тогда компартии. Там были ротатор и партийная библиотека. Отвечала за подпольное хозяйство его мать, член партии. И так уже само собой получилось, что Ян с десяти лет стал надежным связным подпольщиков. Кто бы со стороны мог заподозрить в этом обыкновенного мальчугана? Он разносил номера «Руде право», нелегально печатавшегося органа компартии, листовки, призывавшие к борьбе с оккупантами, передавал семьям нуждавшихся подпольщиков деньги, которые собирались для этой цели среди чешских патриотов. С детства он видел вокруг себя людей трудовых и отважных, с них брал пример. Одним из них был Ян Зика, член второго подпольного ЦК партии. В годы борьбы с оккупантами погибло несколько составов ЦК Компартии Чехословакии, в числе жертв был и Юлиус Фучик, он был членом ЦК одновременно с Зикой и оставил о нем потомкам чудесные строки, в которых нарисовал портрет жизнерадостного и отважного человека, несгибаемого коммуниста, героя чешского движения Сопротивления. Во время облавы, устроенной гестапо, Ян Зика был тяжело ранен и вскоре погиб в фашистском застенке. Так же тепло, как Фучик, вспоминает о Яне Зике и мой собеседник Ян Турек. Он рассказывает о том, как его наставники и учителя делали все, что было в их силах, для победы над фашизмом. В этой их борьбе, говорит Турек, огромную роль играло распространение среди населения известий о победах Красной Армии, особенно сильное влияние на рост движения Сопротивления в Чехословакии оказал разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом. Вслед за подпольными группами в

●

Участники Пражского восстания 1945 года (слева направо): Ян Турек, Вацлав Картнер и Милослав Нечасек * Советский танк, первым ворвавшийся в Прагу 9 мая 1945 года.

ÚNOR 1948
ÚNOR 1985
23

◀ **На берегу Влтавы * Малостранские мостовые башни * Серьезный разговор.**

стране начали создаваться партизанские отряды. Затем они сыграли важную роль в Словацком и Пражском восстаниях.

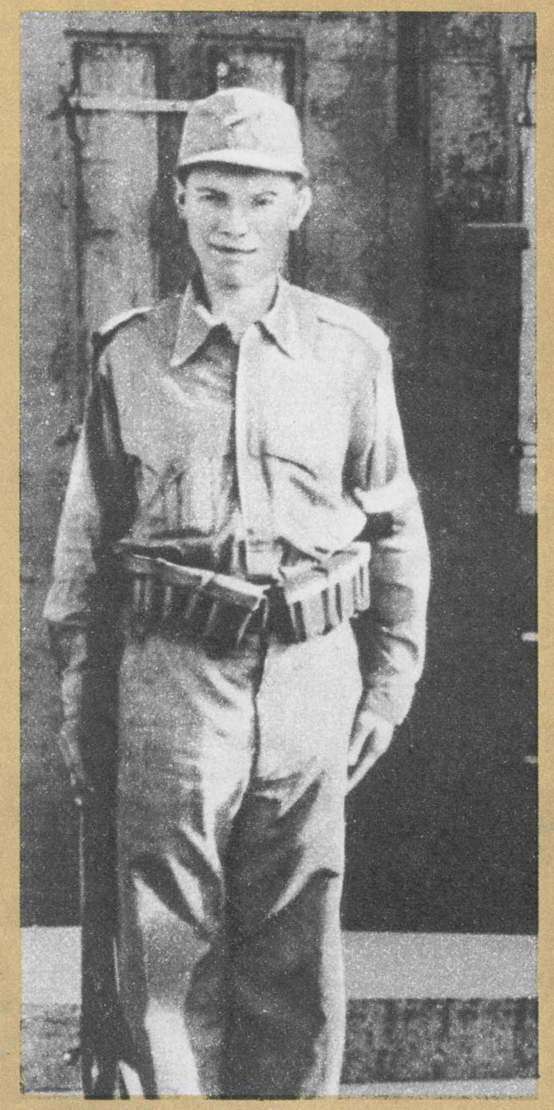
В 1942 году гестапо схватило, а затем расстреляло родного дядю Яна Турека, рабочего-коммуниста, брата его матери. Сегодня в Праге именем героя названа одна из улиц. А тогда, в 1942-м, из-за этого ареста пришлось срочно перебазировать подпольную явку из квартиры Туреков в другое место. Тем не менее подпольная работа продолжалась. По-прежнему юный Ян был надежным связным. Он вспоминает, как в 1943 году только чудо спасло его от гестапо. Как обычно, он разносил по нужным адресам деньги, газету «Руде право» и листовки. После очередной явки он собирался зайти на другую, как вдруг обнаружил, что гестаповские ищейки уже захватили ее. «До тех пор,— вспоминает он сегодня,— моя деятельность отчасти казалась мне игрой. В тот день я понял, что это опасная и нужная работа, необходимая партии и родине. Мне было тогда четырнадцать лет».

Большое впечатление на меня произвел один документ, который мне показал и прокомментировал Ян Турек. Это была схема, похожая на сложнейшую паутину, с множеством кружочков и соединяющих их прямых линий. Все это хитросплетение было наложено на контур Праги и означало схему городского коммунистического подполья. Да, патриоты задавали немало работы гестаповцам!

Ян Турек вспоминает, что во время Пражского восстания первая баррикада в его районе была сооружена на улице, которая ныне носит имя маршала Конева. Баррикада была на славу! Не сдвинешь, не прошибешь: ее создали рабочие ремонтной кузнечной мастерской. До 6 мая Ян по-прежнему был связным, а в тот день получил винтовку и занял свой боевой пост на баррикаде. Там, вспоминает Ян, на его глазах один его сверстник уничтожил фаустпатроном фашистский танк и при этом сам погиб.

Оккупанты пытались подавить восставших, пробиться через бесчисленные баррикады, были случаи, когда они гнали перед собой мирных жителей, женщин и детей. Еще в феврале 1945 года Геббельс объявил, что Берлин и Прага будут защищаться до последнего солдата. В Праге и неподалеку от нее были сосредоточены крупные фашистские силы. В ночь на 6 мая, вспоминает Ян Турек, радио восставшей Праги передало призыв о помощи: «На Прагу наступают немцы со всех сторон. В действии германские танки, артиллерия и пехота. Прага настоятельно нуждается в помощи. Пришлите самолеты, танки и оружие. Помогите, помогите, быстро помогите!»

Известно, с какой неудержимой стремительностью, сметая на своем пути все преграды, ринулись к Праге советские танки. Это была последняя наша блестящая операция такого масштаба в годы Великой Отечественной войны. На скрижали истории она занесена как Пражская операция, длившаяся с 6 по 11 мая 1945 года (столица была освобождена 9 мая). В ней участвовали войска 1-го, 2-го и 4-го Украинских фронтов под руководством Маршалов Советского Союза И. Конева, Р. Малиновского и генерала армии А. Еременко. В своих мемуарах «Сорок пятый» И. Конев пишет о тех событиях: «...Операция была рассчитана на быстроту. Именно высокий темп наступления лежал в основе наших расчетов... Чтобы как можно скорее разгромить засевшую в Чехословакии миллионную группировку Шернера, взять Прагу, спасти город от разрушений, а жителей Праги, да и не только Праги, от гибели, не оставалось ничего другого, как прорываться прямо через Рудные горы. Иного пути не было...» Вот почему на одной из городских площадей навечно встал на пьедестале наш советский танк, первым ворвавшийся в Прагу. Танк-освободитель. Танк-спаситель вечно прекрасной Праги. Беседуя с ветеранами Пражского восстания, я задал им вопрос: «Что случилось бы, если бы наши танки опоздали на два-три дня, вошли бы в город не 9 мая, а позже?» Ответ был единодушным: «Город мог бы быть разрушен оккупантами».

Ян Турек. Май, 1945 год.

Известно, что у оккупантов был разработан план уничтожения Праги. Его им не удалось осуществить только благодаря тому, что наши войска вступили в столицу Чехословакии 9 мая, а не чуть позже.

Многократно описано, в какое всенародное торжество и ликование вылилась встреча наших воинов в Праге. До сих пор очевидцы называют тот день самым памятным за всю их жизнь. Один из них — Милослав Нечасек, ему уже 75 лет. Еще в 1935 году начал работать в пражской уголовной полиции, был детективом, специализировавшимся на расследовании убийств. Он вспоминает некоторые свои дела, рассказывает мне о них. В годы оккупации продолжал служить на прежнем месте, но при этом, используя свое положение, активно помогал участникам движения Сопротивления. Помогал подпольщикам скрываться от гестапо, снабжал их документами погибших и умерших граждан, то есть, можно сказать, почти подлинными, а не поддельными. Нечасек рассказал мне и о том, что многие сотрудники пражской полиции сыграли немалую роль в Пражском восстании, не только сами вышли на баррикады, но раздали восставшим имевшееся у них огнестрельное оружие.

Вместе с Нечасеком рассказывает мне о восстании и другой его участник — Вацлав Картнер, адвокат, 1912 года рождения. Он дарит мне только что вышедшую специально к 40-летию восстания книгу. В ней говорится о том, как началось и проходило восстание в Праге-V (районы столицы имеют свои номера), то есть в Смихове, том самом районе, где и стоит на пьедестале советский танк. Картнер говорит, что ветераны восстания семь лет готовили это издание. Такие же документальные книги вышли в эти дни и о других районах столицы.

Позднее у себя в гостиничном номере я не спеша просматривал подаренные мне книги. Десятки фотографий. Вот пражане, мужчины, женщины, старики и подростки, строят баррикады. Вот они ведут уличные бои, а здесь — разоружают фашистов... Фотографии павших в этих боях, а в конце каждой книги — длинный перечень патриотов, погибших в этом районе. Вот уже сорок лет Прага свято чтит их имена, как и память о советских солдатах и офицерах, отдавших жизнь за освобождение города. Они похоронены на столичном Ольшанском кладбище. Каждый раз, приезжая в Прагу, я бываю там и всегда вижу цветы и людей у могил, где спят вечным сном герои-освободители.

И, наконец, еще одно воспоминание о тех майских днях 1945 года. Вот что рассказывает В. Крюков, командир одного из наших танков, в числе первых ворвавшихся в Прагу:

«По броне моего танка дробно застучали пули, впереди на площади разорвался снаряд. Я лихорадочно искал через смотровой прибор вражескую пушку, укрывшуюся где-то в зелени парка. Вдруг вижу — по площади с огромным букетом сирени к нашему танку бежит маленькая девочка. Ей и невдомек о смертельном поединке экипажа с вражеским артиллерийским расчетом. Она бежала изо всех сил, чтобы передать свой букет людям в грозной машине с красной звездой на броне.

Длинная пулеметная очередь огненной трассой перерезала ей путь. Девочка не понимала опасности и бежала. В ее лице мы видели всю благодарную Прагу, всю Чехословакию.

Наш танк рванулся из укрытия, опрокинул какой-то киоск, выскочил на площадь и своим бронированным телом закрыл девочку. По металлу забарабанили пули, рядом разорвался снаряд. Считанные секунды — и немецкий расчет произведет новый выстрел. Возможно, роковой для девочки и нашего экипажа. Солнце всходило над Прагой. Я видел в перекрестие прицела вражескую пушку и темно-зеленые фигурки, суетившиеся около нее... Мы опередили врага. На том месте, где стояла немецкая пушка, зияла воронка.

Я выскочил из танка и втащил девочку в машину. Из-под наших шлемов струился холодный пот, а пятый член экипажа — маленькая пражанка как ни в чем не бывало нежно обнимала нас и кричала над оглохшими ушами: «Наздар!»

Нас окружили плотной толпой жители Праги. Девочка сидела у меня на плече с букетом сирени в руках. Она была героем этого последнего утра войны.

И сейчас, когда я смотрю на свою медаль «За освобождение Праги», мне вспоминается белокурая Илонка, под немецким огнем бегущая с букетом сирени к краснозвездной машине».

Прага — Москва.

Прага в мае 1945 года: строят баррикаду * На баррикаде (фото из архива).

ЖИВОЙ ГАГАРИН

Фото
А. ЩЕКОЧИХИНА

Сотни тысяч объективов в течение семи лет были сфокусированы на личности первого космонавта планеты. Сколько их, фотографий Гагарина! И ни на одной ни тени рисовки или отработанной позы. А если взгляд в объектив — обезоруживающая, обаятельная улыбка, которую знает весь мир.

Оставаться всегда, в любых ситуациях самим собой для многих целое искусство, оплаченное постоянным внутренним контролем, целенаправленной работой ума, наконец, борьбой с самим собой. А Гагарин? Почему-то есть уверенность, что ему это не стоило никакого труда. Он словно не замечал окружающей его славы.

Перед нами фотографии земляка первого космонавта А. Щекочихина, возвращающие нам живого Юрия Гагарина на его родине Смоленщине, среди друзей, родных. Вот Юрий Алексеевич с мамой — Анной Тимофеевной. О чем их беседа? Фотография прямо не скажет... Но теперь невольно думается о другом: матери предстоит пережить сына на полтора десятилетия. Такого сына! Впереди у ее Юры еще несколько лет жизни, но уже рождается ощущение тревоги. И сегодня эта фотография смотрится по-иному: сложенные руки Анны Тимофеевны — словно предчувствие горя.

Снимки эти экспонировались в Москве на Всесоюзной выставке «Фотообъектив и жизнь». Космонавт Г. С. Титов очень точно подметил: «Бесхитростные любительские кадры А. Щекочихина, имевшего возможность в течение ряда лет снимать Гагарина в домашней обстановке, среди родных и близких, прекрасно дополняют обаятельный героический образ». Вглядимся в них и вспомним другие, виденные раньше: с главами государств и правительств, крупнейшими учеными, знаменитыми деятелями культуры, рабочими, студентами, пионерами — и всегда, везде он тот же Юрий Гагарин, каким любит его весь мир.

Ю. СУРХАЙХАНОВ

Юрий БОНДАРЕВ

РОМАН

Рисунки Е. БОНДАРЕВОЙ, А. УСТИНОВИЧА

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В тот день, расставшись с Валентином, он не дождался Ольгу, вышел из дома, не нашел ее на поляне и один ходил по лесу, по высокому берегу реки, вдоль песчаных отмелей, где весной садились дикие утки. Сначала по воде плыли, текли ленивые по-летнему облака («Откуда это непередаваемое наслаждение в их медлительности?»), на закате нежно заалели на плесах перистые, женственно тонкие, обещающие занебесное блаженство («Это же прелестный обман!»), затем начало постепенно надвигаться то невесомое молодое ощущение июльского вечера, в котором всегда парит долгий свет зари, что-то чуткое, зыбкое, не имеющее четких границ во времени. И уже в мягко синеющей темноте, охватываемой папоротниковой сыростью, Крымов сидел на поваленной березе, курил, отгоняя веточкой комаров, глядел на другой берег, проступавший за поблескивающей внизу рекой. Там километрах в трех оставался дачный поселок. Там, в потемках леса, не пробивалось ни единого огонька, хотя в поселке, по-видимому, зажглись над заборами фонари всех улочек, между сосен сквозили окна дач, пленительно зеленел абажур настольной лампы в комнате Ольги, и рядом горел свет в его кабинете — ожидая его по вечерам, Ольга включала в мансарде свет, объясняя с загадочной полуулыбкой свою странность: «Я боюсь одна, а это маячок, чтобы тебе легче было найти дорогу домой».

«Я боюсь одна, а это маячок...» — вспомнил он растроганно, а когда встал и, еле угадывая тропинку, спустился по крутому откосу к берегу, внизу ярко вспыхнул огненно переливающийся зигзаг: струились, двигались золотые извивы нитей. И Крымов не сразу понял, что же так ярко полыхало, сверкало, извивалось в черной воде.

Он миновал кусты, ступил на узкий, шаткий мостик, со всех сторон окруженный блаженным хором лягушек, стонущих в камышах на отмелях, и тут увидел, что́ вспыхивало, купалось на самой быстрине. На том берегу, на западе, где небо было светлей от зари, над темной вершиной березы царственно играла алмазными огнями большая неизвестная звезда.

«Что это — Венера, Марс? — подумал Крымов, завороженный праздничным блеском над макушкой березы.— Жизнь прожил и не знаю...»

Он остановился на середине мостика, задрав голову, увидел в прорехах застывших верхушек далекое пульсирование звездных фейерверков, величественное ликование неба, всю эту сверкающую россыпь, голубое дрожание космических лучей в глубинах жутких провалов галактик; в лицо дохнуло из небесных пропастей вечным холодом, ритуальной тайной непостижимости, и Крымова стало томить тихое желание попросить прощения за что-то, в чем были виноваты все перед этим величием недосягаемой красоты, перед этой праздничной запредельностью, которой нет названия.

«Что мы знаем, самонадеянные и самовлюбленные? Уверены, что знаем все,— и не знаем ничего. А что там? А дальше что? А зачем? Во имя чего? В чем смысл всего земного и небесного? Или смысл в том, что нет никакого смысла? Или во всем тот смысл, который постигнет человек в момент смерти? Может быть, смерть и есть постижение всего? Да, небо такая же тайна, как смерть... Да, да, нужно постоянно об этом помнить! Но почти никто не хочет этого помнить... И мы забываем, не хотим знать, что общение с тайной красоты — радость, а радость — высшая мудрость. И как ничтожна вся человеческая возня с сиюминутной выгодой, завистью, тщеславием... Какая никчемная чепуха! О, скольким людям на земле приходило такое понимание! И что же?»

Он усмехнулся этому своему пониманию земной тщеты, глядя на играющую подвижными лучами звезду, и все же на душе у него было светло и освобожденно.

И правда, в мансарде в его кабинете горел сквозь листву свет, и мирной зеленью настольной лампы было залито окно Ольги рядом с кабинетом. Не зажигая электричества на первом этаже, он быстро взбежал в мансарду, дверь в ее комнату была приоткрыта. Световая просека разрезала, раздвигала потемки на лестничной площадке, и, казалось, из ее комнаты пахнуло ночным покоем, чистой постелью.

— Ты не спишь, Оля?

Он вошел. Ольга в рабочих брюках, в черной рабочей рубашке сидела в соломенном кресле, подперев кулаком подбородок, и смотрела на небольшой, сегодня написанный, еще не просохший пейзаж, прислоненный на полу к стене, освещенный лампой с края стола: потухающий закат за лесами, последний отблеск в воде и струистое, тревожное дрожание первой звезды в малиновом отблеске. Может быть, той, незнакомой, царственной, которая передвигала лучистыми алмазными радиусами над темной вершиной березы? Она тоже видела ее?

— Это я, Оля,— сказал он негромко.— Здравствуй.

Она не отняла руку от подбородка, посмотрела на него скошенными внимательными глазами и недоверчиво чуть-чуть кивнула.

— Здравствуй. Ты так поздно, Слава?

Он услышал в ее голосе не то шутливую полувопросительность, не то невнятный упрек и сокрушенно вздохнул, подходя со спинки кресла, увидел ее собранные в старомодный пучок волосы, ее маленькое ухо, ее открытую рабочей рубашкой шею и сказал осторожно:

— Я, как всегда, виноват. Пошел искать тебя. И не нашел. Забрел в лес, за мостик. И там хорошо думалось. Кстати, видел, как рождалась ночь. Было прекрасно...

— Ясно. А Анатолия Петровича с тобой не было?

— Он уехал рано. Странно... Вот такую звезду, как на твоем пейзаже, я тоже видел. Только под мостиком, у свай. Марс или Венера?

— Значит, ты был один и было прекрасно,— проговорила Ольга тоном мягкой насмешки, снизу взглядывая ему в лицо с ожидающим выражением.

Он, стоя около кресла, виновато поцеловал ее в слабо улыбнувшиеся губы.

— Пожалуй, впервые за много лет заметил летом Венеру или что-то в этом роде,— сказал он, ощущая прохладное безразличие в ее неответивших губах, и придал своему голосу оттенок шутки: — А с кем была ты?

— Сама с собой.

— И как?

— Представь, как хорошо нам было! Как хорошо мы пообщались, поговорили, поплакали.

— Поплакали? О ком? О чем?

— О тебе. Обо мне.

В ее тихих бархатных глазах была по-прежнему незавершенная вопросительность, не часто свойственная ей, за которой Крымов почувствовал нечто встревоженное, упрекающее, тщательно скрытое ею, и он сказал уже без ненужной сейчас между ними словесной зашифрованности:

— Если можно, Оля, объясни, что случилось. Я сегодня малость устал, поэтому никак не возьму в толк. Ты почему-то на меня сердишься?

— Нисколько. Просто поплакала о нашей ушедшей молодости. Но это, конечно, пустяки, бабья лирика...

Ольга поднялась, обхватила руками плечи, точно обняла себя, чтобы согреться, постояла перед пейзажем, губы ее слегка круглились подобием улыбки (а он помнил их холодок безжизненности, что ожег его минуту назад), и так, обнимая себя, поглаживая ладонями плечи, она отошла в сторону, за свет лампы, и оттуда, из зеленой тени, сказала нарочито оживленным голосом:

— Не думала, что так случится, Вячеслав. И как это все некстати и грустно!

— Случится? Что?

— По-моему, ты не рассчитываешь свои силы.

— Так было всегда,— пошутил он, со страхом догадываясь, о чем хотела сказать она.— Я давно знаю свои недостатки, Оля.

— Я их узнала недавно, прожив с тобой целую жизнь. Так что же нам делать, Слава?

«Вот чего я боялся, вот этого ее унижения. Я боялся, что кем-то замешенная грязь испачкает Ольгу. Неужели студийные сплетни во всей красе дошли и до нее? Нет, люди беспощадны...»

— Оля, я катастрофически поглупел и, значит, задаю наивные вопросы: что случилось? Тебе кто-то звонил? Ты получила письма? Конечно, анонимные...

Из полусвета темнели ее неулыбающиеся глаза, а губы (сколько раз он целовал их, холодноватые, не утоляющие его) вздрагивали отражением сдержанного удивления.

— Я тебя не осуждаю. Ты перестал меня любить, поэтому можешь поступать как хочешь. Дело не в звонках и не в письмах.

— Оля...

— И тут ничего не поделаешь. В жизни бывает все.

— Оля, зачем ты?..

«Неужели она верит и мне нужно объясняться, оправдываться? А у меня нет сил».

И он с видом неимоверной усталости присел на корточки подле пейзажа, и это зеленоватое после заката небо, неистовый огонь первой звезды в пустой черноте воды, и пепельная туча грачей, вьющихся над вечерним дальним лесом, и недавние беззвучные фейерверки в ночи, тайный праздник в бездонных глубинах галактик, какое-то движение, смещение, шевеление лучей — все ритуальное великолепие, что открылось ему на середине мостика, как со дна ущелья, меж неподвижных вершин на высоких берегах, мгновенно потеряло освобождающую надежду, и он подумал с отчаянием: «Все переставлено местами, и все летит в бездну!»

— Оля,— сказал он покорно, не решаясь повернуться от пейзажа, но теперь ничего не видя в нем подробно.— Оля, прошу тебя только о единственном: верь себе, а не кому-либо... Знаешь, о чем я думаю в последнее время? Есть птицы певчие и птицы ловчие. Так вот, ловчие, даже когда они сыты, могут ударить острым клювом в затылок. Смысл? Его нет. Но желание ударить есть. Причин тысячи. И одна мельче другой. И со мной происходит то, чего я не хочу, Оля. Жизнь почему-то не может нас научить правде. Мы слишком доверчивы. И ты тоже доверчива, Оля. Я сегодня опять подумал, как ничтожна возня людей, когда вдруг на мостике увидел в воде вот эту красавицу звезду... Впрочем, банальны все истины, которые давно открыты, давно забыты и заново открыты.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—14.

Он поднялся с корточек и нахмурился после невольной своей искренности, что могла быть воспринята Ольгой через край нарочитой, а она стояла у стены в сумеречной полосе за светом настольной лампы и слушала его с опущенными глазами.

— Ужасно,— сказала она и приблизилась к нему, ласково оглядывая его лицо и притрагиваясь кончиком пальца к его подбородку.— Ужасно, как ты изменился в последнее время, ты похудел, осунулся, стал не тот. Что-то случилось, Вячеслав... Я тебя очень любила тогда, в Новый год, когда мы остались с тобой здесь... Ты уже не совсем тот или полностью другой?

— Другой. Наверно, не полностью.

— Хуже?

— Да.

— Значит, ты меня предал, Вячеслав?

— Ни разу.

— Я тебе, Слава, сейчас не верю почему-то,— сказала она с рассеянным лицом и нарисовала пальцем замысловатый вензель на лацкане его пиджака.— Ведь я замечала часто, как в твою сторону смотрят женщины. Потом ваши студийные нравы, артистическая богема, могу представить... И ты не святой, Слава. Так ведь?

— Ты ошибаешься, Оля, я почти святой. И ты не права насчет студийных нравов. Они как везде. И богемы нет,— сказал Крымов, испытывая желание обнять ее и не говорить ничего в покое ее близости, ее спокойного неутоляющего холодка, как в ту вьюжную, пустынную ночь, когда они остались на недостроенной даче вдвоем. Но что-то мешало ему повторить минуту того новогоднего настроения, о котором вспомнила Ольга, и он только провел рукой по ее плечу, такому родному под черной рабочей рубашкой, договорил почти робко: — Как я могу поклясться, что люблю тебя?

— Не надо,— проговорила она без выражения.— Иди, пожалуйста. Иди, Слава. Уже очень поздно. Иди, мой милый святой.— Она опять нарисовала пальцем невидимый вензель на лацкане его пиджака, и лицо ее было безучастно.— Иначе мы не заснем оба.

— Спокойной ночи.

Он поцеловал ее в щеку и вышел с мучительным чувством, как будто она, не веря ему, не хотела договаривать и разрушать все до конца.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

— Извините, Вячеслав Андреевич, за нескромный вопрос, который я не решился бы задать вам, если бы, так сказать, не формальная сторона нашей профессии. Дабы установить истину, нам подчас следует знать и нечто интимное... нескромное. У вас были, извините, пожалуйста, еще раз, близкие отношения с Ириной Вениаминовной Скворцовой?

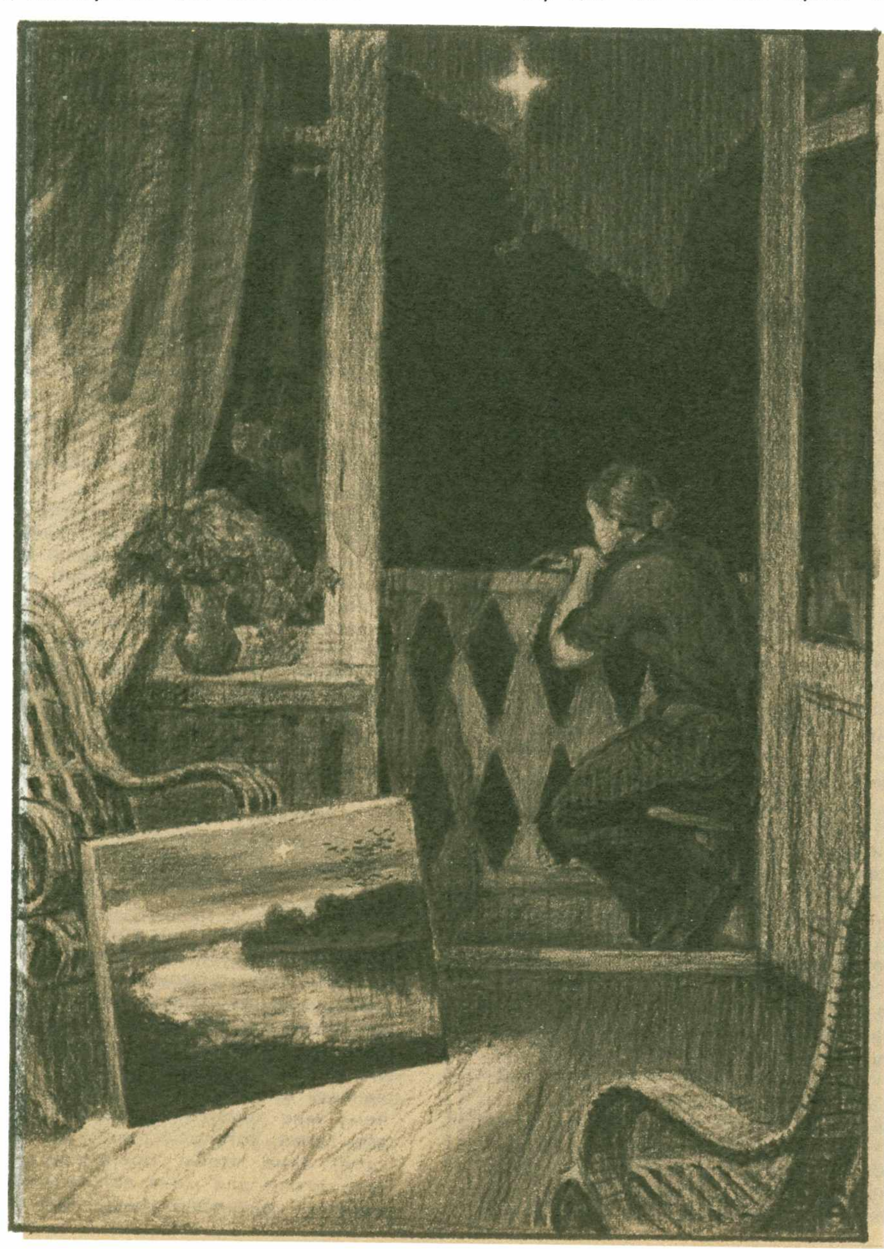
— При первой нашей встрече я рассказал все, Олег Григорьевич. Неужели мой вторичный ответ прояснит истину случившегося несчастья? Если да, то все ясно? Если нет, тогда что?

— О, вопросы уже задаете вы мне, Вячеслав Андреевич. Я отлично понимаю, что каждый момент столкновения с жизнью — это для вас, художника, неким образом сбор материала, опыт, который, так сказать, воплотится... Вы, художники, как губки, все впитываете и реализуете. Но так или иначе вы не хотите ответить на мой формальный вопрос?

— Почти невозможно объяснить. Как вам объяснить? Это не для протокола, который вам нужен.

— А именно? Может быть, вы не хотите говорить о какой-то, извините, аномалии у актрисы Скворцовой? Она перенесла тяжелую травму, и неудача в балете наложила отпечаток на ее психику. Может быть, особая экстравагантность?..

— Ну для чего вы так? Ирина Скворцова была чистым ребенком, доверчивым до наивности. Таких среди современной молодежи не часто встретишь. Она верила, что назначение жизни — это радость. Не удовольствие, не безделье, не обеспеченность, а именно — радость. Она обладала чувством нравственной свободы. О какой аномалии можно говорить?

— Конечно, конечно, конечно... Не хотел вам причинить неприятное, не хотел. Скажите, пожалуйста, Вячеслав Андреевич, а не было ли у вас перед несчастным случаем, так пока будем его определять, какого-либо серьезного разговора с Ириной Скворцовой? Она ничего вам не сообщила, не рассказала? Ни о чем не просила? Не припоминаете ли вы какие-либо ее слова?

— Припоминаю. Она была расстроена случайно услышанным ею чужим разговором на студии.

— Не припоминаете каким?

— Как часто бывает, претендентки на роль перемывали ей косточки и, разумеется, говорили о том, что она бездарна и что главную роль, разумеется, получила за то, что стала любовницей режиссера.

— И это не так? Не отвечает действительности?

— Что «не так»?

— Ирина Скворцова была вашей... любовницей, извините, или... подругой, приятельницей, как сейчас говорят в вашей среде?

— Не знаю, как говорят в нашей среде по данному поводу, но Ирина Скворцова не была ни моей любовницей, ни подругой, ни приятельницей. Было другое.

— Так что же было между вами, Вячеслав Андреевич? По долгу службы я нахожусь в неудобном положении... задавать вам, так сказать, пикантные вопросы, и вы уж потерпите мою настойчивость.

— Я потерплю. Но на пикантные вопросы позволю себе не отвечать.

— Однако в ваших ответах я слышу одновременно и да и нет. Как следует мне понимать вашу диалектику?

— В смысле нет.

— А именно как?

— Олег Григорьевич, я не могу вам объяснить всю суть моего отношения к Ирине Скворцовой. В ней была и сила, и хрупкость, и беззащитность. Перед жизнью она была беззащитна. Как почти все одаренные люди.

— О вас сказать нельзя, что вы беззащитны, хотя вы зверски талантливы, как устно обозначил вас один крупный режиссер, ваш коллега.

— Все не так, как кажется. Я был просто удачлив. Вокруг меня много преувеличений. Завистливых и глупых. В искусстве удачливых не очень любят. Завидуют, льстят, но не очень любят. Вас не шокирует мой ответ?

— Вы кокетничаете сейчас, Вячеслав Андреевич. Маститая критика пишет о вас...

— Не надо читать маститую критику. Она часто лжет или расписывается под узаконенными режиссерскими рангами. Критика должна быть молодой, а значит — дерзкой.

— Вы опять кокетничаете.

— Как вам угодно. Если возможно кокетничать с правдой, то вы правы.

— Вы как-то недобры ко мне, Вячеслав Андреевич. Вы заведомо видите в моем лице некоего, так сказать, недоброжелателя, а моя профессия предполагает беспристрастность даже к очень подозреваемым лицам, каковым вы не являетесь. Но вернемся к делу. Вы сейчас так говорили о Скворцовой, как будто... как бы точнее выразиться? Как будто были без ума влюблены в эту экстравагантную девушку. Такое чувство имело место?

— Я не был влюблен без ума в эту экстравагантную девушку. Более того, она терпеть не могла экстравагантности, и я тоже.

— Так или иначе — что же было между вами? Она хотела стать вашей женой? Хотела, чтобы вы развелись, а вы чувствовали себя связанным семьей, детьми, и у нее, у Ирины Скворцовой, появилась обида, горечь, неудовлетворенность своим положением?

— Ничего похожего.

— Так что же было между вами в конце концов, Вячеслав Андреевич? Она была удовлетворена своим положением?

— Она не была удовлетворена собою. Мне так думалось. Вы знаете, что после блестящего начала в балете она получила травму и ушла

со сцены на целый год. Несколько раз я видел, как она дома работала у станка — она старалась вернуть себе форму во что бы то ни стало. И не смогла, к большому сожалению. Когда я предложил ей роль, представьте, Скворцова сначала не согласилась. Она не хотела предавать и себя и балет.

— И вы считаете, что именно это привело ее к трагическому исходу?

— Я разве сказал так?

— Но можно было понять таким образом из ваших рассуждений.

— Я отвечал на ваш вопрос, который был не совсем точным.

— По всей вероятности, я вынужден задать вам много неточных вопросов, так что вы меня извините, Вячеслав Андреевич. Иногда, знаете, самый прямой путь к истине — окольный.

— Не надо, прошу вас, Олег Григорьевич, неточных вопросов и окольных путей. Честное слово, я очень устал. Я облегчу вашу задачу. Я понимаю: вам нужно установить причину гибели Ирины Скворцовой или виновника ее гибели, установить убийцу прямого или косвенного.

— Вы хотите пить? В графине, по-видимому, вода уже теплая. Пожалуйста, боржом, Вячеслав Андреевич. Сегодня с утра жарко, печет...

— Благодарю. И душно, я бы сказал, у вас в кабинете. Почему вы не открываете окна?

— О, вы наблюдательны, зрение у вас профессиональное, Вячеслав Андреевич.

— Я хочу облегчить вашу задачу, не решаемую из-за неточности моих свидетельских показаний. Я скорее всего обвиняемый, потому что виноват... виновен в том, что произошло. Вениамин Владимирович Скворцов, которого я встретил здесь у вас, был прав. Он справедливо обвинил меня в том, что я был злой искуситель... в том, что попытался вселить в его дочь надежду... Но я, как и вы, хотел бы знать, как случилось, как все произошло. Была ли трагическая случайность, или она решилась осознанно на самоубийство, несчастная девочка? Или что же? Я хочу верить, что это случайность...

— Однако есть основания думать, Вячеслав Андреевич, о несколько иных поводах трагического исхода, о несколько иных обстоятельствах...

— Значит, вы кого-то подозреваете? Понимаю вас. Разумеется, юстиция, закон, следствие, показания, свидетели. Но я один свидетель. И если я не знаю точно, но хочу знать, как и почему все произошло, то кто может знать, кроме господа бога, а мы с вами не верим в бога, кажется.

— Был еще один свидетель, Вячеслав Андреевич.

— Кто?

— Вы с ним хорошо знакомы. Шофер вашей студии Гулин Степан Евдокимович. Вы почему-то о нем молчите, хотя поступили с ним, мягко говоря, не по-джентльменски.

— Сердечно сожалею, что не по-джентльменски проявил свою невоспитанность. Также сожалею, что был слишком мягок с почтенным шофером Степаном Евдокимовичем. Впрочем, мягкость и раскаяние — порочная черта русской интеллигенции.

— Но вы же избили его, Вячеслав Андреевич! Вы, представитель художественной интеллигенции, известнейший человек, признанный режиссер, избили рабочего человека, который вызвал ваш гнев только тем, что был свидетелем вашей ссоры со Скворцовой в тот день, когда произошел трагический акт. Вы об этом как раз умолчали.

— Любопытно, как он мог быть свидетелем чего-то, когда находился в это время за тридцать километров, уехав обедать в чайную в районный поселок? Признаюсь, он вызывал и вызывает гадливое чувство...

— И поэтому вы нанесли ему побои, причинив телесное повреждение?

— Какое повреждение?

— В справке из сорок второй поликлиники, представленной свидетелем, сказано, что у него была разбита губа вследствие соприкосновения с зубами от удара и кровоподтек под носом.

— Великолепно! Я действительно очень сожалею, что ударил его только два раза. Для подобных граждан два раза маловато.

— Прошу вас, Вячеслав Андреевич, прочитать вот это заявление свидетеля.

— Про себя или вслух?

— Сомневаюсь, что чтение будет художественного свойства. Почему вы так насторожены со мной, Вячеслав Андреевич?

— Так же как и вы, несмотря на любезную форму и уважение ко мне. С вашего разрешения я читаю вслух, чтоб было яснее и искреннее. Так вот... «В главное управление. От Гулина Степана Евдокимовича». Ну ладно, что же он пишет, Степан Евдокимович, заслуженный шофер, награжденный грамотой? Ах вот как он излагает суть дела... «Хочу уважаемым товарищам из милиции описать суть дела преступления, потому как я работал по картине «Поколение» и вез товарища Крымова Вячеслава Андреевича, режиссера картины, и артистку Скворцову Ирину, по отчеству не знаю, на натуру, где потом снимать будут эпизод. Когда ехали на освоение натуры, режиссер Крымов В. А. попрекал Скворцову в глупости, в том, что она делать ничего не умеет ни в балете, ни в кино, а Скворцова сидела молчком, тихо плакала, а потом сказала, что с такими оскорблениями ей жить на свете не хочется, а режиссер Крымов на эти слова смеялся с исключительным эгоизмом. Когда на натуру приехали, они ушли к церковке на правом берегу реки, я остался на левом по причине негрузоподъемного мостика. Режиссер Крымов приказал ждать час-полтора, но их не было два часа, и есть мне захотелось, потому что был обед. На том берегу я их видел, ходили друг против друга, руками размахивали, вроде все ругались. Как раз подумал я, что долго они еще будут, и уехал в поселок хоть глоток водицы глотнуть, весь пóтом изошел на жаре. А когда приехал я за ними, тут увидел, что Скворцова вроде мертвая, утопленная на траве лежит, в купальнике, волосы мокрые, лицо белое, как мрамор, а режиссер Крымов зверем кинулся на меня, стал избивать в кровь и с нецензурными словами, как бешеный, предупредил, чтоб я нигде пикнуть не смел, что видел и слышал. Повезли мы Скворцову в больницу и сдали там. Вот что я знаю об этом преступном деле. Справку о телесном нанесенном мне повреждении прилагаю. К сему Гулин». Все? Да, подпись разборчива. Что ж, великолепно объяснил уважаемый шофер. Все изложил с беспощадностью реалиста. Здесь чувствуется стиль жертвы. И вы принимаете во внимание намекающие мемуары угнетенного режиссером водителя?

— Я принимаю во внимание все, что имеет отношение к делу. Водитель Гулин излагает личное отношение к тому, что случилось. Выводы делаю я. На основе всех показаний тех людей, которые знают вас и знали Ирину Скворцову.

— И если вы выслушаете Гулина, мудрого руководителя студии Балабанова, достопочтенного хозяйственника Молочкова, то у вас сложится справедливое мнение — вывод о возможном преступнике, о гипотетическом убийце режиссере Крымове. Я уж не говорю о Вениамине Владимировиче Скворцове, об отце погибшей девушки, который без колебаний обвиняет во всем меня. Пожалуй, он прав как отец, и я понимаю его тоже как отец. Я виноват или... как такое заявление выглядит с точки зрения правосудия ...не виноват, а виновен, виновен в том, что вселил в Ирину Скворцову надежду, а завистливые, злобные лица инкогнито, тошнотворные, как пошлость, разрушили надежду. И если это ее убило, какой все-таки хрупкий цветок была она...

— Вячеслав Андреевич, подобные заявления уводят нас в сторону, в психологию творчества, в темный лес, где рискуешь в трех соснах заблудиться и сломать шею. Я, знаете ли, дорожу своей шеей, и не только для того, чтобы носить галстуки. Поэтому возвращаюсь к главному — что же, по-вашему, было непосредственной причиной смерти Ирины Скворцовой? Открою вам секрет, который, в общем-то, не является секретом. Отец Скворцовой обратился в инстанции высшего порядка и требует тщательного расследования причин смерти его дочери, и дело, так сказать, поручено мне, а я человек дотошный, извините за откровенность, и хотя мое уважение к вам...

— Какое тут может быть, к богу, уважение, и что такое уважение, и почему уважение, и для чего!.. Бред! Я вам сказал, вернее, по протоколу, ответил. Я виновен...

— Вячеслав Андреевич!

— Я виновен, и делайте со мной то, что нужно дальше.

— Вячеслав Андреевич!

— Я сказал вам — другого виновного вы не найдете.

— Вячеслав Андреевич, я удивлен... Вы должны отвечать за свои слова, а не бросать их на ветер. Подобные заявления опасны, в конце концов!

— Я уже давно ничего не боюсь. Нет, иногда, конечно, смерти боюсь. Здесь побеждает чистое любопытство — а как будет после меня? Меня всю жизнь губило любопытство. Может быть, поэтому я и стал режиссером: познать чужую жизнь. Но так многого и не познал.

— Вы сказали, что во всем виновны вы?

— Во всем. И вам не нужно больше задавать вопросы ни Балабанову, ни Молочкову, ни прочим...

— А Стишову, который был у меня утром? Достойнейший, по-моему, человек.

— Тоже. Романтик и идеалист, влюбленный в меня. Он не может быть объективным. Тем более он мой друг. Близкий к тому же.

— У меня больше вопросов к вам нет. Пока нет. Если они возникнут, то придется вновь побеспокоить вас, Вячеслав Андреевич.

— Благодарю. Мне можно идти?

— Всего хорошего. Желаю всяческих творческих успехов на экране.

— Благодарю. Я тронут вашим добрым отношением к киноискусству.

Его потное лицо облепило масленым теплом уже раскаленной, грохочущей в этот час улицы, бьющей соединенным ревом моторов в уши, и он, утомленный, подошел к машине, поставленной им под ветвями притротуарной липы (чтобы не так сильно прокалило солнцем). Обжигая о металл пальцы, открыл ключом дверцу и сел в машину с захлестнувшим отчаянием оттого, что пропадает, не может остановиться, овладеть собой, найти равновесие, что все делает сейчас в каком-то туманном неблагоразумии, потеряв контроль над здравомыслием, и что это состояние погубит или уже погубило его. Он еще не представлял полное разрушение прежнего, свое новое, униженное место в жизни, где будут действовать иные законы, иные отношения, как бывало на его памяти с некоторыми известными людьми, ударами справедливых либо несправедливых обстоятельств сбитыми с ног. И не представлял собственное положение зависимым в такой степени, какая раньше не распространялась на него.

То, что происходило с ним, и то, что он делал, плохое и хорошее, говорил, отрицал, утверждал, было немыслимым образом остранено, огорожено некими нелепыми обстоятельствами, дурными поводами, чудилось, чем-то нереальным, нетвердым, временным, что должно немедленно, вот-вот закончиться, повернуться в будничное течение обычной действительности, которая внешне ни в чем не изменилась и была той же, как до отъезда Крымова во Францию. Однако явные перемены произошли и вновь возвращали его в тот жаркий июньский день, последний день Ирины,— и когда он с головной болью вышел от следователя и в аптечке машины нашел амидопирин, помогли лишь две таблетки, он без воды проглотил их химическую горечь и подумал, устало приваливаясь к горячей спинке сиденья: «Сейчас я должен поехать на дачу».

Потом он сидел раздумывая — так ли уж надо ехать сегодня на дачу, к благостному лету, к соснам, траве и солнцу? Может быть, остаться в Москве, побыть в пустой квартире одному, обдумать в одиночестве сегодняшнее, случившееся, ибо и на даче никто не мог помочь — ни Ольга, ни Валентин, ни его любимица Таня.

«Какое блаженство: вот так сидеть в машине одному, смотреть на дрожание светотени в глубине липы с запыленной листвой и не думать ни о чем, только видеть, слышать улицу и чувствовать. Но разве чувствовать значит не думать? И все-таки не проходит какая-то неопределенная боль, которая, как тоска, появилась ночью, когда я ушел от Ольги... И почему мне хочется бежать куда-то? И почему так легко хотелось говорить следователю о своей вине, чтобы прекратить унизительные для него и для меня вопросы,— неужели никогда не кончится это?»

И еще надеясь вернуть душевное равновесие, он попытался вспомнить самый счастливый день в прожитой жизни и наконец вспомнил его — далекий, весенний, как если бы повторилась незабвенная пора детства. Ах да, вот он: солнечный март, капель, синие тени берез на белом снегу... и мальчик (это он) стоит перед заваленным сугробами крыльцом и смотрит на радостную голубизну неба над крышей, на свисающие с заледенелых желобов сосульки...

Нет, он еще помнил и другое счастливое утро, нежный свет зари на стенах чужой мансарды, малиновые блики на тяжелой мебели, пахнущей чем-то старинным, сладковатым... И были тогда длительные майские вечера и цепенящий запах сирени в саду. Где это было? В Германии? В те дни все было удивительно, ни разу позже не повторившееся. Ночью горели по горизонту запоздалые зарева окончившейся войны, а среди глыб сгущенного пепла, разрывов, дыма и, мнилось, обуглившихся гигантских лебедей, улетающих вдоль грозного горизонта, округло выделялись вдали купола, крыши, вершины деревьев. А зеркальный месяц остро, дерзко блистал в прорехах, обещая жизнь, любовь, молодость, удачу, возобновление того довоенного утра под Москвой, когда он увидел ее. Она в летнем ситцевом сарафане стояла у калитки, срывала стручки акации, касаясь голыми коленями прислоненного к изгороди велосипеда... Потом он явственно увидел рядом с нею и себя. Он накачивал велосипедную шину, а она стояла под той же акацией, молча водила ладонью по забору, и губы были надутые. «Не может быть, чтобы мы ссорились. Из-за чего? То были неповторимые дни моей юности, хотя не осталось в памяти ни имени милой девочки в сарафане, ни причины ссоры...»

И до сих пор почему-то не забывалось, как в те очень давние дни юности проснулся на сеновале с болевшими от поцелуев губами, разбуженный безмолвием после ночной грозы, и поразился: из-за туч выглянула, заблестела ему в глаза одинокая, чисто омытая звезда и до рассвета стояла над черной покатой крышей, еще влажно дышащей свежестью дождя.

«Вчера я тоже видел звезду, но было другое — чувство утраты, а та ночь в юности не ушла из памяти. Да, да, синие мартовские тени на снегу, луна в Берлине, девочка в ситцевом сарафане, сеновал, пахучий ветерок просыхающей крыши — что это, безоблачные сны моей жизни? Да, истинное — то, давнее. Оно осталось со мной, не ушло, и, может быть, именно оно держит меня на земле...»

И страстно захотелось вспомнить и почувствовать свое раннее детство: тихий отблеск росы на лугах, крик грачей в ветреное утро, тишину заката, дух парного молока, звук уключин на реке, а ночью далекий лай собак под разверстой глубиной осеннего неба, потом — мокрый перрон, до краев затопленный февральским туманом, уже предвесенним, угольно пахнущим паровозным дымом, и себя за руку с растерянной матерью, встречающей отца, откуда-то приехавшего, небритого, с неприятно дергающимися губами: «Нет, мать, на земле мне прощения, как нет счастья...»

Ничего похожего он, Крымов, не сумел передать с горькой полнотой в своих фильмах, да и больно было передавать разочарованно-безысходную, давящую силу отца.

«— Никто. Ничто. Никому. Вот так я жил, мать.

— Что это?

— Мое время.

— Я жалею тебя, Андрей.

— Святая ты... Неужто ты святая?

— Посмотри на Славу, ты не забыл его?

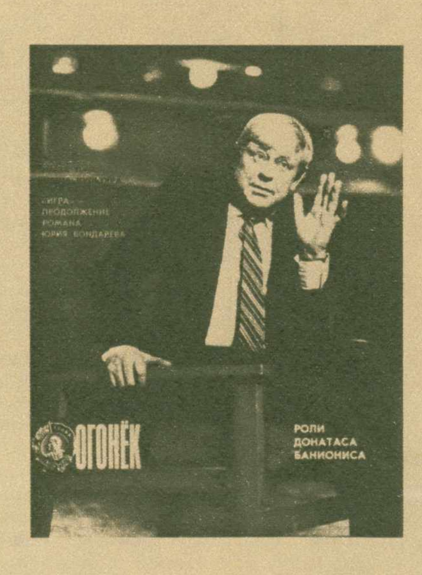
— Неужто сын?»

Неопрятно грязные руки отца, заметные, однако, крупностью, ладной мужской красотой, были черствы, когда он погладил по плечу мать и неловко притронулся к щеке своего забытого сына. И сын, испуганный жалким, раздавленным видом отца, видел, как затеплились ласковой покорностью глаза матери, простившей все обиды непутевому мужу и этому несправедливому миру,— она была в тот день счастлива, чего он не мог понять.

«Счастье — это то, чего мы сами не испытали. И это тоже так...»

Окончание следует.

ОБЫКНОВЕННАЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

У Баниониса удивительный дар: не бросаться в глаза. Замечали ли вы, что актерский стиль Баниониса абсолютно не театрален? В этом легко убедиться.

Сначала вспомним «Мертвый сезон», Ладейникова.

Странный человек Ладейников, не правда ли? Вот первые кадры. Он появляется в дверях отеля, входит к себе в номер, устало опускается на подоконник, закуривает. В его манере нет ничего необычного. Бесстрастный он человек. В «Мертвом сезоне» меня не покидало ощущение, что Ладейников занимается не своим делом, что у него другое призвание... Какое? Не знаю, какое угодно, только не разведчик.

Но предоставим слово самому Банионису. Выступая перед журналистами, он объяснил свое отношение к герою:

«Мне очень не хотелось, чтобы, глядя на Ладейникова, зрители говорили — ох, какой он ловкий, прямо Джеймс Бонд. Но разве такие, как Бонд, которым легко убивать, разрушать, разве они могут бороться за человечность? Наша задача была не в том, чтобы показать о б ы к н о в е н н о с т ь р а з в е д ч и к а, а в том, чтобы вселить уверенность в о б ы к н о в е н н о г о ч е л о в е к а. Он, как ты, и, следовательно, ты, как он, можешь быть таким, как он, если у тебя есть что защищать и ты решишься на это».

Слова убедительные. Создать образ обыкновенного человека, чтобы вселить уверенность в обыкновенного человека,— Банионис всегда, в любом фильме, где приходилось сниматься, не отступал от этого правила.

Так его учил Мильтинис — основатель Паневежского театра. Именно так, а не иначе. Однажды Витаутас Жалакявичюс, снявший Банониса в трех своих картинах, сказал, что «актеры, воспитанные Юозасом Мильтинисом, только и делают, что играют себя в предлагаемых обстоятельствах». Когда я напомнил эти слова Банионису, он изумился. А напрасно. Банионис сам спровоцировал эту ошибку. Он часто играл так, что невольно казалось: он не отходит от самого себя, он делает персонажей по своему образу и подобию. Создалась иллюзия, что Банионис не склонен к перевоплощению. А это ошибка.

Его игру всегда отличает интеллигентность особого рода. Она проявляется абсолютно во всем — в его пластике, в умении быть самим собой, играть н е и г р а я.

Он всегда предельно собран, сосредоточен. Кажется, что он продумал буквально каждое свое движение, каждое слово. В искусстве Банониса нет случайных жестов, телодвижений, интонаций. Все, что он делает, настолько естественно, что собственно м а с т е р с т в а актера мы уже не замечаем.

Вступив в 1941 году в труппу Паневежского драматического театра, он сыграл около ста ролей. «Для меня все жанры хороши, кроме скучного»,— заметил в беседе со мной Банионис. Думаю, что в его словах не было лукавства. Если перечислить роли Банониса — Бабич в «Украденном счастье» Франко или Октавий в «Лжеце» Гольдони, Андрей в «Женитьбе Белугина» или Доминик в «Наследниках Рабурдена» Золя,— сыгранные в Паневежисе примерно в одни и те же годы, станет ясно, что между ними нет и, вероятно, не может быть ничего общего; эти роли нельзя играть одинаково, по одному образцу, используя одни и те же приемы. Кроме того, когда приходится играть по четыре-пять новых спектаклей в сезон, появляется реальная опасность быстро потерять доверие зрителей. А Банионис — ведущий актер труппы. Это говорит само за себя.

Театр воспитал в Банионисе характерного актера. Не мастера на все руки, но хорошего характерного актера.

Кинематограф желал открыть в его актерском даровании нечто героическое. А Банионис остался верен себе. Нельзя сказать, что его Ладейников — обыкновенный человек, но в его образе нет ничего героического.

Точно так же нет ничего героического и в Гойе — Банионисе. Тем более в мистере Мак-Кинли в фильме «Бегство мистера Мак-Кинли». Банионис создал на экране свой, особый тип человека. В самом деле: куда все-таки стремится Мак-Кинли, куда он б е ж и т? А Гойя? Как объяснить его страсть к бродяжничеству? И, наконец, Ладейников: почему он выбрал именно эту профессию, сменил имя, биографию...

О Гойе как-то раз Банионис сказал: «Гойя — человек, который не обнаруживает себя постоянно». То же самое он мог бы сказать и о Ладейникове. Что общего между ними? Только одно: эти люди наглухо замкнуты в себе, они абсолютно скрыты от внешнего мира и обречены на одиночество. Гойя — Банионис любил людей и не доверял им: боялся предательства. О Ладейникове можно сказать то же самое. Богато одаренные натуры находят радость в самообщении. Более того: в таких случаях самообщение выступает как защита от одиночества. В чем сила этих людей? Банионис отвечал: в таланте. Только талантливый человек может всегда и во всем быть самим собою, даже вживаясь в образы своих полотен или живя под чужой личиной.

Мы видим, чувствуем: в судьбе этих людей произошел глубокий внутренний надлом. Банионис давал понять: личные беды Ладейникова связаны с войной, которая ранила его больнее других (именно поэтому он не ушел с поля боя, остался в строю). В «Гойе» пояснения не требовались. Трагическая судьба художника была передана Банионисом с утонченным психологизмом и исторической полнотой. А мистер Мак-Кинли был просто несчастливым человеком. Он ненавидел Америку, страну, в которой жил, он хотел проститься с ней раз и навсегда, вот только способ избрал для этого не самый лучший...

Банионис всегда идет по линии человеческого обоснования образа. Казалось бы, в «Бегстве мистера Мак-Кинли» так просто перевести киноповесть Леонова в чисто игровой план и дать блестящее сатирическое вскрытие «американских нравов». В «Мертвом сезоне» соблазн увлечься детективной стороной сюжета исподволь постоянно давал себя знать. Но оказалось, что для Банониса это неприемлемо: он всегда и во всем верен себе...

А. КАРАУЛОВ

АНЯ, ОТЗОВИСЬ!

На войну я ушел добровольцем в неполных восемнадцать лет.

Однажды к нам в полк прибыл фронтовой корреспондент, много снимал, а по вечерам, закрывшись в блиндаже, в темноте колдовал над своими пленками. Я взялся ему помогать, аккуратно надписывал конверты, чтобы не перепутать кто где. Как-то попался мне снимок — ну просто глаз отвесть нельзя — красавицы донской казачки, санитарки 5-го гвардейского Донского казачьего корпуса Анны Пуголовкиной. Пристал я к фотографу: подари мне ее фото. Ну и выпросил, пронес через весь фронт, а сейчас так захотелось узнать о ее судьбе, как сложилась ее жизнь.

Очень прошу тех, кто знал Анну Пуголовкину,— отзовитесь, напишите о ней.

А. АРСЕНЬЕВ

Харьков.

ПОГРАНИЧНИКИ СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

Лидия ОБУХОВА

Перед их памятью нам всем надлежит обнажить головы. На их гимнастерках не было ни орденов, ни медалей — одни смертельные раны. Заставам от Кольского полуострова до Черного моря не было приказа отступать, и они не отступили.

Та, которая под городом Таураге — Пятая застава 106-го пограничного отряда,— держалась до последнего человека. Это был совсем маленький литовский городок, разбуженный на рассвете выстрелами. Но и после полудня 22 июня гитлеровцы не могли занять его полностью.

Политрук Родионов с первых минут войны заменил смертельно раненного начальника заставы и затем уже с горсткой бойцов оборонял свой клочок земли. Не час, не два — почти полсуток! Переползали из наспех отрытого мелкого окопчика за столь же мизерные бугорки, хоронились у стволов и за пнями, продолжали сражаться до последнего дыхания. Когда Родионов поднял уцелевших солдат на прорыв, его прикрывал единственный пулемет Григория Котляра...

Теряли товарищей одного за другим, пока обливающихся кровью бойцов не осталось меньше десятка. Вот их имена: Быстраков, Воробьев, Златин, Даниленко, Дворжак, Карпенко, Ульянов, Котляр, Бессалов. Лишь двое последних дожили до Победы и в день сорокалетия освобождения города Таураге молча шли в торжественной колонне ветеранов.

...Их подняли тогда с земли штыками. Фашистский офицер с сомнением оглядел редкий строй, грозно спросил: куда успела отойти та воинская часть, против которой он сражался весь день? И как ей удалось покинуть место боя столь невидимо и бесследно?

Вопрос понял один Бессалов. Он успел окончить до армии среднюю школу в своей глубинной курской Судже, уроки немецкого языка не вовсе выветрились у него из памяти.

— Здесь не было никого, кроме нас,— старательно подбирая слова, отозвался он.— Только застава.

Офицер выпучил глаза и отшатнулся, словно получил пощечину. Переспросил недоверчиво:

— Всего четырнадцать солдат?

— Именно так,— подтвердил Яков Бессалов.— А потом нас осталось уже, конечно, меньше.

Непроизвольным жестом офицер схватился за голову. Потом, словно опомнившись, не спуская глаз с Бессалова, покрутил указательным пальцем возле виска.

— Вы сумасшедшие? Один гарнизон против всей армии рейха?! Почему не сдавались?

Бессалов промолчал. Озадаченный офицер разрешил уцелевшим похоронить товарищей. Шатаясь от слабости, они подбирали павших и опускали их в братскую могилу. Крестьянину Блажайтису тихонько наказали запомнить место, показать нашим, когда те вернутся.

Впереди у них были годы нечеловеческих испытаний в гитлеровских концлагерях. Бессалову выпало стоять уже перед печью в лагере смерти Дахау, когда в самый последний момент он был освобожден. Стойко прошел свой крестный путь и Котляр.

Исход войны решает не только выстрел последнего батальона. Бой первой заставы тоже. Подвиг не имеет срока давности. Куликово поле навечно пребудет Куликовым полем. Название Бородина отзовется в сердце каждого русского колокольным ударом.

Яков Николаевич Бессалов, освобожденный из Дахау и подлечившийся в полевом госпитале, успел еще послужить в действующей армии. Когда под Будапештом командир дивизии, лично знакомясь с пополнением, спрашивал, кто в каких частях служил, рядовой Бессалов четко произнес:

— Сто шестой пограничный отряд, товарищ генерал!

Тот неожиданно заволновался: в первый день войны он должен был со своей частью идти на подмогу именно Таурагскому отряду! Но не дошел. Не успел. Не выручил.

— Будем служить теперь вместе, побратим,— сказал коротко.

...А свою единственную медаль «За отличие в охране государственной границы СССР» Яков Николаевич Бессалов, уже давно не солдат, а учитель Суджинской школы, получил спустя почти два десятилетия, когда помог отыскать в разросшемся на месте бывшей заставы лесу не приметное никому, кроме них с Котляром, место безымянной могилы.

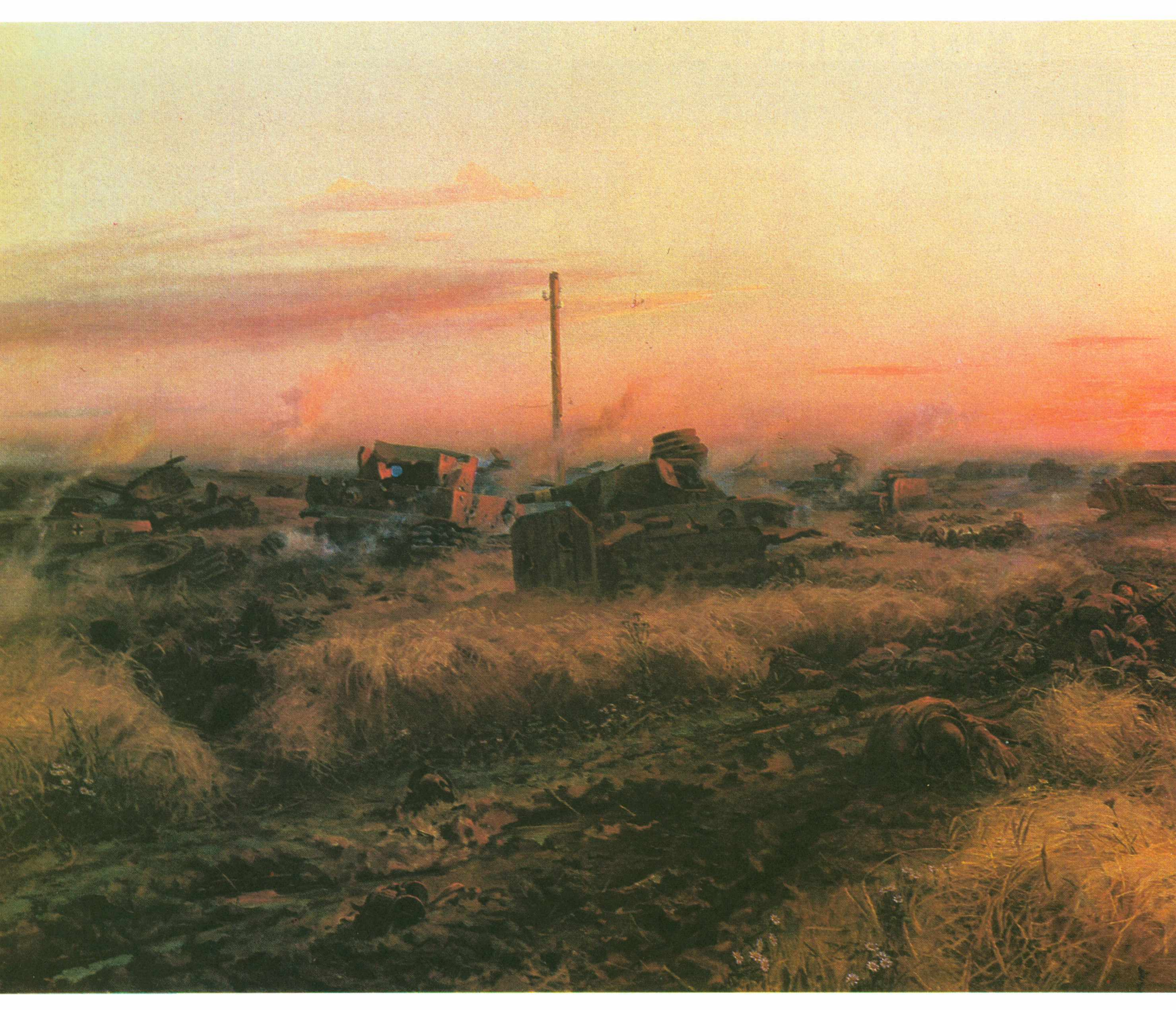
Славные имена боевых товарищей были возвращены из забвения.

Москва.

Е. Данилевский. Род. 1928. В БОЙ — КОММУНИСТОМ! 1970.

П. Кривоногов. 1911—1967. НА КУРСКОЙ ДУГЕ. 1949.

А. Шилов. Род. 1943. СОЛДАТСКИЕ МАТЕРИ. 1985.

Георгий ШУМИЛИН

Гвардии старший сержант Н. Задорожный водружает знамя своей дивизии в Берлине. Начало мая 1945 года.

ПЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ РАЗВЕДЧИК

В газете «Красная звезда» за 5 сентября 1974 года был опубликован очерк «Дорога на Куберле», в котором рассказывалось о подвиге юного разведчика Коли на Сталинградском фронте в августе 1942 года. Авторы предполагали, что следы Коли затерялись. Не смогли установить даже его фамилию.

Нашли его юные следопыты из клуба интернациональной дружбы Красносулинского Дворца пионеров. Полковник в отставке Иван Михайлович Позняк, работающий в Советском комитете ветеранов войны, рассказал ребятам о разведчике Коле и попросил помочь в его розыске.

Долгим и упорным был поиск красных следопытов. И вот, наконец, Иван Михайлович Позняк получил письмо от председателя клуба учительницы Т. А. Евтуховой. «Ваш разведчик Коля,— писала Татьяна Андреевна,— нашелся! Приезжайте в Ростов-на-Дону... Там будут многие ваши однополчане, и среди них — Николай Яковлевич Задорожный: тот самый Коля».

Так сорок лет спустя и состоялась встреча бывшего командира разведки 51-й армии И. М. Позняка и разведчика Николая Задорожного. Они встретились практически в тех же местах, где когда-то вместе воевали.

...В начале августа 1942 года, после ожесточенных боев под Ростовом и в излучине Дона, войска 51-й армии отошли на новый рубеж.

Перед уходом из Зимовников — поселка в Ростовской области — случай свел командира армейской разведки капитана Позняка с группой ребят: секретарями и комсомольским активом Калушкинского РК ВЛКСМ. Комсомольцы уходили на восток и несли с собой документы райкома. Среди них был подросток лет пятнадцати — невысокий, коренастый паренек.

— Хотя ты молод, Коля, но я тебе верю и хочу поручить одно важное дело,— сказал капитан, отозвав паренька в сторону.— Скоро мы уйдем из Зимовников, а тебе надо остаться здесь. Когда придут немецкие войска, внимательно наблюдай за дорогой и считай фашистские танки, орудия, автомашины. Хорошо запомни эмблемы на танках и машинах, а главное — по какой дороге и в каком направлении из Зимовников они уходят...

И вот, переодев Колю в старенькую, поношенную одежду, Позняк оставляет его на чердаке пустого амбара.

— Через трое суток уходи. Иди прямо на восток, в населенный пункт Хуторской,— и показал точку на карте.— Придешь к своим — скажи: «Иду к капитану Валерию».

На следующий день Коля впервые увидел живых фашистов. Шли солдаты, увешанные автоматами, с засученными рукавами. Стоял рев моторов, слышалась непонятная речь, воздух наполнился смрадом и пылью.

Минуло трое суток. Колонны уже не шли по поселку, и Коля решил, что собрал достаточно сведений. Незаметно покинув Зимовники, он торопливо шел по пыльной шоссейной дороге, строго держась на восток. Кругом — тишина, людей не видно, лишь только стая птиц кружится над кукурузным полем... Вдруг за спиной он услышал гул мотора. Оглянулся, отпрянул в сторону, но черная открытая легковая автомашина, обдав его пылью, остановилась. Кроме шофера, в ней были четыре немецких офицера.

— Куда идешь, мальчишка? — еле выговаривая русские слова, спросил один из них.— Знаешь дорога на Куберле, Куберле ферштеен? — Офицер пристально смотрел на парня.

Коля смекнул — видно, заблудились. И дерзкая мысль пришла ему в голову: привезти бы этих молодчиков к своим, ведь это сразу пять немецких «языков»!

— Да, я хорошо знаю Куберле,— ответил Коля и показал на дорогу, которая вела не в Куберле, а в Хуторской, куда он шел на встречу с капитаном Валерием.

— Гут, гут,— сказал немецкий офицер.— Садись в машина, будешь показывать нам дорога.

Но ехать долго не пришлось — скоро машину обстреляли советские автоматчики. Воспользовавшись замешательством, Коля схватил автомат шофера, отскочил в сторону и наставил оружие на фашистов. Подоспели наши солдаты, кто-то крикнул: «Хенде хох!»

Когда командующему 51-й армией генералу Коломийцу доложили о том, что какой-то деревенский паренек привез пятерых немцев в их же автомобиле, он очень удивился и решил сам выехать на место. Здесь уже собралось много офицеров штаба армии, все удивленно и весело смотрели то на бравого паренька, то на понурых пленных. Судя по личным документам, фашисты были из 4-й танковой армии генерала Гота, которого командование нашей армии на данном участке фронта не ожидало...

Прямо на дороге генерал Т. К. Коломиец прикрепил на рубашку Коли орден Красной Звезды.

— За мужество и отвагу! Молодец, парень, не растерялся, ты настоящий герой! — сказал генерал. Обнял подростка и расцеловал.

— Служу Советскому Союзу! — взволнованно ответил Коля.

Потом было много незабываемых тревожных дней и ночей в боевой жизни молодого разведчика. Но, пожалуй, самым памятным остался тот час, когда смерть Коли, казалось, была уже неминуемой...

Шел октябрь 1942 года. Командир армейской разведки капитан Позняк вызвал к себе Николая Задорожного.

— Поручаю тебе важное дело. Проберешься вот сюда, в населенный пункт Заветное,— показал капитан по карте,— и в течение двух-трех дней понаблюдаешь за обстановкой. Нам надо знать, к чему готовятся фашисты — к наступлению или собираются зимовать на этом рубеже? Строят ли оборонительные сооружения? А появишься в Заветном под предлогом, будто идешь к своему дяде, сапожнику, чтобы отдать сапоги в ремонт. Вот они,— капитан показал поношенные сапоги, стоявшие у порога.

— А как с документами? — озабоченно спросил Коля.

— Не волнуйся, для паспорта ты еще не дорос, а других документов не имеешь, как и многие местные жители...

Уже были видны крыши домов Заветного, и оставалось пройти совсем немного, когда навстречу показалась группа всадников. Они были в гражданской одежде, с белыми повязками на рукавах, с винтовками за спиной. Полицаи! Что делать? Никуда не денешься, побежишь — застрелят.

— Стой, парень, куда идешь? — спросил, подъехав, один из них — наверное, старший.

— Иду в Заветное к дяде, сапожнику, отдать сапоги в починку,— спокойно ответил Коля.

— Врешь, много вас таких шляется здесь. Небось, комсомолец? Что будем делать с ним? — обратился он к другим полицаям.

— Известное дело,— почти хором, ухмыляясь, ответили они.

— Ну-ка, давай вон туда, к камышам, и раздевайся побыстрее! «Это все»,— подумал Коля, чувствуя неминуемую смерть. Полицейские уселись на сухую траву, старший уже взялся за кобуру пистолета.

Не торопясь, Коля снял сапоги с плеча, стянул ветхую рубаху и только стал расстегивать ремешок на брюках, как снова послышалось:

— Чего тянешь, быстрей снимай свои штаны да скажи напоследок, зачем шел в Заветное?

— Я же сказал, что шел к дяде вот с этими сапогами, чего еще надо?

— А ведь и правда, в Заветном есть такой сапожник,— заметил один из полицаев.— Я его знаю, он сапоги мне тачал.

— Ну ладно, парень, считай, тебе повезло. Одевайся и топай. Только смотри, не попадись мне на глаза в Заветном!

Полицейские вскочили в седла и, пришпорив лошадей, пустились дальше.

Собравшись с силами, Коля оделся, перекинул сапоги через плечо и, несмотря на строгое предупреждение полицейского, побрел в Заветное. Иначе и быть не могло, риск для разведчика — постоянный, обыденный фактор. Зато сведения, которые собрал Коля в этом задании, оказались очень важными для нашего командования...

После разгрома немецко-фашистских войск на Сталинградском фронте И. М. Позняк и Н. Я. Задорожный разошлись по разным фронтовым дорогам. Николай, теперь уже гвардии старший сержант, закончил войну у стен рейхстага. В боевой обстановке, прямо на передовой, был принят в ряды ВКП(б).

За мужество и отвагу, проявленные на фронтах и в тылу врага, он награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Славы III степени, многими медалями.

Окончилась война. Н. Я. Задорожный вернулся домой и сразу же пошел восстанавливать народное хозяйство. Одновременно учился, окончил техникум пищевой промышленности, несколько лет был на комсомольской и партийной работе. В 1962 году окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС и вот уже двадцать пять лет работает директором молочноконсервного комбината в городе Первомайске Николаевской области.

Коллектив комбината удостоен высокой правительственной награды — ордена Трудового Красного Знамени, а директор Н. Я. Задорожный награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Он ведет большую партийную и общественную работу, является депутатом Первомайского Совета народных депутатов.

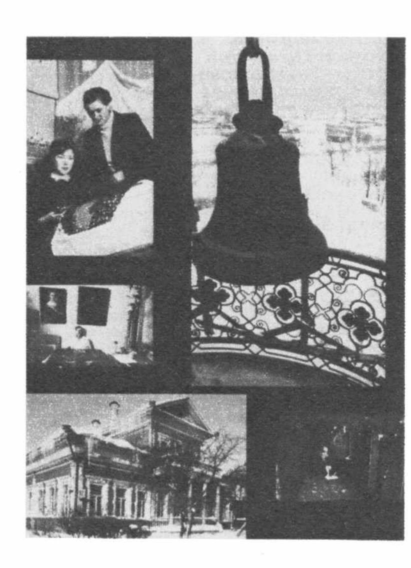
Вот так сложилась судьба юного разведчика, одного из многих героев Великой Отечественной.

Н. Я. Задорожный.

Савелий ЯМЩИКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ВО

«Лета 6655 (1147) году августа в 19 день... прииде отец Герасим... постриженик к Вологде реке, еще до зачала града Вологды, на великий лес... и созда перечестен монастырь... от реки Вологды расстоянием за полпоприща».

Первое упоминание о городе Вологде в «Житии преподобного Герасима» (по списку XVII века).

Пейзаж, меняющий обличье,
Мне виден весь со стороны
Во всем таинственном величье
Своей глубокой старины.

Николай Рубцов.
«Вологодский пейзаж».

* * *

«В Устюжне — 42^0, в Тотьме — 40^0, в Вологде — 38^0 ниже нуля...» Даже в душном купе поезда «Вологодские зори» я невольно ощутил внутренний озноб, услышав столь «прохладную» сводку синоптиков. Но мороза бояться — на север не ездить. Тем более что огромное солнце в эти морозные дни затопило Вологду щедрым светом, превратив ее в хрустальный сказочный город, словно нарисованный на театральном занавесе, сотканном из драгоценных оттенков золота, лазури и нежнейшего розового цвета. Как не хотелось уходить от белее белого февральского снега стен вологодского кремля, какими близкими, располагающими к покою и созерцанию оказались уголки деревянной Вологды, где время будто остановилось, напоминая об извечности бытия. Не музейной памятью, которая заполняет тебя, когда слушаешь тишину в древних стенах Прилуцкого монастыря, а напоминанием о людях, чьи наследники и сейчас сохраняют незамутненность истоков реки, именуемой Отечеством.

Мороз давал о себе знать на каждом шагу, а вот перед глазами почему-то все время вставали картины, увиденные при посещении Вологды в теплые времена года. Колесный пароход «Федор Достоевский» обычно отходил вечером от вологодской пристани и потом двое суток неспешно пробирался через реки, озера, шлюзы и каналы к городу Кириллову, а оттуда по проселочной дороге было рукой подать до Ферапонтова, где фрески прославленного Дионисия. Вологодская София, господствующая над церковными постройками и провинциальными особняками, застывшими у самой кромки тихой реки Вологды. Неповторимые виды Тотьмы и Устюжны — городов, не близко к Вологде расположенных, но, как дети от матери, от нее неотделимых. И ночные купания в холодных водах Сухоны и Мологи, и многодневные ожидания плоскодонной баржи на пристани в Нюксенице, чтобы плыть к Великому Устюгу и далее, в Сольвычегодск...

А начиналось это дорогое сердцу, вот уже четверть века длящееся путешествие по летним, дождем умытым улицам, ведущим от Вологодского вокзала к кремлю. Сколько тепла и тихой радости исходило от пробуждающихся на рассвете деревянных домов, так непохожих друг на друга и так затейливо украшенных, что перед каждым из них путешественник невольно останавливался. От балконов, мезонинов, окошек с ажурными наличниками и ярким пламенем герани и домашних фиалок струился «несказанный свет». Деревянное кружево, сотканное местными мастерами, поражало неудержимостью фантазии и богатством орнаментов.

В кремле, где расположен краеведческий музей Вологды, познакомился я с художником-реставратором Николаем Федышиным, без которого не понять было бы мне истоков и сути не только местной культуры, но и самого феномена вологодских мастеров. Не хочу сказать, что человек этот для каждого приезжающего в Вологду станет непременным спутником, но знать о нем люди должны.

Тогда музей вологодский мало чем отличался от большинства краеведческих хранилищ России. Экспонаты имелись в изобилии, от археологических предметов II тысячелетия до н. э. до современных вологодских кружев и документов Великой Отечественной войны. Но обработка их, а главное, показ зрителям только-только начинались. Военные и послевоенные годы давали еще о себе знать, многие раны не зарубцевались, но неудержимая тяга к прекрасному, к сохранению памяти поддерживала музейных работников, возрождавших свои детища.

При посещении провинциальных музеев случаются самые неожиданные встречи с творениями мастеров далекого прошлого. Я готов часами рассматривать собрания российских галерей. С каким теплом и заботой подобраны их коллекции! Каким вниманием окружен всякий экспонат! За каждой выставленной вещью чувствуешь труд скромных служителей музея. Это, как правило, дивные люди, великолепно знающие музейное дело, преданные работе и убежденные патриоты местной художественной культуры. Своими знаниями они делятся бескорыстно, получая удовольствие от общения с посетителями галереи и стараясь как можно убедительнее рассказать о памятниках, чья история и смысл известны им как собственная биография. Николай Федышин, реставратор Вологодского музея, относится к славной когорте людей, которым доверена судьба охраны памятников на местах.

«Столичные музеи так переполнены и загромождены, что после них хочется посмотреть что-либо попроще, провинциальное. Недаром все наши (вологодские.— **С. Я.**) вещи с таким интересом смотрятся приезжими посетителями». Переписка Ивана Васильевича и Екатерины Николаевны Федышиных, родителей Николая Ивановича,— один из наглядных документов, свидетельствующих об их неизбывной любви к Вологодскому музею, которому они посвятили свои жизни. Николай эти чувства унаследовал полностью.

Пять тысяч — таково примерное количество единиц хранения в отделе древнерусской живописи Вологодского музея. Датируются памятники XIII—XIX веками. Если учесть, что любая доска требует внимательного отношения со стороны реставратора, а некоторые нуждаются в срочной профилактической помощи, можно представить, какой груз обязанностей возложен на Н. И. Федышина. И справляется он с ними безукоризненно, никогда не устраивая из своей работы панических переполохов и не жалуясь на трудности профессии. А многие бы пожаловались.

В тот первый приезд в Вологду я так и не понял, как Николаю Федышину удается существовать. Жизнь мало кого из нас тогда баловала. Сам я учился и работал, возвращаясь каждый день в барак на Павелецкой набережной в Москве, лишенный каких-либо удобств. Семья Федышина занимала маленькую каморку рядом с подклетом, где хранились сокровища древней живописи. Трое детей и он с женой там едва помещались. Мы пытались расспросить, посочувствовать ему. А он или отмалчивался, или переводил разговор на рабочие темы. В мастерскую он приходил раньше всех и с памятниками обращался так осторожно и любовно, что казалось, и нет у него никаких других забот в жизни. Не только укреплял, расчищал и тонировал иконы. Изучал историю каждой доски, старался узнать побольше о тех, кто писал их в древности. Результаты превзошли все ожидания.

Персональная выставка реставрационных работ Н. И. Федышина «Древнерусская живопись. Новые открытия» наглядно показала, на что способен одержимый благородной страстью человек. Он вернул к жизни столько вологодских живописных памятников, сколько не под силу иному учреждению с немалочисленным штатом. Сам по себе встал вопрос о расширении экспозиционных площадей в местном музее для показа вновь открытых сокровищ.

Не жалуясь на всемирную тьму, Федышин зажег свою лучину, и пламя ее пошло разгораться дальше. Сколько способных и неравнодушных вологжан участвовало в разработке новой экспозиции местного искусства XIII—XX веков! Когда нас, столичных специалистов, пригласили на обсуждение этого проекта, мы приехали на хорошо подготовленный праздник, ибо люди сделали все во имя вечной красоты. Сейчас, правда, немного медленнее, чем хотелось бы, экспозиция размещается в музейных стенах. Она обещает быть образцом для показа культурного наследия в России. Н. И. Федышин все силы отдает музею, помогая влюбленным в древнерусское искусство сотрудникам в устройстве экспозиции. То, о чем мечтали его родители, сбывается на наших глазах. А если бы они еще увидели, что их внуки, Иван и Николай, тоже пошли в реставраторы и работают в Вологодском музее, где участвуют вместе с отцом в сегодняшней подготовке выставки, посвященной 100-летию со дня рождения знаменитого художника-реставратора И. В. Федышина, они убедились бы в верности избранного ими пути служения родному краю.

* * *

Константин Батюшков — поэт и гражданин, чье имя с гордостью произносится любителями поэзии, один из основоположников русского романтизма, о ком Белинский писал: «...Батюшков много и много способствовал тому, что Пушкин явился таким, каким явился действительно». И как имя Пушкина связано с Псковом и Михайловским, имя Батюшкова неотделимо от Вологды и земли вологодской.

Отправляясь в Вологду, я получил в редакции «Огонька» письмо одной из родственниц поэта, сообщавшей о тяжелом состоянии имения Даниловского близ Устюжны, принадлежавшего отцу Батюшкова, где прошло детство Константина Николаевича. «В настоящее время музей Батюшковых производит тяжелое впечатление. От уникальной библиотеки осталось два шкафа, каталога на книги нет... парк запущен, аллеи вырублены». Согласитесь, печально читать эти горькие строки, а еще печальнее разбираться в причинах нерадения. Как много таких тревожных сигналов приходится получать нам, причастным к охране памятников! Почитайте письма о положении дел в блоковском Шахматове, в бывшем имении Фета, ныне совсем запущенном, о современном катастрофическом состоянии дома Тютчева в Муранове... Еще и батюшковское Даниловское. Но сколь приятно было убедиться мне в том, что положение дел в Даниловском улучшается. Местный писатель В. Шириков связал нас с Ю. Крукле, заведующим отделом культуры Устюженского райисполкома. Мы говорили с человеком, переживающим за усадьбу поэта, отдающим отчет в важности мероприятий по ее благоустройству.

— Детский садик переведен в специально построенное здание, полным ходом идет ввод в эксплуатацию котельной. Средства на реставрацию выделяются регулярно, только на этот год отпущено 25 тысяч рублей. Вологодская реставрационная мастерская делает все, чтобы к 1987 году — 200-летнему юбилею К. Н. Батюшко-

ЛОГДЕ

ва — закончить восстановление усадьбы.

В штате музея — научный сотрудник и смотритель. Тематико-экспозиционный план утвержден в Москве и Вологде. На первом этаже воссоздаются три помещения. Сложно подбирать антикварную мебель, но и это делается. Надеемся на помощь столичных музеев. Из Ленинградской библиотеки имени Салтыкова-Щедрина получаем библиотеку батюшковскую, а вот обои нам пока трудно приобретать, ибо каждый валик стоит тысячу рублей. Но такие обои нужны.

Самая сложная ситуация с восстановлением парка. Специалисты дали заключение о полной его гибели и предложили воссоздать планировку, высаживая акации. Ученики Никифоровской школы посадили тысячу саженцев. Очень помогает главный лесничий Устюжненского лесхоза А. Колтаков. Объехав все парки района, нашли подходящий посадочный материал — американский ясень. А главное, заканчивается прокладка асфальтовой дороги к усадьбе от Устюжны — осталось покрыть 3,5 километра.

Пока в Даниловском ведутся работы по благоустройству старой усадьбы, вологодские энтузиасты прилагают все усилия к созданию мемориального музея в доме, где жил и умер поэт. Пусть пока две комнаты на втором этаже оборудованы под музей и всего два сотрудника в штате батюшковского филиала краеведческого музея. Не вызывает никакого сомнения, что вскоре для столовой педагогического училища найдется другое место, а в доме Батюшкова расположится Вологодский областной литературный музей. А выставить здесь будет что: от уникальных памятников древнерусской литературы, созданных на вологодской земле, до материалов, связанных с творчеством М. Муравьева, Е. Болховитинова, П. Засодимского, В. Гиляровского, Н. Шелгунова, И. Северянина, А. Луначарского, А. Яшина, С. Орлова и других живших и писавших здесь мастеров слова. Уверенность эту вселила встреча с заместителем председателя Вологодского облисполкома Е. И. Макаровским и начальником управления культуры П. Н. Алферьевым, на которой обсуждались мероприятия по скорейшему установлению в Вологде памятника К. Н. Батюшкову, создаваемого талантливым московским скульптором Вячеславом Клыковым. Остается совсем мало времени до юбилея замечательного поэта, и хочется надеяться, что те, от кого зависит ускорение отливки памятника, помогут вологжанам достойно отметить знаменательную дату.

* * *

Вологда — дорогой изумруд в ожерелье русской культуры, и следует осторожно обращаться с его хрупкими гранями. А одна из этих граней ломается и осыпается на наших глазах. Не пройдете уже вы, дорогие читатели, по той сказочной дороге, что привела меня когда-то от вокзала к кремлю. Нет больше этих милых сердцу и глазу домов. Не посоветовались градостроители со специалистами, не обратили внимания вот на такую рекомендацию Центрального научно-исследовательского и проектного института по градостроительству: «Утрата исторически сложившейся рядовой жилой застройки влечет за собой утрату значения ведущих памятников города и одновременно безвозвратную потерю неповторимого в мировом градостроительстве архитектурного ансамбля старой Вологды».

От многих вологжан слышал я скорбные слова о непоправимой беде — гибели кружевных сокровищ деревянной Вологды. Но, пожалуй, печальнее всего сказал мне об этом разрушении замечательный русский писатель, до бесконечности любящий свою Вологду, Василий Иванович Белов:

— Вологда — ровесница нашей Москвы. Она имела когда-то свое лицо, свой неповторимый облик. Почему я говорю: имела? Да потому, что город во многом утратил и продолжает утрачивать своеобразие...

Главная особенность Вологды в сочетании деревянной и каменной застройки. Так вот, иные горе-строители и горе-архитекторы решили, что Вологду надо основательно перестроить... «Все деревяшки снесем!» — сказал мне однажды один администратор. И снесли и продолжают сносить множество прекрасных домов под предлогом их аварийности. Но ведь если годами не ремонтировать, не следить за жильем, то и каменная постройка становится аварийной (а такой «аварийный» архитектурный объект, как собор на площади Возрождения, при сносе пришлось чуть ли не взрывать).

Другая опасность для нашего города — это нивелировка ландшафта и нарушение исторически сложившейся планировки. Но особенно опасно нарушение допустимых контрастов по вертикали. Многоэтажные здания для двух- и трехэтажной старой Вологды совершенно не подходят. Надо быть эстетически совершенно незрячим, чтобы не замечать этого. Непонятно, зачем строить небоскребы почти в центре? Разве мало для этого других мест?

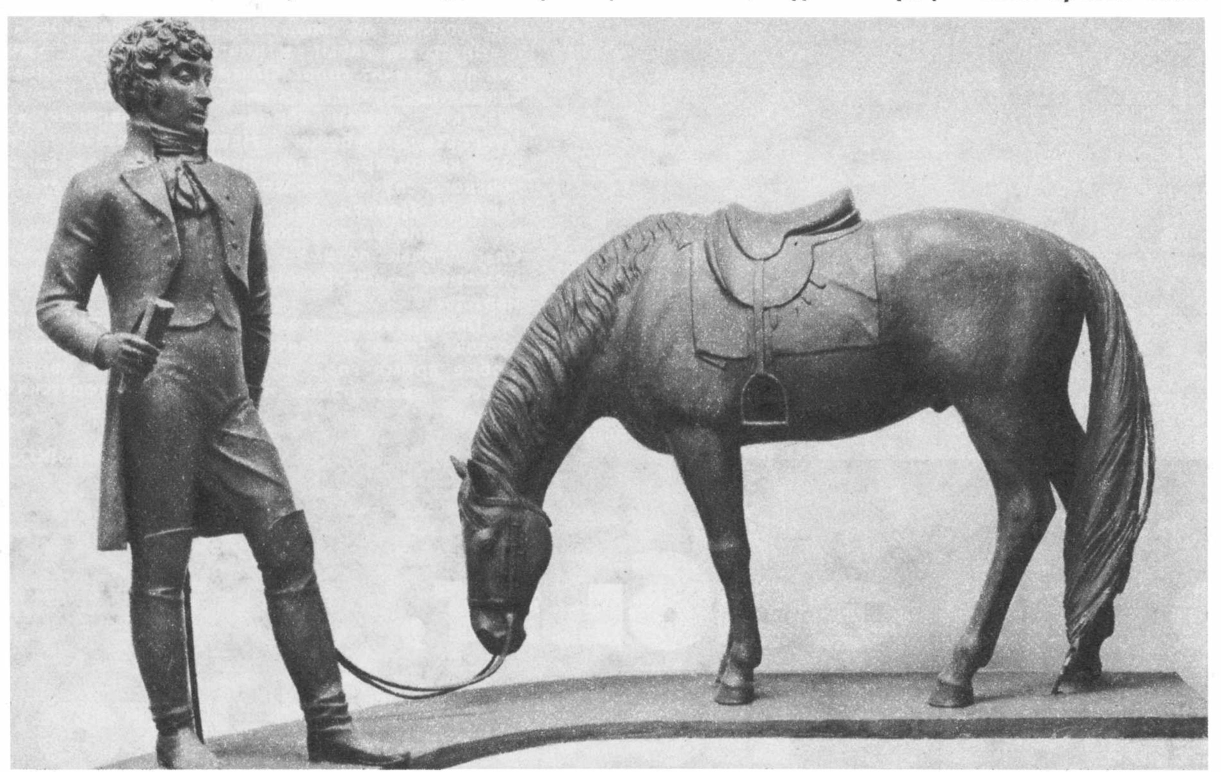
* * *

«Федор Достоевский» давно уже не плавает в Кириллов. Долго напоминал о прошлых поездках старый приятель, вытащенный на берег реки Вологды. Да и длинными покажутся нынешним туристам два дня, проведенные на палубе и в тесной каюте. Всего несколько часов занимает теперь путешествие до Ферапонтова на комфортабельном автобусе по асфальтированному шоссе. И в самом деле, не надо искать ночлег у сторожа музея Валентина Вьюшина или его односельчан. К услугам приезжих новая гостиница. Теперь многие смотрят фрески Дионисия, созданные великим мастером с сыновьями в 1502 году. Смотрят и сравнивают с Сикстинской капеллой, с фресками Джотто, с росписями Леонардо да Винчи. России повезло с дионисиевскими фресками. Сколько сокровищ унесли безвозвратно пожары, войны и многие беды, приходившие к нашему народу, а вот краски Дионисия сохранились, если так можно сказать, в первозданной свежести. Помню, когда я их первый раз увидел, мне показалось, будто мастера только что ушли из храма, вымыв кисти и заставив подручных убрать леса. Разве можно было не восхищаться сохранностью ферапонтовских фресок, вспоминая удручающее состояние росписей Снетогорского монастыря под Псковом (1313 год), отстающие от стен куски штукатурки церкви в Мелетове (XV век) и многие другие ансамбли. О своем восторге перед изначальной красотой фресок Дионисия мне говорили почти все, кто имел счастье их созерцать, — от специалистов-реставраторов до ученых-физиков.

В последнее время широко обсуждается дальнейшая судьба ферапонтовского шедевра. Широко и иногда тревожно до страсти. Нет сомнения, реставраторы обязаны повседневно следить за состоянием фресок Дионисия. Следить, но не вмешиваться активно в тонкую ткань авторской живописи. Вот что думает по этому поводу известный знаток древнерусского искусства, лауреат Государственной премии СССР Г. И. Вздорнов: «Общее состояние сохранности фресок Дионисия можно признать хорошим. Но было бы неверно говорить, что фрески Ферапонтова надо законсервировать и не пускать в собор реставраторов. Осторожные, лишенные всякой поспешности работы здесь необходимы.

Ферапонтово и вся окружающая его территория радиусом не менее чем в десять—пятнадцать километров, включая сюда леса, озера, горы, поля и деревни с их пока еще целыми постройками, должны быть объявлены государственным историко-архитектурным, художественным, этнографическим и ландшафтным заповедником. Растущая буквально в стаметрах от холма с древними монастырскими постройками колхозная усадьба уже нанесла ущерб окружающему пейзажу: выстроена удобная, но поставленная не на месте гостиница, выросли кирпичная водонапорная башня и электрораспределительная будка, на косогоре за собором возникли бетонные опоры линии электропередачи, изъезжена и до крайности замусорена большая территория, занимаемая сельскохозяйственными машинами. Пока еще не поздно, вологодские партийные и государственные органы власти должны принять действенные меры по сохранению одного из лучших в России заповедного уголка природы и искусства. Сделать это сейчас пока еще возможно, с минимальной затратой сил и средств. Поздно и трудно будет сделать это потом, даже два или три года спустя. Мы умеем организовывать заповедники: примером может служить Михайловское Пушкина и окружающие его места. Такая же благородная задача должна теперь быть осуществлена в Ферапонтове с чудом уцелевшими здесь дивными фресками выдающегося художника Дионисия. Это наша память, наша культура, наш исторический долг».

Памятник К. Н. Батюшкову. Рабочая модель. Скульптор В. Клыков, лауреат Государственной премии СССР.

«Домов затемненных громады в зловещем подобии сна, в железных ночах Ленинграда осадной поры тишина...» Так писал поздней осенью 1941 года в блокированном городе Ленина поэт Николай Тихонов. Так было. Было: враг прорвался к самой колыбели революции, душил, засыпал бомбами и снарядами... Вся страна, все фронты Великой Отечественной войны с тревогой следили за неравным поначалу поединком. Ленинградцы и обескровленные армии не сдавались. И не сдались!

Битва за Ленинград длилась неимоверно долго — с июля 1941 года по 10 августа 1944 года... Сообщение с Ленинградом поддерживалось через головы гитлеровцев — по воздуху, а также по Ладожскому озеру. Резко упали дозы снабжения: все меньше и меньше доставалось людям тепла, света, хлеба, патронов, снарядов... Колпино, Синявино, Пулково, Московская Дубровка — ориентиры великого противостояния, имена собственные беспримерного в истории войн сопротивления и славной победы.

Враг хотел штурмом овладеть городом на Неве — не вышло. Хотел задушить в капкане блокады — не вышло. Хотел голодом уморить, бомбами и снарядами умертвить, уничтожить — не вышло. Жил и боролся Ленинград, 900 блокадных дней и ночей отбивался, копил силы. Дерзкой была Тихвинская наступательная операция, когда отбросили немцев за Волхов. А как только лед первой блокадной зимы замостил воды Ладожского озера, начала действовать знаменитая «Дорога жизни». И вздохнул город, хлебный паек стал побольше, до двухсот — трехсот пятидесяти граммов к новому, 1942 году. В город к осажденным пошли автоколонны с оружием, боеприпасами, горючим. Из огненного кольца вывозили истощенных детей и женщин, раненых...

Читателям старших поколений памятна долгожданная весть о прорыве блокады Ленинграда в январе 1943 года. Коридор шириной всего в десять километров помог проложить фронтовую железную дорогу. Параллельно с ней еще и автотрассу. Этого было мало, чтобы сбросить стальную петлю с города, но все же, все же...

И вот пришел 1944 год. Используя благоприятную обстановку на советско-германском фронте, войска под Ленинградом и Новгородом поднялись в наступление и отбросили немцев, вышибли их из бетонных гнезд и щелей, погнали на запад. Блокаде пришел конец.

«Никто не забыт, и ничто не забыто» — до сих пор звучит голос Ольги Берггольц. Об этом свидетельствуют памятники участникам Ленинградской битвы, героям сопротивления на Пулковском рубеже и Невском «пятачке», на 31-м километре Приозерского шоссе, у Вагановского спуска —«Разорванное кольцо», стела героям «Дороги жизни»... Зеленый пояс Славы создали на рубежах героической обороны благодарные потомки. Главный нерукотворный мемориал — историческая память советского народа.

...Пискаревское кладбище — место паломничества, сюда к монументу Матери-Родины в любое время года люди несут живые цветы. Здесь — прах почти полумиллиона советских людей.

Николай БЫКОВ

Никто не забыт, и ничто не забыто

Фото И. ТУНКЕЛЯ

ЛЕНИНГРАДЦАМ

Скорбь и величие эпохи Отечественной войны ощутила я, когда увидела, как в летнем бездонном небе Ленинграда словно парит монументальная фигура женщины с лавровой гирляндой в руках. «Мать-Родина» застыла над прямоугольниками братских могил на Пискаревском кладбище.

Этот монумент вместе с Р. Тауритом создала В. Исаева.

Мне посчастливилось долгие годы жить с Верой Васильевной в одной квартире.

...В дневнике Исаевой — запись: «Война застала меня в Москве. Рвалась в Ленинград. Кольцо блокады стягивалось, нужно было быть в Ленинграде».

Хрупкая, маленькая женщина в мужских бриджах по своей воле уезжала в самое пекло, в осажденный Ленинград.

Оттуда Вера Васильевна писала мне в Москву с нарочным из «Комсомольской правды», когда был уже «воздушный мост» между столицей и блокадным городом.

Вскоре после войны я получила письмо, которое помню наизусть:

«Дорогая Ася!

Девчушка Таня умерла от голода последней из многочисленной семьи Савичевых. Страшно больно. Сжав губы, работаю над памятником «Жертвам Ленинграда».

Позже Лидия Васильевна часто читала мне ленинградские письма своей сестры. Вот одно из характерных посланий:

«2 февраля 1948 года.

Произведение искусства должно быть метеором, оторвавшимся от звезды, куском, завершенным ритмом.

Мне трудно работать, слишком сложная задача, но в трудности прелесть... А эпоха наша величественная. Нужен не голос, а колокол, не рука, а мощный кран, бросающий глыбы».

Галерея защитников Ленинграда, созданная Исаевой, стала художественным документом времени. И теперь, четыре десятилетия спустя, с волнением всматриваешься в волевые лица скромных героев — «Партизанки» (1942), «Пожилого партизана» (1944), «Девушки — бойца МПВО» (1944).

После войны Вера Васильевна напряженно работала, принимала участие в создании Пискаревского мемориала.

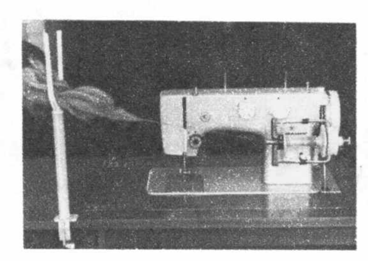
В день 8 марта 1960 года на ее груди засиял как знак признательности народа орден Ленина.

Анжелика БЫЧКОВА,
персональная пенсионерка союзного значения

Москва.

новинка

И СНОВА ПРЯЛКА?

Свитеры, шарфы, варежки...

Сейчас многие имеют в хозяйстве шерсть и не прочь бы попробовать сделать вещь — от начала и до конца — своими руками. Но как раз к тому времени, когда возродился интерес к прялке, деревянных красавиц осталось — пересчитать на пальцах. Да и громоздки они, не вписываются в современные квартиры.

Новую, небольшую по размеру прялку сконструировали в Подольске.

Прялка разработана как приставка к швейным машинам с ножным приводом. Педаль позволяет варьировать скорость, аккуратно, не оборвав нити, приостановить работу. С помощью прялки-приставки можно не только получить пряжу любой толщины или крутки, но и собрать в одну несколько нитей, упрочнить готовую пряжу.

Мне сказали, что скоро поступит в продажу опытная партия — первая тысяча таких прялок.

М. КУДРЯВЦЕВА

Перу американского писателя Джона Стейнбека (1902—1968), лауреата Нобелевской премии, принадлежат жемчужины американской литературы — романы «Гроздья гнева» (1939) и «Зима тревоги нашей» (1961), изданные на многих языках мира и неоднократно экранизировавшиеся.

Однажды, говоря о своих письмах, Джон Стейнбек заметил, что для него они своеобразная форма общения: «...я пишу, вместо того чтобы звонить, потому что мне никогда не удавалось выразить себя по телефону». Возможно, этим обстоятельством мы и обязаны появлению объемистого сборника писем писателя, выпущенного в середине 70-х годов американским издательством «Вайкинг пресс».

Предлагаемая читателям «Огонька» подборка включает всего шесть писем, относящихся к периоду творческого подъема Стейнбека — середине 50-х — началу 60-х годов. Но даже в этих нескольких письмах, написанных в свободной и откровенной манере, недвусмысленно проявляется не требующая комментариев жизненная позиция писателя, прошедшего сложный, противоречивый творческий путь. Открывается подборка письмом — ответом старому другу, попросившему у Стейнбека рецепт написания приветственной речи для выпускников одного из американских университетов, заканчивается письмами-зарисовками, сделанными им во время поездки на автомобиле со своей собакой Чарли по Соединенным Штатам. Полученные Стейнбеком впечатления легли в основу вышедшей в 1962 году книги «Путешествие с Чарли в поисках Америки».

Советский читатель знает, что Стейнбек-человек мог ошибаться и, в частности, в оценке «грязной войны» во Вьетнаме, но Стейнбек-писатель в пору расцвета своего таланта был прозорлив и честен в изображении судеб своей страны и своего народа. Об этом говорят и публикуемые письма.

Джеймсу С. Попу [1]
Сэг-Харбор
16 мая, 1956 г.

Дорогой Джим,

Элейн уехала на пару дней в город... Оставшись один, я разгулялся вовсю и сегодня написал двадцать пять страниц диалога. Все равно весь день лил дождь. Сегодня получил письмо от Алисы (Алиса Паттерсон, издатель газеты «Ньюсдей») с вырезкой интервью Уильяма Фолкнера, от которого меня чуть не вывернуло. Когда наши авторы пускаются разглагольствовать о художнике слова, имея в виду самих себя, то мне хочется сменить профессию. Не знаю, виновата ли в этом Нобелевская премия, но если так, то слава богу, что меня такая честь миновала. Похоже, они действительно начинают жить своей славой, отгородившись от всего и замкнувшись. Простое человеческое общение им недоступно. Билл (уменьшительное от Уильяма.— **В. П.**) заявил, что читал только Гомера и Сервантеса и никогда не читал своих современников. И тут же, отвечая на очередной вопрос, он украл целый абзац из статьи, которую я восемь месяцев назад написал для «Сатердей ревью». Черт подери! Он лучше Гомера. Гомер не умел ни читать, ни писать, да к тому же старик был слеп. Сервантес был нищим, Биллу же это не угрожает, во всяком случае, пока он может отправиться в Голливуд и состряпать такую вещь, как «Египтянин» [2]. Художник слова!..

Безусловно, он хороший писатель, но все это звучит чертовски фальшиво. Ну вот, кажется, я излил всю свою раздражительность. Элейн осудила бы меня за эти слова. Будет знать, как оставлять меня одного.

Уже поздно, но спать не хочется, так что я могу заодно написать для тебя речь по случаю вручения дипломов в университете. Почему бы нет! Конечно, доведись мне произносить эту речь, я бы лучше себе глотку перерезал.

Представляю тебя сидящим в первом ряду, облаченным в великолепное университетское одеяние. Довольно жарко, и ты весь взмок под этой попоной. Тебе все время кажется, что кисточка на твоей академической шапочке — это муха, и всякий раз, когда она мелькает у тебя перед глазами, ты пытаешься ее прихлопнуть. Ты совершенно некстати напялил нейлоновые подштанники, и от них все тело зудит.

И вот ты слышишь, как президент торжественно произносит: «А сейчас я имею честь представить вам нашего почетного гостя Уильяма Д. Попа, который любезно согласился выступить перед вами».

Поднимаясь, ты, ерзая на стуле, пытаешься подтянуть подштанники, но безуспешно. «Черт с ними»,— думаешь ты и пробуешь извлечь

---

[1] **Поп, Джеймс** — американский писатель, в 1956 году главный редактор издававшегося в Луисвилле (шт. Кентукки) журнала «Курьер джорнэл».

[2] Стейнбек имеет в виду снятый в 1955 году в Голливуде по сценарию У. Фолкнера фильм «Земля Фараонов».

тезисы из-под этой сбруи, но убеждаешься, что для этого тебе пришлось бы закинуть на голову все юбки. Что же делать? Ты выходишь на сцену и произносишь речь, которую я сейчас напишу для тебя.

Речь Джеймса С. Бишопа[1] по случаю вручения дипломов в университете:

«Президент Онассис»,— начинаешь ты.— «Уважаемые члены правления, преподаватели, без чьего заботливого участия сегодняшний праздник не состоялся бы (смех), дамы и господа».

(А теперь сделай глубокий и последний вдох,— потому что пыл и жар твоей речи не дадут тебе перевести дыхание.)

«Полагаю, вы думаете, я произнесу здесь одну из речей типа: «Сегодня вы вступаете на широкую дорогу жизни». (Смех и крики: «Давай, давай!»)

Что же, вы не ошиблись. Вы действительно выходите в мир — полный страха, невротический, хаотичный мир. И уж там никто вам не поможет, потому что живущие в нем находятся в худшем положении, чем вы, ведь они пробыли в нем дольше вас, и большинство из них полностью отчаялись.

Да, мои юные друзья, очень скоро вы, полные бодрости и оптимизма, окажетесь в джунглях, причем в джунглях, где все животные безумные. Вы вступаете из поры детских шалостей прямо в пору старческого бездействия, даже не познав здоровых развлечений. Здоровые развлечения требуют энергии, а в наше время вся энергия уходит на борьбу со страхом. Такая борьба требует огромных усилий. А оставшиеся силы потребуются вам для жизни в кроличьих норах ненависти и боязни, дабы поменьше задумываться о происходящем. Богатые ненавидят бедных и налоги. Молодежь боится призыва в армию. Демократы ненавидят республиканцев, а и те и другие боятся русских. Дети стреляют в родителей, а родители топят детей, когда полагают, что это сойдет им с рук. Все живут только сегодняшним днем, потому что ни у кого нет уверенности в дне завтрашнем. Ко всеобщему признанию, война в наши дни не только проигрышна, но и самоубийственна, и все же мы думаем о войне, готовимся к ней, разрабатываем ее стратегию и обкрадываем народы до последнего пенни, чтобы производить оружие, которое, как мы знаем, уничтожит нас. Генералы спорят с министрами о том, сколько оружия есть у «них» и сколько есть у нас, и можем ли мы вести войну, которая означает конец для всех.

А тем временем не хватает денег на дамбы и школы, дороги и дома... Вот в какой мир вступаете вы. Вступаете? Черта с два, вы уже давно живете в нем. Дабы ни о чем не думать, вам приходится выкладываться до последнего. Кое-кто у нас ненавидит негров, кое-кто ненавидит тех, кто ненавидит негров, а в общем-то это одно и то же — все, что угодно, лишь бы ни над чем не задумываться. Делайте деньги! Гробьте свою жизнь на то, чтобы избежать налогов, налогов на шестьдесят миллиардов долларов для производства оружия для войны, которая немыслима.

Посмотрим правде в глаза. Война и слухи о надвигающейся войне нужны нам, чтобы ни о чем не думать. Но если вы всю жизнь трудились, и вам везет, и у вас хороший налоговый чиновник, то, когда вам перевалит за пятьдесят, вы, если позволит сердце, и ваша едва волочащая ноги жена еще способны будете выдержать утомительное и скучное — зато в каюте первого класса — путешествие, отправитесь в Европу, дабы взглянуть на работы умерших людей, которые не боялись. Но вы все равно ничего не увидите. Вам будет невтерпеж поскорее вернуться домой к своим проблемам. Вам захочется доставить домой вашу воспаленную предстательную железу до начала тромбоза. Сердечный приступ — единственное развлечение, на которое вы можете рассчитывать в будущем. И пока вы будете осматривать Акрополь в Афинах и не заметите Парфенон, вы пропустите два убийства и тошнотворный бракоразводный процесс людей, которых вы не знаете да и никогда не узнаете, но пропустить такое вам будет ужасно обидно.

Вот и вся ваша жизнь, мои дорогие, да и то, если вам удастся избежать рака или авиа- и автомобильных катастроф. Ваша жизнь! Любовь? Случайная нервная связь под хмельком. Искусство? Затаенное желание покончить с клубом «Лучшая книга месяца»[2]. Спорт? Бутылка пива у телевизора. Амбиции? Каждый год новый автомобиль. Работа? Местечко в управленческой цепочке корпорации. Религия? Негласная сделка с божеством, в которое вы не верите, и место на общей передней скамье в церкви. Дети? Возможно, психиатру удастся уберечь их от тюрьмы.

Что? Надоел я вам, непоседливые сукины дети? Отвращает от скучных развлечений? А вы, г-н президент, у вас уже слюнки текут при мысли о ростбифе с кровью? Господа члены правления, должно быть, мечтают добраться до писсуара? А вы, профессора, поди, затеваете очередное академическое надувательство по отношению к университетскому братству?

А теперь, безнадежно вздыхаете вы, он перейдет к научной лекции. И вы правы, но это последний раз, когда вы окажетесь правы.

Ваши профессора перегрызутся, споря о том, сколько тысячелетий тому назад человек взял в руки огонь и обжегся, и снова поднял его, и сгорел лес, а человек принес огонь домой, и он сжег его жилище, а человек бросил огонь на груду костей и научился готовить, а потом он нашел в золе костра блестящий кусочек металла и какое-то время носил его на себе, а потом выковал из него лезвие ножа. Прошли сотни тысяч лет, прежде чем человек приспособился к огню. Само понятие «огонь» так пугало его, что он избегал даже думать о нем. Человек называл огонь богом или достоянием богов и постепенно, спустя сотни тысяч лет, с трудом выработал набор правил и методов обращения с ним. Наконец он полюбил огонь, и огонь стал владыкой его очага, центром его существования, символом его свободы и безопасности. Огонь согрел больше людей, чем обжег, и тогда человек постепенно изучил это продолжение самого себя, эту силищу, и понял тайну огня. Но так было в конце, а не в начале. А в промежутке, должно быть, немало было и таких, кто, видя, как горит лес, вопил, что нечистая сила спалит весь мир.

Хотите знать, что с вами происходит? Ни негры, ни демократы, ни русские здесь ни при чем. Квантовая теория поколебала ваши представления о порядке, и вы вовсе перестали задумываться над ним. Расширяющаяся вселенная взорвала вашу гомоцентрическую галактику, а затем расщепляемый атом разнес в клочья остатки вашего миропредставления. Впервые в вашем распоряжении неограниченные возможности и неограниченное будущее — великая драма магии и алхимии. Но радует ли вас это? Нет. Вы пресмыкаетесь перед психоаналитиком, пытаясь выяснить, что с вами происходит.

Не правда ли, как было бы прекрасно, если бы вы смогли взглянуть на окружающий вас мир и заявить во всеуслышание: «Да, так было когда-то, но теперь все иначе. Нам нужно выработать новые принципы в отношении того и другого. Нам нужно распрощаться с дорогой нашему сердцу идеей о войне, которая, возможно, когда-то могла помочь достижению какой-то цели, должны отказаться от ненависти, некогда питавшей нас».

Но вы этого не сделаете. Пройдут поколения, прежде чем все это дойдет до вас. Жаль, но вам не дано встретить самое удивительное время в истории человечества с надеждой, а не с отчаянием».

Сказав это, ты холодно раскланиваешься и пытаешься уйти подобру-поздорову. Зал молчит, а потом, пробираясь между рядами, ты слышишь шепот в спину: «Старая калоша. Что он себе позволяет? Негры ему по душе! Вы слышали, он заявил, что коммунисты не опасны? Должно быть, он сам из них».

Что скажешь? Мне речь нравится! Я бы и сам произнес ее... С вертолета! Но ты можешь ею воспользоваться. И пригласи меня послушать. Я прикрою твой отход и прихвачу еще пару парней.

О, Элейн будет в ярости!

Твой Джон.

Деннису Мерфи[3].
Сэг-Харбор
21 сентября 1956 г.

Дорогой Деннис, мне жаль, что ты повздорил с отцом. Но исходя из моего опыта, а я все-таки преодолел какую-то часть выбранного тобою пути, тебе остается только одно. Ты должен закончить эту книгу, а потом ты должен закончить другую. Если хоть что-нибудь, исключая твою смерть, остановит тебя — небольшие перерывы не в счет,— значит, ты не писатель, и тогда говорить вообще не о чем. Конечно, ты не можешь не скулить, не жаловаться, не драться и не огрызаться, но самое главное для тебя — закончить работу. И если в процессе ты причинишь кому-то боль, то это не твоя вина.

Только ни на секунду не думай, что тебе простится твоя «несхожесть» с другими. Никогда! Мне не простилось до сих пор. Лишь тогда меня сочтут «безопасным», когда уложат в сосновый ящик. После того, как я написал «Гроздья гнева» и книга широко читалась, а порой и сжигалась, библиотекарь общественной библиотеки в Салинасе, знавший моих стариков, заявил, что им повезло, что они не дожили до такого позора. Я пишу тебе об этом, чтобы ты знал, что тебя ждет.

А теперь за работу.

Твой Дж. С.

Джеймсу С. Попу.
Нью-Йорк.
28 марта 1960 г.

Дорогой Джим,

Письмо это, чтобы убить время, а потому, если хватит у тебя мудрости, а я знаю, что хватит, не воспринимай его слишком серьезно. О здоровье твоем я справлюсь попозже, что доказывает мое бескорыстие. Будь это не так, озабоченность твоим здоровьем прозвучала бы с первых же строк моего письма. Во всяком случае, таким приемом не без успеха пользуются мои сыновья.

Похоже, я примкнул к твоей школе политической мысли — школе, которую я бы назвал школой старых ворчунов, и мне не терпится посидеть у ног учителя. Нынешний печальный парад кандидатур (в президенты США.— **В. П.**) смешон, если не сказать отвратителен. (Не хочешь ли ты подвинуться и позволить мне занять место рядышком с тобой на скамье?) Возможно, страна знала и худшие времена, но я могу сравнить их либо с зимой под Вэлли-Фордж[4], либо с незабываемыми днями правления Уоррена Гардинга...[5] Возня в Вашингтоне напоминает кошачий сортир в Риме. И дело не в том, что правительство цинично,— я искренне убежден, что иначе и быть не может. А демократы! Господи, демократы делят шкуру неубитого медведя — ни выдержки, ни идей, ни плана, ни платформы. Если бы у меня хватило здравого смысла, я бы уехал в Европу, а здесь все пусть идет прахом. Я никогда не осуждал крыс, бегущих с тонущего корабля. Должно быть, в противном случае это были бы глупые крысы?

Я уже написал половину книги («Зима тревоги нашей»), работа продвигается превосходно, и я не прерву ее ни за что на свете, хотя, конечно, остаются ранние утренние часы, ког-

---

[1] Стейнбек обыгрывает значение фамилии своего друга Попа. «Pope» на английском языке означает «священник, поп». «Bishop» — «епископ».

[2] Клуб любителей книги в США, определяющий лучшую книгу месяца и распространяющий книги среди своих членов.

[3] **Мерфи, Деннис** — американский писатель, сын старого друга Стейнбека.

[4] **Вэлли-Фордж** — поселок в юго-восточной части штата Пенсильвания. Зимой 1777/78 года, во время войны за независимость в Северной Америке армия Дж. Вашингтона после ряда поражений стала лагерем в районе этого поселка, готовясь к решающему сражению.

[5] **Гардинг, Уоррен** (1865—1923) — 29-й президент США от республиканской партии (1921—1923). Деятельность правительства Гардинга в интересах монополий, дельцов и спекулянтов за счет народных масс привела к расцвету коррупции. На международной арене его отличали экспансионизм и жесткий курс по отношению к Советской России.

да мужская доблесть в значительной степени сводится к сварливости.

Не набросили ли тебе на плечи еще какую-нибудь мантию? Я на днях отказался от очередного почетного диплома, как обычно, банально сославшись на то, что, не получив законного университетского диплома, неловко как-то получать диплом ненастоящий. Это последний оплот моей непорочности. Это да еще то, что я никогда не имел дело с телевидением. Правда, однажды я жестоко попался на одну из премий. Несколько лет назад, когда я отчаянно сопротивлялся нищете, союз литераторов Сан-Франциско наградил меня золотой медалью за книгу. Медаль была приличного размера, и я полагал, что если ее переплавить, то даже, несмотря на примеси других металлов, ее золото потянет долларов на пятьдесят. Я искренне обрадовался медали и отложил ее на черный день, так как на эту сумму можно было купить примерно четыре стофунтовых мешка бобов и достаточно мяса к ним, чтобы прожить безголодно месяцев шесть. Медаль по-настоящему грела мне душу, создавая ощущение уверенности, какого я давненько не испытывал. Что ж, день настал, и я отнес мою медаль к ювелиру, чтобы превратить ее в наличные и соответственно в бобы. И ювелир сказал мне, что даже если бы ему удалось соскоблить всю позолоту, то и тогда она не стоила бы больше тридцати центов. С тех пор я с подозрением отношусь к наградам, если это не наличные деньги небольшими купюрами или не чеки.

Но почетные дипломы еще хуже. Почетный диплом означает, что тебя уже больше никто не боится. Конечно, нельзя бить по руке, надевающей тебе на голову академическую шапочку. Беда моя в том, что я еще не превратился в старую калошу, умиленно взирающую на похоронные приготовления. Я еще достаточно ядовит и буду сопротивляться переводу в классики до самой могилы, впрочем, попав в нее, я автоматически перестану быть оным.

Напиши мне, Джим. Приятно было бы сознавать, что где-то кому-то есть — или нет — до тебя дела.

Твой Джон.

Элейн Стейнбек.
В пути.
30 сентября 1960 г.

Старушка, сегодня я устроился на ночлег рано — около четырех часов — прямо на границе Нью-Гэмпшира и Вермонта (штаты США.— **В. П.**). Целый день колесил по разбитым и извилистым дорогам Мэна (штат США.— **В. П.**) и Нью-Гэмпшира, по которым вывозят лес. Так что Чарли заметил, что неплохо было бы отдохнуть пораньше. К тому же мы стали на берегу приглянувшейся ему речушки. Сегодня я не смогу тебе позвонить. Вокруг ни души. Пожалуй, на ужин я приготовлю свой знаменитый рис по-испански. Сегодня здесь все кажется не таким безнадежным, как вчера под дождем. Вчера я слишком устал, да еще рано стемнело, и я не мог найти места для ночлега, пока не притулился в этом закутке за мостом. В дождливую погоду ощущения бывают очень изменчивыми. Сегодня вечером я чувствую себя так хорошо, что, пожалуй, попозже даже выпью. Но при этом буду ощущать себя грешником. Вокруг никого, кто мог бы составить мне компанию. Ты даже не представляешь, как пустынен этот северный край. Я только слышал раньше об этом и о том, что звери вновь возвращаются сюда. Как-то возле самой дороги мне встретились две лосихи, а сегодня я даже вынужден был остановиться из-за нежелавшей посторониться лосихи. Она ушла лишь после того, как наградила меня долгим презрительным взглядом.

Мэн напоминает огромную пустую страну, где люди некогда жили и ушли. Вблизи городов сплошная свалка — мили автомобильного лома...

Сегодня в Мэн вторгся Никсон и произнес свою обычную речь. Я слышал его по радио в машине. Прикидывается тихоней. Надеюсь, мне удастся узнать, что люди думают. В этих краях жители не очень разговорчивы с посторонними. Я уже писал тебе, что здесь нет баров. Я объехал все придорожные кофейные, выпил галлоны скверного кофе, но они только смотрят в свои чашки и даже между собой почти не разговаривают. Такое впечатление, будто они знают мысли друг друга и им незачем произносить их вслух. Неужели так будет по всей стране? Ясно одно: они обеспокоены.

Удивительно, я всего ничего отъехал от Нью-Йорка, а кажется, словно попал на другую планету. Мэн в основном выглядит унылым и пустынным. Конечно, попадаются островки чистенького, свежевыкрашенного преуспевания и множество новых автомобилей, но в памяти остаются развалившиеся, заброшенные дома — большие дома, и все вновь порастает лесом. Гудят лесопильные заводы — целые города с целлюлозной промышленностью и сырым запахом бродящей древесной массы. Но все они похожи на быстротечную раковую опухоль, а по окраинам наступает лес. Весьма странное зрелище. Дальше передо мной лежат обшарпанные, кишащие заводами центры — Янгстаун, Детройт и т. д. Их не миновать. Только у меня они вызывают раздражение.

Никсон сказал: «Привет! Рад вас видеть. Похоже, для меня у вас нашлась калифорнийская погода». Мы ужасно смеялись, ведь дождь лил как из ведра. Потом он сказал, что это хорошо, когда у страны остались силы на такой ливень, и что покончить с дождем он не обещает, но что, с другой стороны, он и не для того приехал.

Я могу писать это письмо бесконечно. Вот что получается, когда останавливаешься на ночлег до того, как вымотался окончательно. Даже Чарли сбился с толку. Он решил, что пора спать, хотя еще даже солнце не село.

Элейн Стейнбек.
В пути.
1 октября 1960 г.

Дорогая, пишу тебе вскоре после нашего вечернего телефонного разговора. Должен заметить, я очень рад, что вскоре увижу тебя. Я сказал, что все увиденное пока не осознано мною, но зато есть впечатления. Например, отходы. Мы выбрасываем наши химические отходы в реки, избавляемся от испражнений, а города окружены автомобильными свалками, остовами домов. Совсем как подарки в сочельник — вскрываем, коробку выбрасываем и берем следующую.

Сегодня вечером я заехал на одну из стоянок для автоприцепов. Ее хозяин — стриженный под «ежик» с квадратным подбородком офицер национальной гвардии. Я предложил ему выпить. Он не дотронулся до стакана. Я предложил ему кофе. Кофе сварила его жена. Он живет в красном автоприцепе, размером примерно с наш дом, только длиннее. Я звонил тебе от него. За время моего путешествия я встречал тысячи таких автоприцепов. Люди живут в них постоянно на одном месте. Закладывают их бетонными блоками. Этот человек сказал мне, что здесь каждый четвертый новый дом — автоприцеп, сделанный из алюминия и клееной фанеры. Я спросил его, что это — нежелание вести оседлый образ жизни? Он сказал: нет. Они хотят знать, что принесет следующий год. Торгуют этими прицепами, как автомобилями. Их называют «движимыми домами» — только они недвижимы. Перевозить их по шоссе нельзя (разве что по специальному разрешению). Попадались мне прицепы даже с навесами и ставнями. Это дешевле, чем покупать дома.

Хозяин стоянки молод. Он рассорился с отцом и занялся автоприцепным бизнесом. Жена его говорит, он чему-то учится, но она не знает чему. Должно быть, он не притрагивается и к этой «чаше». Прицеп его стоит в двадцати милях от места, где он родился. Прицепный бизнес — очень важная штука. Ведь это значит, что и дом можно выбросить на свалку, как автомобиль.

Люди эти, как марсиане. Я даже чуть было не попросил их отвести меня к вождю. У них нет ни юмора, ни прошлого, а все их будущее — это новые модели прицепов. Их настоящее точь-в-точь напоминает жизнь кур, откладывающих яйца в инкубаторе. Может быть, до меня, наконец, дошло. Мы живем в инкубаторе, и все, что мы производим, не лучше химикалий, которыми нас кормят. Было бы неплохо провести недельку с этим молодым человеком. Пожалуй, чтобы разговорить его, потребуется не меньше недели.

Если когда-либо мне нужна будет тема, то я напишу об этой беспокойной мобильности.

Только что я выходил полюбоваться на лунную ночь. Окно его прицепа сверкало подобно окнам кают-компании. «Похоже на студию архитектора»,— сказал я. «Это мой дом»,— сказал он.

Ужасно! «Дом» — понятие собирательное. В доме есть крыша надежд и подвал воспоминаний. Вот что такое наш дом. Но есть и новый тип дома. Именно это он хотел сказать. Эта штука из клееной фанеры и алюминия — его «дом». Холодная сегодня ночь...

С любовью
Мерлин [1].

Паскалю Ковичи [2].
Сэг-Харбор.
Июль, 1961 г.

Дорогой Пат, еще неделя, и лето будет в самом разгаре. Конечно, здесь дует бриз, но все равно дышать трудновато. Лето — далеко не самое любимое мною время года. Городок заполняют распаренные, раздражительные люди — чужаки, с присущей приезжим навязчивой деликатностью. Шоссе забиты бесцельно ползущими автомобилями. Все это вряд ли прибавляет радости отпускникам, а если и прибавляет, то лишь в сравнении с их еще более скучным и бесцветным существованием. Так что я редко покидаю свой клочок земли и еще больше обычного провожу время в радостном затворничестве.

Книжица моих воспоминаний о прогулке двигается кое-как, то делает рывок вперед, то еле ковыляет. Это бесформенная, аморфная, бесцельная и даже бессмысленная книга. Именно поэтому она может стать самым что ни на есть реалистичным произведением. Ведь все окружающее аморфно и бессмысленно — мышиная возня. Где-то должен быть скрытый смысл, если только я смогу его найти. Я имею в виду свое уже законченное путешествие. Если не считать географических и временных рамок, все увиденное мною совершенно беспорядочно. Гора не смогла родить даже мышь. Постоянно подыскиваю слово, чтобы описать разложение. Не разрушение и не взрыв, а простое гниение. Процесс этот, похоже, протекает вяло, инертно. Я не встретил никого, кто был бы за что-либо, но почти все против кого-нибудь. Негры ненавидят белых. Белые — негров. Республиканцы ненавидят демократов, хотя разницы-то между ними практически никакой.

За все путешествие мне редко приходилось встречаться с настоящей нищетой, я имею в виду щемящую сердце, ужасающую нищету тридцатых годов. Она по крайней мере была реально ощутима. Нет, я увидел болезнь, своего рода атрофию. Только желания, но никаких стремлений. И в недрах всего этого, как газы в трупе, накапливается энергия. Я содрогаюсь при мысли о том, что произойдет, когда она вырвется наружу. Мне все больше кажется, что нам не хватает трудностей, закаляющих людей, и душевных мук, делающих людей великими.

Наши трудности — это долги, наши стремления — это желание приобрести побольше материальных игрушек, наши душевные муки — это скука. Со временем страна распалась на разобщенные территории. Я пытался найти оправдание всему этому, уговаривая себя, что так видят мои стареющие глаза, так чувствует мой ослабевающий дух, так коверкает все мое искалеченное восприятие. Но это лишь часть правды. Все описанное мною действительно существует. Я ничего не выдумал. Хорошо мне отписываться шуточками и анекдотами, но разложение этим не остановить...

**Публикация, перевод с английского
и примечания
Виктора ПОГОСТИНА.**

[1] Волшебник, персонаж романов о короле Артуре и рыцарях «Круглого стола».

[2] **Ковичи, Паскаль** — друг и редактор Стейнбека.

Могилы советских воинов-освободителей в Праге * Пражские крыши.

Посвящается воинам 177-го кавалерийского полка 60-й кавдивизии, сражавшимся в тяжелые дни наступательных и оборонительных боев под Харьковом.

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

Прорыв

ПОЭМА

1

Зимний ветер в гривы завивая,
Мчался полк.
Славянск и Лозовая
Были взяты натиском лавинным.
Полк рванул к Днепру ударным
клином.
Сквозь февральского бурана
гребень
Перпендикулярные полоски
Выявлялись на белесом небе —
Мертвый силуэт Днепропетровска.
Опыт дней войны неодинаков,—
На коней пошла громада танков.
Кто-то там бранил недобрый рок,
Клял войну, что судьбы
искромсала.
И, казалось, воедино полк
Держится по воле комиссара.
Вновь и вновь неравный смертный
бой —
В зимнем мельтешении сначала—
У гумна, у мазанки любой,
А потом у вешнего причала.
Путаный был в том году апрель.
Путаный апрель был в том году:
На листве — хрустальная капель,
Северский Донец еще во льду.
У весны сравнялись на весах
Снег и дождь.
И в честь земных основ
В Святогорских пасмурных лесах
Властно прозвучал олений зов.
В дни пушистой мглы на тополях
В Григоровке. Будущего ради,
Здорово потрепанный в боях
Конный полк остался
в арьергарде.
Что это такое «арьергард»?
Кто приказом именован так?
Арьергард — не тронуться назад,
Выдержать губительность атак,
Задержать врага любой ценой,
Стать не только воином — войной
Против Зла.
Погибнуть, если надо,—
Вот в чем назначенье арьергарда!
Так Багратион, душой орел,
Жаждой наступления пылая,
Арьергардное сраженье вел
По предусмотрению Барклая.
Опыт дней войны неодинаков:
Харьков нами взят. И отдан
Харьков...
В Григоровке полк, пехотой став,
В сотый раз вступает в бой
неравный,—
Есть на то приказ. И есть Устав.
Ими предусмотрен подвиг
бранный.
Сквозь завесу гулкого огня,
Вставшего крутыми этажами,
Чудится бойцу его коня
Гром напоминающее ржанье.
Был передним краем, а не тылом
Арьергард.
И, завершая сечу,
Конный полк дивизионным силам
По приказу двинулся навстречу.
В первые мгновения летел
Конный полк галопом на
пределе,—
Всадники, а рядом с ними те
Кони, что уже осиротели.
Миновали брошенные села,
Спешились у талой крутизны,
Бережно закинули на седла
Стремена. Во имя тишины.
И еще полны лихой отваги,
Но уже шагая, а не мчась,
В длинном неожиданном овраге
Оказались в предрассветный час.
Сквозь уже цветущие деревья,
Сквозь жасмина белокрылый
взмах
Из оврага видно, что деревня
Вся в чужой броне. Как в кандалах.
И тогда поверх овражьей прели,
Где к утру роилась мошкара,
Конники налево посмотрели.
Видят:
Заводские Хутора,
В яростном восходе багровея,
Вздыбили фашистских пушек
веер,
Как бы солнце взяли на прицел.
И тогда, взглянув еще левее,
Полк увидел льдины на Донце...
В полный профиль вырыты
траншеи:
Каски будто ходят по земле.
Пулеметы. Стать для них мишенью
Может полк, что скрыт пока
во мгле.
Конный полк окаменел на марше,
Слышно лишь биение сердец.
И никто не знает, что же дальше.
...В половодье Северский Донец.

2

Харьков, давней памяти экран.
Дом большой.
С английской гувернанткой.
Дед — купец. Из крепостных
крестьян.
Мать — читает Горького украдкой.
Бабушка в мантилии немодной
Ходит в церковь на Горе
Холодной.
Есть отец. Голубоглазый бог.
Эрудит, купечеству ненужный.
Мне дает он смелости урок
В знаменитой дедовской конюшне.
Он от сокровеннейших глубин
Бунтаря, живущего без правил,
В состязаньях конных риск любил,
Сам на всем скаку лозу рубил,
Мне пристрастье к лошадям
оставил.
Я упрямо помню и сейчас
Дончака приветливое ржанье,
Лошадиный золотистый глаз,
Как тайник, ведущий
в мирозданье,
Где когда-то в животворной мгле
На витке сгущенного простора
Лошадь появилась на земле —
Пахаря и воина опора.
Век машин.
Над колыбелью дня —
Каждого! — ракетные раскаты.
Но об интуиции коня
Пишутся научные трактаты.

3

У жасмина я сейчас стою,
Словно перед белым обелиском,
У того оврага на краю,
На краю судьбы кавалерийской.
За зрачком коня, сверлящим
тьму,
За тугого мускула скольженьем
Ревностным слежу воображеньем,
Удивляясь заново тому,
Как сумели слиться воедино,
Уникальным сделаться литьем
Разум человека со звериным
Тонким, безошибочным чутьем!..
Обломав жасминовую ветку,
Вешнюю распутицу кляня,
Тот, кто сам решился на разведку
Все же взгромоздился на коня.
А дончак, обычно в деле спорый,
Бог весть почему стоит, как столб.
Лишь, когда в бока
до крови
шпоры
Врезались,
поднялся он в галоп.
Почему он допустил бока
Ранить, как бы сам себя бичуя?
Может быть, в натуре седока
Хлипкое смятение учуял?
Может быть, панический озноб
Труса так невероятно бил,
Что внезапно не хватило сил
Сразу же поднять коня в галоп?
Триста пар очей вослед глядело,
Триста глоток разодрало свистом,
Ибо... помахав жасмином белым,
Всадник сдался в плен
мотоциклистам.
Стал он человеческим гнильем,
Бытие свое закончил немо.
Но поэма вовсе не о нем,—
Ибо не о трусости поэма.

4

Комиссар Косолапов
Взглядом огненно быстрым
Оборвал триста залпов
Разъяренного свиста.
Раньше многих он понял,
Что сулила измена.
И воскликнул:
— По ко́ням!
Нас он выдаст мгновенно!
На решенье — секунды,
Как столетья, огромны.
...Если в спину Иуды
Двинуть танков колонны,
То фашистских сатрапов
Будет песенка спета!
«Комиссар Косолапов,
Не надейся на это!»
...Краснофлотцы у трапов,
Красной гвардии силы.
«Комиссар Косолапов,
Это все уже было!».
...Корабли космонавтов,
Звезд касаются люди.
«Комиссар Косолапов,
Это все еще будет!»
В те столетья — в тот миг
Стал он юным и старым.
В глубь Вселенной проник.
Стал... Икаром!.. Кентавром!
В глубь Отчизны проник.
И в оранжевом блеске,
В агатовой буре,
В лучистой кринице
Мирозданья
возник
Артек пионерский,
Комсомольск-на-Амуре,
Клуб в казачьей станице,
Где, речами согрет,
Без ораторских штампов,
Свой партийный билет
Получал Косолапов.
Всей Истории ход —
Книги, думы, колосья —
В нем вместился.
— Вперед! —
Приказал он.
— Пробьемся!
Склон, заросший травой.
Вышел полк из низины.
Нарастающий вой,
Гул — взрываются мины.
Воет все — от росы
До небесных оплотов.
Полк уже на рыси
Под огнем минометов.
Термин «плотность огня».
Что же он означает?
Посреди бела дня —
Будто вьюга ночная,
Будто воздух шипящий —
Не реальность, а сон,
Будто огненной чащей
Ты стеснен, окружен.
Слились в плотный поток
Пуль бессчетные трассы.
Шашки выхватил полк
И галопом помчался.
Ты — законная кара,
Ты — советский народ;
Твоего комиссара
Клич призывный:
— Вперед!

Мчится конница наша,
Бьют о землю копыта,
Высекая магический лазер
инстинкта.
Он, срывая завесы далеких
метелей.

Подруги * Старина и юность * Художник.
Фото В. НИКОЛАЕВА

Проникает в года, что давно
пролетели;
Он, смещая реальность, стирая
детали,
Проникает в года, что еще
не настали...

5

...В одиночестве дня
Ветер ухает гулко.
Пушкин сел на коня —
Верховая прогулка.
Строф исторгнутый гром
Из туманности нивы.
Суть поэзии в том,
Чтоб свершались прорывы
Сквозь коварную муть
Лицемерья, навета,—
В этом творчества суть
И призванье поэта!

...В чужеземных местах,
Возле замков,
в которых
Дремлет век,
я — в гостях
У английских шахтеров.
И они не награды и не медали —
Трудовую реликвию мне показали:
Лошаденку, чье ржанье —
Вроде лая шакала,
Что в унылом старанье
Под землей одичала.
Но ее по законам
Шахтерской морали
Поживиться озоном
Из штольни подняли.
И бредет лошаденка
По травке пригожей,
На слепого ребенка
Немного похожа.
Было в Англии это.
В те дни разгоралось
Стачек грозное лето,
Пролетарская ярость.
Может, с давней поры
Суть живого восстанья —
В том, что скрыт в нем прорыв
К торжеству состр130данья!

...Мчится конница наша,
Бьют о землю копыта,
Высекая магический лазер
инстинкта.
Я сама среди них,
В ритме общего сердца
Тех покуда живых
Конармейцев.
И набатом во мне,
И набатом во мне
Жизни многоголосье:
«Удержись на коне!
Удержись на коне!
Мы пробьемся,
пробьемся,
пробьемся!»

6

Северский Донец течет на юг.
Левые брега его пологи,
Правые берега его — отроги,
Ибо так Земля свершает круг...
Был галоп немыслимо неистов.
Комиссар с комсоргом—впереди.
Шашек блеск над касками
фашистов.
Северский Донец блистал иглисто:
Половодье, развороты льдин.
Вниз спускались под свинцовым
лаем.
А внизу на некий малый срок
В «мертвой зоне» оказался полк:
Для противника недосягаем.
В напряженном предгрозовом
штиле
Проявилась подготовки сила:
У коней подпруги отпустили,
Чтоб, намокнув, кожа не давила;
Сняли мундштуки и трензеля,
Чтобы конь дышал на переправе.
Часто сила—в соблюденье правил,
Ибо... так вращается Земля!
Знали все, что взмыленные кони
Где-то раньше в давней мирной
зоне
Инстинктивно, словно от беды,
От студеной пятились воды.
Ныне пред расхлестанной
стремниной,
В «мертвой зоне», был, наверно,
вскрыт
Дремлющий в натуре лошадиной
Мощный дополнительный
инстинкт.
Впрочем, обострились слух и
зренье
В те минуты так же у людей:
Полк свое предвидел истребленье
Под огнем прицельным, на воде.
Все же волей, данной Человеку,
Многим удалось коней втянуть
В снайперски пристреленную реку,
В неизбежный—по приказу—путь.
Будто в битве страх испепеля,
Плыли
под свинцовыми щелчками
Робкие — вослед за смельчаками,
Ибо... так вращается Земля!

7

...Нет, не заслонила трын-трава
Наши героические дали:
Рапорта давнишнего слова
Властно предо мной затрепетали
Плеском взбаламученной волны
Ледяного вешнего разлива,
Горестными ветрами войны —
Северско-Донецкого прорыва,
Кумача израненным крылом,
Волей, накаленной до предела.
Удалось пробиться напролом
Нескольким.
И знамя уцелело!
...Обрамляют Северский Донец
Тополей пушистые ресницы.
Изучает нынешний юнец
Мужества и доблести страницы.
Видит боевые рубежи
Всюду так же, как на поле брани;
Всюду,
где
мы созидаем жизнь.
Начиная с будничных собраний!

Для коней испытанных
инстинкт
Вечности — естественное право.
И очами Вечности блестит
Глубь,
где совершалась переправа.

Косолапов, комиссар полка,
Получил за переправу орден.
Северский Донец — его река,
Там — прорыв в грядущие века,
Там — его живое половодье.

8

Как прекрасна Москва
В дымке утренней рани!
Небо в дивных мазках,
Улиц легкие длани.
Как разгаданный ребус,
Словно ковш из колодца,
На огромное небо —
Миг — и вырвется Солнце!
Утра светлые блики —
В мощных недрах заводов,
На граните реликвий,
На трудах и заботах.
Повседневной рутины
Нарастающий гомон.
Мы на миг из машины
Вышли у ипподрома.
...Где-то взвихрена грива,
Где-то звякнуло стремя.
Где, какого прорыва
Ждет багровое Время?

Автор выражает признательность бывшему комсоргу 177-го кавполка, ныне полковнику запаса, кандидату исторических наук Викентию Лукичу Полецкому за подробный рассказ о подлинных событиях.

Виктор КОРШУНОВ,
народный артист СССР

●

Я прочел однажды, что недалеко от Гамбурга, в Северном море, существует маленький остров Гельголанд. В биографии этого острова есть поистине черная страница — в годы второй мировой войны он был фашистской военной базой, с которой на сотни тысяч людей обрушивались бомбы и снаряды. Вина его перед человечеством так велика, что кто-то даже предложил взорвать этот остров как преступника и убийцу. Но остров остался. У земли не может быть вины ни перед кем — виноваты люди. И перед островом Гельголанд виноваты фашисты, начинявшие его землю смертоносным семенем.

Сегодня остров порос травой, ухожен и стал местом паломничества туристов, привлекаемых его живописностью. О прошедшей войне, о неизбывной вине фашизма перед миром здесь помнить не хотят. Кому-то нужно, выгодно вычеркнуть из памяти человечества правду о той вселенской бойне, обошедшейся миру в пятьдесят миллионов жизней.

В спектакле «Берег» Юрия Бондарева мой герой, писатель Никитин, ведет острый, полный огромного внутреннего напряжения диалог с западногерманским литературоведом Дицманом.

С Дицманом и его жизненными прообразами, со всеми, кто считает, что войну надо забыть, кто толкует о посмертном равенстве жертв и палачей, бросает клич о том, что 9 мая 1985 года нужно устроить всеобщий день памяти, где узник Бухенвальда, растерзанный палачами немецкий антифашист будет в одном поминальном списке с карателем, уничтожившим Хатынь и получившим справедливое возмездие,— со всеми подобными «гуманистами» реваншистского толка спорил не только мой Никитин в спектакле. Спорил я сам, мальчишка военных лет, в которого тоже долетели и долетают поныне осколки той войны. Отец мой воевал на фронте с первого до последнего дня, а два его брата отдали за Родину жизни.

Никогда не забыть старших ребят с нашего двора, которые ушли бить врага и не вернулись. Их лица и сегодня выплывают из дальности лет. И, наконец, День Победы... Ослепительная радость, которую разделили и стар и мал... И печаль о тех, кто не дожил, не вернулся с поля боя.

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли
с войны,
В том, что они — кто старше,
кто моложе,
Остались там, и не о том же
речь,
Что я их мог, но не сумел
сберечь,—
Речь не о том,
Но все же,
все же, все же...

В этих строчках Александра Твардовского, как мне кажется, очень точно выражено постоянное душевное состояние уцелевшего фронтовика Вадима Никитина. Кто-то из рецензентов нашего спектакля назвал его чувством вины перед чужой болью. Нет, не вины... я бы сказал, обостренным чувством ответственности за боль, пережитую соотечественниками, за их недожитые жизни. Не чужие, ибо для нас, советских людей, чужого горя не бывает. Страстным желанием предостеречь мир от повторения этой трагедии, которая теперь, в современных условиях, может привести к гибели всех людей на земле — и правых, и виноватых.

Критика много писала о нашем «Береге», о том, насколько мысли действующих в пьесе лиц созвучны самой острой, самой насущной проблеме, стоящей перед людьми,— сохранить мир на земле, ибо он, и только он, основа и залог жизни.

Тема Великой Отечественной войны очень волнует каждого из нас. Кроме своего великого общечеловеческого, гуманистического значения, она служит воспитанию в советских людях активного, действенного патриотизма, горячего желания и готовности всегда и везде беззаветно защищать Родину. Вот почему каждая из ролей в театре и кино, посвященная этой теме, стала для меня вехой не только в творческом, но и в личностном, гражданском становлении.

Для актера обращение к любой теме всегда в той или иной мере продиктовано внутренней необходимостью. Играя в классических пьесах, события которых отделены от нас временем, тем не менее стремишься выявить в них то, чем они близки людям всегда, нащупать какие-то болевые моменты, не перестающие волновать ум и сердца человечества,— совесть, честь, взаимоотношения людей, способность любить, право ненавидеть, умение не сгибаться в трудностях и испытаниях...

А тема Великой Отечественной войны — особая в моей жизни и творческой судьбе. Правда, я был тогда мальчишкой, не довелось участвовать в боях. Наша линия фронта проходила за школьной партой, на чердаках, где тушат зажигалки, в очереди за хлебом, в толпе у репродуктора, передающего сводку Совинформбюро,— до сих пор в памяти осталось физическое ощущение того, как я бегу через дорогу, чтобы успеть к репродуктору до начала очередного сообщения с фронта. Мы видели, как плакали матери: одни — подолгу ожидая писем, другие — склонившись над серым листочком похоронки.

Все это впитывалось в нас, пусть не сразу, но, безусловно, формировало наши характеры, становилось как бы составом и нашей крови, влияло на систему оценок слов, поступков и действий людей. Конечно, в каждую семью, в каждого человека это входило посвоему. Но было и нечто общее, единое для всех. Вот почему праздник Победы был не просто свидетельством нашего воинского, бойцовского превосходства, он стал торжеством нашего духа, нашего мировоззрения, нашего ве-

ликого чувства интернационализма и справедливости.

У меня сохранилось глубокое убеждение, что у Дня Победы был еще и, я бы сказал, физический признак. Наконец-то закончилось то напряженное ожидание, которым люди жили последние месяцы, недели, дни, часы войны.

Но ведь и Победа принесла не только ослепительную радость. Это слезы тех, чьи мужья, сыновья и братья остались на поле брани. Это страдания тех, кому война нанесла раны и увечья не только физические, но и душевные. Сколько же судеб было поломано! Сколько не состоялось семей, мечтаний, планов, сколько любящих, родных и близких потеряли друг друга на дорогах войны, да так, что и поныне, сорок лет спустя, не могут отыскать. Война обожгла одних надолго, других — навсегда. И это тоже вошло в каждого из нас.

Вот почему для меня война — тема особая. Большие ли, маленькие ли роли, театр, кино или радио — дорого все. Мне всегда очень непросто из множества стихов о войне выбрать те самые, единственные для меня и моих слушателей, которые способны добраться до самых истоков души. Каждую строчку роли, стихотворения проциживаешь сквозь себя, идешь к мысли о земле, Родине, жизни, материнстве, любви... Как война наша была священная, так и отношение к ней священное. По-разному удаются работы: одни больше, другие меньше,— но подход к ним всегда один.

С темой Отечественной войны неразрывно смыкается тема гражданской. Она была предтечей, истоком великого народного подвига, свершенного в 1941—1945 годах. Победили наши отцы и деды, которых мы застали живыми, и это стерло границы времен, окрасило исторические события нашим личным отношением. Они передали нам свою любовь к Родине, свою ответственность за то, чтобы их славные дела были достойно продолжены. И когда отцы и старшие братья воевали, мы уже стояли на пороге, ожидая своего часа, своего права прийти к ним на помощь.

Вот почему вне темы революции я не смог бы оценивать свой путь в театре.

Я сыграл Ваську Окорока в «Бронепоезде 14-69» Вс. Иванова в Центральном театре транспорта (теперь Театр имени Гоголя). Я старался, чтобы мой герой жил на сцене таким, каким я его увидел,— горячим, самоотверженным, романтичным, наивным и несгибаемым солдатом революции. Потом были Кирилл Извеков в фильме «Первые радости» и «Необыкновенное лето»— пламенный, стойкий революционер, обязанный своим становлением партии Ленина; комиссар Роман Кошкин в «Любови Яровой». А затем в жизнь моих героев ворвалась война с фашизмом. И вот роль полковника Савельева в симоновской пьесе «Так и будет». Мог ли я подумать, как скрестятся в ней разные времена, разные этапы моей биографии.

В сорок четвертом году я, мальчишка, и не мысливший тогда о профессии актера, занимался в театральном кружке Дома пионеров, выступал с чтением стихов в госпиталях. Там я видел настоящих фронтовиков, черты которых потом старался воскресить в своих героях. И, быть может, один из них, весь, кроме глаз, забинтованный, быть может, он мог бы стать прообразом того полковника Савельева, которого я двадцать лет спустя играл на гастролях в Берлине. Играл и ощущал, как внимают моему герою, как стремятся понять его сидящие в зале немцы Германской Демократической Республики, имеющие свой счет к фашизму. Мы говорили на разных языках, но мыслили на одном — на языке гуманизма, веры в наше единство, ненависти к гитлеризму и всему, что с ним связано. Мой Савельев выдержал тогда боевое крещение и победил, ибо за ним была правда и верность истории. Как же мне не благодарить свою профессию за счастье испытывать подобное, за возможность слить с судьбой героя, его помыслами и действиями главные мысли и поступки своей жизни.

Я благодарен судьбе и за то, что в «Береге» роль Никитина идет в двух временных измерениях. В Никитине молодом я могу вернуться к отцу, к своим юношеским чаяниям и взглядам, в повзрослевшем герое я обращаюсь и к себе сегодняшнему, многое пережив, осознав, защищая свое дорогое и важное с позиций нынешнего времени.

Суровую школу войны прошел и ученый Максим Строгов из «Вызова» Г. Маркова. Он тоже продолжатель той незримой эстафеты. Думая о том, как прозорлив был его отец, участник революционной борьбы в Сибири, посадивший новый кедровник у Синего озера, Максим ясно осознает свою ответственность перед молодыми поколениями за мирную красоту и плодородие земли, за гармоничную целостность природы, живущей на радость и на пользу человека. Он тоже поверяет свои поступки и действия дорогим и суровым опытом боевой молодости, ведь в конечном счете их смысл и цель высокогуманистичны, ибо только в мире может цвести и благоденствовать земля.

На телевизионном экране прошел фильм «Корпус генерала Шубникова»— еще одна страница героической летописи Советской Армии в годы Великой Отечественной войны. Механизированному корпусу генерала Шубникова дается секретное задание особой важности. Под видом стрелкового соединения проникнуть в тыл врага и внезапным сильным ударом захватить станцию, на которой сосредоточены танки, предназначенные к отправке под Сталинград на помощь армии Паулюса.

По существу, это то боевое задание, вероятность возвращения с которого почти равна нулю. Я играю в фильме генерала, который разработал эту операцию и из штаба армии следит за ее выполнением. Роль, казалось бы, не очень большая, но как сложно, тяжело жить в образе военачальника, вынужденного отправлять практически на гибель тысячи людей. Как часто это бывало на войне: мучительный конфликт между любовью к своим товарищам по оружию, острой болью за жизнь каждого из них и высшим долгом полководца, понимающего всю неизбежность этой кажущейся жестокости, этой суровой арифметики войны, когда гибель тысячи человек спасает жизни десяткам тысяч. То что мой герой делает для приближения Победы, показывает людям нынешнего дня: смотрите, какой ценой завоевано счастье, берегите его!

Смотрите, говорим мы нашим противникам — апологетам нового мирового побоища, ядерного костра, смотрите и помните, что нет такой силы, которая могла бы покорить советского человека, и во все времена Русь давала отпор всем, кто шел к ней с мечом.

Подготовка к 40-летию Великой Победы всколыхнула весь мир. По решению ООН человечество отмечает эту дату, скорбя о жертвах войны, принося глубокую благодарность Советскому Союзу, спасшему мир от коричневой чумы. Однако и враги мира не дремлют, развязав самую чудовищную, циничную и оголтелую пропаганду войны во всех ее отвратительных формах.

Недавно я прочел в газете размышления писателя Григория Бакланова над статьей «Почему мужчины любят войну?», напечатанной в одном из американских журналов, «Эсквайр».

«Война — устойчивое состояние человека,— утверждает бывший лейтенант — убийца вьетнамских патриотов, женщин, детей, стариков.— Я скучаю по ней потому, что я любил ее странно и тревожно... И одной из причин любви мужчин к войне,— откровенничает

Сцена из спектакля Малого театра «Берег». Н. Корниенко в роли Эммы Герберт и В. Коршунов — Никитин.

Фото И. Ефимова

ТИЧЬ И ОСОЗНАТЬ»

ИЗ НЕИЗБРАННОЙ ПЕРЕПИСКИ

ДЕЛАЙ С НАМИ?

Публикацией «Делай с нами?» («Огонек» № 2 — 1984) журнал рассказал о том, как ловко промышленность и торговля переложили свои обязанности на покупателя: поставляют и продают мебель разобранной, а какие хлопоты подчас выпадают тем, кто покупку сделал, эти две отрасли вроде бы и не интересует?.. На публикацию отозвались министерства и ведомства (гораздо больше писем пришло, понятно, от читателей!). Заместитель председателя Госстандарта СССР В. Юницкий информировал редакцию о том, что Госстандарт предложил Минторгу СССР внести в правила торговли мебелью соответствующие указания, «четко определив право покупателя потребовать без дополнительной оплаты сборку мебели» в магазине или на дому. Член коллегии Минлесбумпрома А. Алексеев сообщил нам, в частности, что решено при «реализации населению мебели в разобранном виде применять розничные цены со скидкой в размере 5 процентов с конечной розничной цены». Значит, все в порядке? Но почему же тогда в редакционной почте и сейчас встречаются письма, авторы которых отмечают: не выполняются эти указания? Гладко было на бумаге?.. А когда дошло до дела, то появились «объективные трудности»?

Вот и еще одно письмо — от давней читательницы «Огонька» Лидии Георгиевны Беловой. «В Жировском сельпо Фатежского района я купила мебельную стенку»,— сообщила она. Покупка была доставлена домой разобранной, а когда начали ее собирать, оказалось, что некоторых деталей не хватает. Для того, чтобы мебелью можно было пользоваться, потребовалось еще немало времени, нервов да и деньги за сборку пришлось уплатить. Инвалид первой группы поехала в магазин, а дорога неблизкая. Лидия Георгиевна пишет все, как есть: недостающие детали нашлись довольно быстро. Но вот разобраться по сути дела с переплаченными за сборку деньгами ей не удалось, в магазине с ней просто не стали разговаривать, сказав лишь: «Покупатели сами должны собирать купленную мебель». Сами? Это что-то новое. Ведь есть указания и рекомендации. Да и приказ Министерства торговли СССР подоспел. Черным по белому: «Магазин обязан обеспечить сборку мебели либо непосредственно при продаже, либо на дому у покупателя...» И логика за такое же решение. «Как же быть в противном случае старикам, пенсионерам, инвалидам?» — спрашивала читательница. И почему человек, приобретающий мебель, получает не шкаф, а комплект досок и шурупов?

Редакция передала письмо в соответствующие ведомства. Первый ответ пришел из правления Роспотребсоюза. Заместитель председателя правления А. Сорокин сообщает, что письмо рассмотрено. Курскому облпотребсоюзу поручено вернуть покупательнице деньги за сборку мебели и наказать лиц, нарушивших установленные правила торговли мебельными товарами.

На этом бы и делу конец, но в редакцию поступило еще одно письмо — из Госторгинспекции РСФСР. Курское областное управление Госторгинспекции проверило письмо Л. Г. Беловой. «За продажу некомплектной мебели директор магазина строго предупрежден. Что же касается скидки на сборку мебели, то как раз на набор «Орел-1-Д/3», состоящий из так называемой «корпусной мебели», из секций и тумб, скидка не предусмотрена».

Кооператоры ошиблись, вернув Л. Г. Беловой деньги? Или торгинспектора не правы? Недоразумений, вызванных неточным и неполным выполнением правил торговли мебелью, немало. О них сообщают в редакцию многие читатели.

Москвичу Л. Воронцову в ответ на его жалобу так толком ничего и не объяснили. Лишь прислали перевод на 3 рубля 60 копеек... Правда, в редакцию пришло письмо от заместителя начальника управления торговли промтоварами Главторга Мосгорисполкома Е. Ершова. Он пишет, что за продажу Л. Воронцову мебели с разобранными шкафами директор магазина № 11 Мосмебельторга (тов. Ершов не указывает его фамилию: либо не знает, либо скрывает.— **Ред.**) привлечен к дисциплинарной ответственности.

О непорядках и неполадках в мебельной торговле нам написали С. Кузнецов из Свердловска, М. Маркина из Волгограда, В. Осипов из Владимира, супруги Дерксен из Ленинграда, М. Тимофеев из Астраханской области, М. Забродина из Чебоксар, москвичи Р. Полевая и В. Петров и другие читатели. «Купили тахту в разобранном виде. В магазине на вопрос о сборке стали обещать: «завтра», «послезавтра», «может быть». В результате собирали муж с сыном»,— пишет Л. Петрашевская из Львова.

Не было бы ни недоразумений, ни недоуменных вопросов, ни жалоб, **если бы в каждом магазине на видном месте висело объявление, четко и полно разъясняющее правила торговли мебелью, упоминающее как о правах покупателя, так и об обязанностях магазина.** Не было бы обиженных (а то и разгневанных) авторов писем. Разве сложно оповестить покупателей о том, каков порядок приобретения мебели?

Видимо, Управление организации торговли Минторга СССР да и управления Госторгинспекции не приняли соответствующих мер и не проверили организацию торговли мебелью. А сделать это надо как можно скорее еще и потому, что качество мебели находится не на должном уровне. И торговля разобранными изделиями — один из путей, по которому брак нередко попадает к покупателю.

ПРОДАЕТСЯ ДОМ

«В вашем журнале помещена статья «Продается дом» («Огонек» № 39—1984). Создание описанного торгового центра дело хорошее, но, к сожалению, не доведенное до конца... Для ремонта садового дома нам понадобились доски и бревна-кругляк. Товар был отобран, при помощи крана все погрузили в машину. Бревна стоили 18 рублей, но с нас взяли 24 рубля. Машину предоставил «левый» шофер, за воротами таких машин много, а торговый центр в машине отказывает.

Е. Казакова».

Может ли быть такое?— усомнились мы. Как это так: произвольно устанавливаемая, так сказать, внутримагазинная цена товара, парк «левых» автомобилей, тоже со своей таксой? И бездействующее трансагентство? Чтобы получить разъяснения, мы передали письмо в Мособлпотребсоюз.

И вот получен ответ за подписью заместителя председателя правления МОСПО Ю. Филимонова. Он сообщает, что письмо читательницы «обсуждено на общем собрании заведующих магазинов «Стройматериалы» Мособлпотребсоюза и в коллективе комплекса «Ваш дом». Крановщик Волков А. Е., производивший погрузку лесоматериалов, с работы уволен, грузчикам и рабочим комплекса указано на недопустимость фактов побора с покупателей за погрузку стройматериалов». Так завершилась практика самовольной «корректировки» цен.

В письме тов. Филимонова есть также ссылка на правила розничной торговли лесными и строительными материалами. В них, в частности, говорится: «Погрузка товаров на транспортные средства покупателей в обязанность работников магазинов, складов и баз по торговле лесными и строительными материалами не входит». И, стало быть, должна осуществляться непосредственно самими покупателями, замечает заместитель председателя облпотребсоюза. Но кому же не ясно, что погрузить стеновую панель, дверной блок да и те же бревна невозможно без соответствующих механизмов. Не сказано ли в правилах, где получить всю эту механизацию покупателю? Или правила смилостивятся (а может, это будет соответствующее, но достаточно конкретное, четкое разъяснение соответствующих кооперативных организаций?) и позаботятся о том, чтобы предоставить покупателям необходимые услуги?

Словом, меры вроде бы приняты. Но вопросы не решены.

ОТДЕЛ ЭКОНОМИКИ БЫТА

ИЗ НЕИЗБРАННОЙ ПЕРЕПИСКИ

автор,— является любовь к разрушению, волнующее ощущение убийства».

Волнующее ощущение... Чем же этот американский «поэт убийств» отличается от эсэсовских палачей? Ведь они тоже начинали с упразднения таких качеств личности, как справедливость, гуманность, человечность.

Чем мы, защитники мира, потомки павших за него героев, известных и безымянных, можем ответить этим варварам?

У нас, актеров, оружие — наше искусство. Каждая роль, вызывающая к жизни великий миролюбивый подвиг советского человека, способная пригвоздить к позорному столбу поджигателей новой войны,— это наш творческий и гражданский вклад в общее дело. Сегодня нужно бороться за мир всеми средствами. Люди, пережившие ужасы минувшей войны, воспринявшие от фронтовиков завет хранить свою Родину, знают, что с войной надо бороться, пока она не началась.

Я рад, что в такой сложный, напряженный момент борьбы против угрозы новой войны, в преддверии 40-летия нашей Великой Победы я стою в общем строю не только прошлыми своими ролями, но и новой, очень значительной для меня работой в спектакле «Рядовые» по пьесе Алексея Дударева. Роль Петра Дервоеда, солдата, пережившего трагедию (фашисты сожгли его жену и сына), прошедшего суровейшие испытания, стоит особняком среди моих работ. В чем особенность? Выдержавший неимоверные страдания и испытания, мой герой не только не ожесточен, но, напротив, становится мудрее, добрее, вырастает как личность. Пережитое сжигает в нем все мелкое и случайное, оставляя главное — прекрасную душу, любовь к родной земле и людям, готовность отдать за их счастье свою жизнь. Образ Петра прямо и недвусмысленно отвечает на вопрос, каким должен быть человек.

Поразительна все-таки наша профессия. Проживая на сцене короткий, завершающий и потрясающий высшей человечностью этап жизни своего героя, я ощущаю себя не просто солдатом минувшей войны, обыкновенным человеком, ставшим в боевой строй, потому что на Родину напали враги и надо ее защитить. Я чувствую себя белорусом, и чувство это не покидает меня, когда заканчивается спектакль. Я признателен за это чувство драматургу Алексею Дудареву.

И как мой герой, белорусский крестьянин Петр Дервоед, так и я сам — сын фронтовика Ивана Коршунова, актер Малого театра, могу сказать: мы, советские люди, никогда не стремились к тому, чтобы какой-либо другой народ пережил ту трагедию, которую довелось пережить нашему народу. Но очень важно, чтобы все те, кто рассчитывает уцелеть в ядерном огне, постигли и осознали уроки второй мировой войны, нашей Великой Победы.

Чемпионат без чемпионов

Марк ТАЙМАНОВ,
международный гроссмейстер,
шахматный обозреватель «Огонька»

После того, как президент ФИДЕ Флоренсио Кампоманес недавно в Маниле окончательно подтвердил провозглашенное им 15 февраля 1985 года решение о прекращении матча Карпов — Каспаров и, более того, объявил о точной дате — 2 сентября — начала нового поединка, волнения, связанные с необычными перипетиями исторического единоборства, отошли в прошлое, и внимание любителей шахмат, естественно, переключилось на новые события шахматной жизни.

Ими богат зимне-весенний календарь. Здесь и международные турниры, и командные соревнования высокого ранга, матчи и чемпионаты. Некоторые уже закончились, другие продолжаются — за всеми и не уследить. И все же в этой калейдоскопической смене впечатлений одно состязание вызвало особый интерес, оказалось не только интригующим, но и значительным.

Речь идет о 52-м первенстве СССР, недавно завершившемся в Риге.

Наши чемпионаты уже давно завоевали репутацию самых трудных и престижных турниров. Редко какие из международных соревнований могут сравниться с ними по составу участников. Даже чемпионам мира не всегда удавалось пожать на них лавры. Пробиться в финальный этап первенства СССР нелегко — нужно пройти сквозь горнила отборочных состязаний,— и шахматисты, достигшие такого успеха, словно бы обретают «Знак качества». А звание чемпиона страны по шахматам по праву относится к числу самых почетных. За всю историю им обладали всего тридцать шахматистов. Первым был Александр Алехин, тридцатым—Андрей Соколов. Рекордсменами можно назвать экс-чемпионов мира Михаила Ботвинника и Михаила Таля: им довелось быть чемпионами СССР шестикратно!

Первенства СССР становятся словно бы генеральным смотром наших достижений. Они определяют «табель о рангах» сильнейших гроссмейстеров, формируют сборную команду для выступлений в международных состязаниях, а раз в три года (теперь в два) служат и отборочным зональным этапом в системе борьбы за первенство мира, делегируя наиболее достойных в межзональные турниры.

Именно таким многоплановым оказался и 52-й чемпионат. Это добавило ему спортивной увлекательности, хотя и неизбежно отразилось на представительности. На этот раз турнир, как шутили, «блистал отсутствием имен». Не говоря о наших признанных лидерах — А. Карпове и Г. Каспарове, занятых в это время единоборством на высшем уровне, принять участие в чемпионате не могли и сильнейшие гроссмейстеры, которым по их прежним заслугам, отраженным в личных коэффициентах, ФИДЕ предоставило право участия в межзональных турнирах без предварительного отбора. Но нет худа без добра. Поскольку М. Таль, Л. Полугаевский, Р. Ваганян, А. Белявский, А. Юсупов и О. Романишин волей ФИДЕ оказались «над» чемпионатом, там освободились вакансии для притока новых сил, и 52-й чемпионат стал, пожалуй, самым молодежным и демократичным за всю историю. Старшее поколение представляли лишь турнирный ветеран Ефим Петрович Геллер, в 23-й раз (!) вступивший в борьбу за звание чемпиона страны, недавно отметивший пятидесятилетие Бухути Гургенидзе, Юрий Балашов участвовал в чемпионате страны в тринадцатый раз, Владимир Тукмаков — в двенадцатый.

Большинство участников были новичками чемпионата. Но и при этом (как помолодели сейчас шахматы!) 15 из 20 вышедших на старт уже обладали званиями международных гроссмейстеров! Кого в такой компании считать фаворитом? По каким признакам?

Наибольшим опытом, бесспорно, обладал Е. Геллер. Но если в молодые годы он с честью выдерживал перегрузки своих максималистских творческих установок, то теперь для такой насыщенной игры ему порой просто не хватает энергии. А на компромиссы Геллер не горазд...

Наивысший коэффициент принадлежал Г. Агзамову. Первый узбекский гроссмейстер, лидер известной шахматной семьи, где и отец, и братья способны не только болеть за успехи младшего, но и быть его квалифицированными секундантами, он за последние годы достиг впечатляющих результатов. Трижды Агзамов побеждал на турнирах в Югославии, выиграл престижные состязания в Колумбии и на мемориале Чигорина в Сочи, блестяще выступил на последней, VII Спартакиаде народов СССР. Пять раз выполнил молодой шахматист норму международного гроссмейстера, прежде чем конгресс ФИДЕ в Салониках узаконил его титул официально. Об упорстве и настойчивости игры Агзамова уже складываются легенды. С Агзамовым короткой ничьей не сделаешь, он, по свидетельству М. Таля, «привык к трехзначному числу ходов в своих партиях». Но порой такая манера приводит к потере объективности, а это может быть тормозом творческого роста...

В почетной роли отстаивающего звание чемпиона СССР выступал в Риге Андрей Соколов. В прошлом году, когда самый юный участник первенства и его дебютант сенсационно выиграл сложнейший турнир и завоевал золотую медаль, скептики склонны были признать такой успех случайным. Но, как известно, случайно можно выступить плохо, но для выдающегося результата нужны иные объяснения. И Соколов за короткий срок своей игрой доказал, что достоин быть в ряду прославленных чемпионов. И хотя, забегая вперед, скажем, что в 52-м чемпионате ему не удалось полностью повторить свой успех, он все же оказался на высоте положения, впервые пробившись в межзональный турнир. Кроме того, если звание чемпиона СССР дается на время, то ведь экс-чемпион — это уже навсегда...

С интересом ожидалось выступление Юрия Балашова. Ради участия в первенстве страны он должен был даже пожертвовать своей почетной и ответственной функцией секунданта чемпиона мира. Но кто мог предположить, что матч затянется до февраля, а у Балашова были веские основания надеяться на то, что в грядущей борьбе за высшее шахматное звание он сможет сыграть и не только вспомогательную роль.

Как и обычно, много споров велось о перспективах Льва Псахиса. Заинтриговав весь шахматный мир блестящим стартом в чемпионатах СССР, когда в 1980 и 1981 годах талантливый красноярский шахматист дважды завоевывал золотые медали, он затем не сумел закрепиться на достигнутых высоких рубежах, и его выступления стали огорчать нестабильностью. Но поклонников своих Псахис сохранил благодаря яркому и смелому стилю игры, а потому каждое его выступление вызывает интерес независимо от спортивного результата.

Полны честолюбивых планов были, конечно, и молодые новобранцы рижского чемпионата, получившие высшее шахматное звание международного гроссмейстера как раз накануне турнира. Кроме уже названных Г. Агзамова и А. Соколова, это были В. Гавриков, С. Лпутян и А. Петросян.

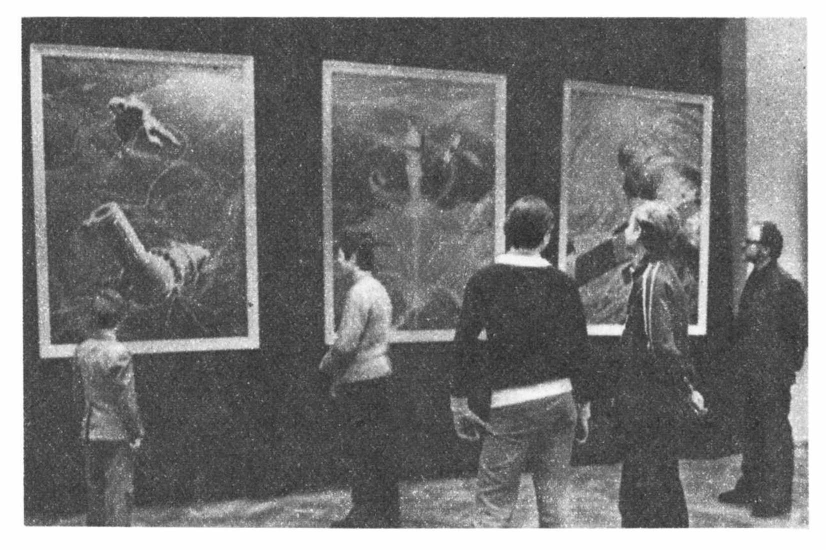
Словом, претендентов на победу было почти столько же, сколько и участников, и каждый верил в свою счастливую звезду.

Финиш не прояснил, а лишь усложнил ситуацию и выдвинул на авансцену сразу трех победителей! Причем если молодой гроссмейстер В. Гавриков имел уже сложившуюся репутацию многообещающего шахматиста, то двое других — харьковчане А. Чернин и М. Гуревич «по рангу» не прочились на столь почетную роль. Невозможно было предположить, что при участии в турнире пятнадцати гроссмейстеров на пьедестале почета главенствовать будут младшие по званию, но своей содержательной игрой они полностью заслужили успех. Более того, шансы войти в эту счастливую группу имелись еще у одного мастера — С. Смагина, судьба к которому оказалась, увы, неблагосклонной. Его партнер по последнему туру Б. Гургенидзе заболел и не смог доиграть отложенной партии, а специальное жюри, присуждавшее ее, сочло некоторое преимущество москвича недостаточным для реального достижения победы. Этого полуочка и не хватило С. Смагину.

Итак, заслуженными победителями 52-го первенства страны стали В. Гавриков, А. Чернин и М. Гуревич. Победителями, но пока не чемпионами, и анализ их творчества уместно отнести до полного завершения состязания. По условиям за золотую медаль еще предстоит провести дополнительный матч-турнир в два круга. При этом А. Чернин и М. Гуревич имеют двойную цель. В случае успеха они могут завоевать не только чемпионский титул, но и звание гроссмейстера СССР. Но уже сейчас все трио лауреатов можно поздравить с выполнением программы-минимум. Они вместе с занявшими следующие места А. Соколовым и Ю. Балашовым (и шестью персонально приглашенными гроссмейстерами) получили право включиться в борьбу за звание чемпиона мира на межзональном этапе нового двухгодичного отборочного цикла.

Словом, еще не стихли отголоски недавнего сражения Карпова с Каспаровым, а лучшие шахматисты всего мира, включая 11 советских, уже готовятся вступить в бой за почетное право бросить вызов грядущему чемпиону мира. Но это потом. А пока будем ждать окончательных итогов 52-го первенства. Из двадцати соискателей осталось всего три.

Кому из них достанется высокий титул чемпиона СССР?

КОСМОС МИРНЫЙ

Двадцать лет назад впервые в истории нашей планеты человек вышел в открытый космос. Он был не только космонавт, но и художник. И, вернувшись на Землю, передал свои впечатления в красках. С тех пор дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Алексей Леонов в своих живописных полотнах показывает землянам строгую и тревожную красоту мирового пространства и нашей маленькой, хрупкой голубой планеты.

Тогда же, два десятилетия назад, возник художественный дуэт, где соавтором Алексея Леонова стал Андрей Соколов, ныне народный художник РСФСР, также многие свои полотна посвятивший освоению космоса.

Сейчас в Центральном Доме архитектора в Москве проходит выставка их работ — «Космос на службе мира».

На снимке: в залах выставки. Фото А. Бочинина

Анатолий РАС

Воздух

ЮМОРЕСКА

— Товарищи, — обвел взглядом аудиторию председатель местнома,— сегодня мы проводим еще раз, согласно плану, расширенное совещание по дальнейшему укреплению и повышению.— Председатель снова посмотрел на присутствующих и увидел поднятую руку.— Что там у тебя, Сигалов?

— У меня предложение с места,— поднялся Сигалов,— к порядку ведения собрания... Необходимо открыть окна. Задохнуться можно...

— Ни в коем случае! — выкрикнула с правого края Розалинская.— Нас продует и прохватит...

В зале воцарилось оживление, похоже было на то, что мнения разделились.

— Попрошу соблюдать дисциплину.— Председатель постучал ручкой по графину без воды.— Итак, поступило два предложения: первое, от товарища Сигалова,— открыть окна, второе — окна не открывать, от товарища Розалинской. Какие будут соображения по этому поводу?

— Пускай выскажутся определенней! — раздалось из задних рядов.

— Поступило предложение заслушать точки зрения обеих сторон предложивших товарищей. Других мнений нет? Попрошу активней, это же всех касается... В таком случае слово предоставляется Сигалову, внесшему предложение первым. Сколько мы ему дадим? Пять минут. Других предложений нет? Прошу, товарищ Сигалов.

— Что тут говорить,— откашлялся Сигалов,— чистый воздух в любом коллективе — это первое дело. И дисциплина отсюда, и рабочее настроение, и другие показатели... А то сидишь в духоте, как вареный, и только думаешь, когда это кончится. А был бы свежий воздух, ничего бы такого не было. Только откуда ему взяться, если не проветривать? Вот я и...

— Время, — прервал Сигалова председатель.— Слово предоставляется товарищу Розалинской.

— Верно сказал Сигалов, — с этими словами Розалинская плотнее укуталась в оренбургский платок,— он сидит и ни о чем не думает! Только я бы еще со своей стороны добавила: и ни о ком! У вас, товарищ Сигалов, один воздух на уме. А о людях вы подумали? Я не о себе, хотя сквозняк для меня ад! Но я сейчас думаю о других. У Пивоварова, насколько мне известно, хронический радикулит с отдачей в левую ногу. У Золотухина ярко выраженная язва желудка. Ему, следовательно, простуда тоже ни к чему. В принципе я не против свежего воздуха. Свежий воздух свежим воздухом, но о людях надо думать в первую очередь. Спасибо за внимание!

— Очень хорошо, — поднялся председатель. — Какие будут еще мнения? Давайте не раскачиваться.

— У меня компромиссное предложение,— снова поднял руку Сигалов,— открыть окна и объявить перерыв.

— Ни в коем случае! — тотчас подала реплику Розалинская. — После перерыва многих недосчитаетесь. Кворума не будет, опять придется собрание переносить.

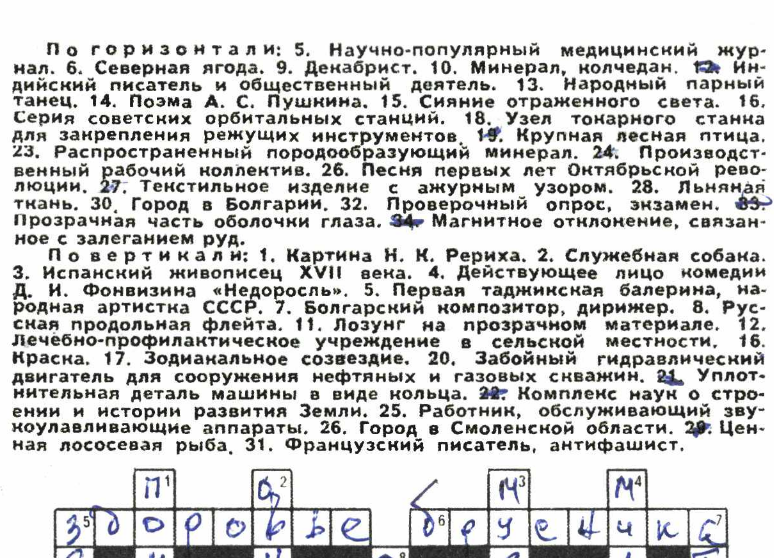
— Все ясно. Поступило два предложения: первое, от товарища Сигалова,— открыть окна на перерыв, второе — на...

— Кончать пора! — крикнула из середины целая группа.

— Поступило третье предложение — подвести черту.

Большинство собравшихся, не сговариваясь, подняли руки.

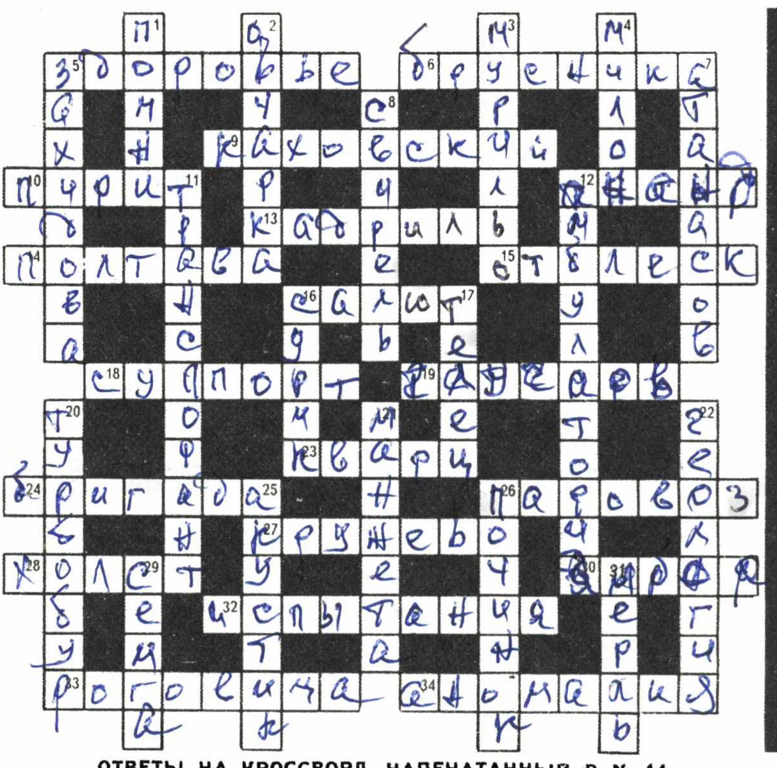
— В таком случае,—сказал председатель,— проект решения мы тут еще подработаем. Таким образом, собрание, посвященное мерам борьбы за повышение трудовой дисциплины и экономию рабочей минуты... товарищи, стойте! Сядьте, дайте же досказать... считаю закрытым...

По горизонтали: 5. Научно-популярный медицинский журнал. 6. Северная ягода. 9. Декабрист. 10. Минерал, колчедан. 12. Индийский писатель и общественный деятель. 13. Народный парный танец. 14. Поэма А. С. Пушкина. 15. Сияние отраженного света. 16. Серия советских орбитальных станций. 18. Узел токарного станка для закрепления режущих инструментов. 19. Крупная лесная птица. 23. Распространенный породообразующий минерал. 24. Производственный рабочий коллектив. 26. Песня первых лет Октябрьской революции. 27. Текстильное изделие с ажурным узором. 28. Льняная ткань. 30. Город в Болгарии. 32. Проверочный опрос, экзамен. 33. Прозрачная часть оболочки глаза. 34. Магнитное отклонение, связанное с залеганием руд.

По вертикали: 1. Картина Н. К. Рериха. 2. Служебная собака. 3. Испанский живописец XVII века. 4. Действующее лицо комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль». 5. Первая таджикская балерина, народная артистка СССР. 7. Болгарский композитор, дирижер. 8. Русская продольная флейта. 11. Лозунг на прозрачном материале. 12. Лечебно-профилактическое учреждение в сельской местности. 16. Краска. 17. Зодиакальное созвездие. 20. Забойный гидравлический двигатель для сооружения нефтяных и газовых скважин. 21. Уплотнительная деталь машины в виде кольца. 22. Комплекс наук о строении и истории развития Земли. 25. Работник, обслуживающий звукоулавливающие аппараты. 26. Город в Смоленской области. 29. Ценная лососевая рыба. 31. Французский писатель, антифашист.

КРОССВОРД

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали: 5. Толстолобик. 7. Нырок. 8. Разум. 9. Полк. 11. Песо. 14. Княжнин. 17. Ротор. 18. Серна. 19. Энтузиазм. 20. Ефрейтор. 21. Яблочков. 24. Баррикада. 25. Ракша. 27. «Алеко». 28. Секунда. 29. Яйва. 30. Трап. 31. Лидер. 33. Апуре. 35. Заместитель.

По вертикали: 1. Флор. 2. Стеклярус. 3. Флоренция. 4. «Обоз». 5. Танкер. 6. Компас. 10. Октябрьский. 12. Сурдокамера. 13. Процедура. 14. Консонанс. 15. Незабудка. 16. Сальвадор. 22. Трантриса. 23. Окончание. 26. Анализ. 27. Артель. 32. «Дума». 34. Узел.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Репетирует народный артист СССР Донатас Банионис. (См. в номере материал «Обычная человечность».) Фото Э. ЭТТИНГЕРА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Старший художник вологодского кружевного объединения «Снежинка», лауреат премии Ленинского комсомола Галина Мамровская с ученицей * Художник О. Ревин восстанавливает портреты русских мастеров XVIII века * Вид с верхнего яруса колокольни вологодского кремля * Один из памятников деревянной архитектуры Вологды — жилой дом XIX века * Реставратор местного краеведческого музея Николай Федышин. (См. в номере материал «Возвращение к Вологде».) Фото В. ХЕТАГУРОВА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 18.03.85. Подписано к печати 02.04.85. А 00348. Формат 70×108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 560 000 экз. Изд. № 857. Заказ № 343.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Борис **СМИРНОВ**,
фото А. ФИЛАТОВА
и из архива А. ЛОМАКОВА

ПИТОМЦЫ ДЯДИ САШИ

Нехорошо раскрывать чужие секреты; но, с другой стороны, о такого рода сюрпризах надо предупреждать людей заранее, чтобы неосведомленных и опоздавших осталось как можно меньше. Итак, товарищи ветераны, имейте в виду: если через несколько недель, девятого мая, в День Победы, вы окажетесь в Москве у входа в Центральный парк имени Горького, осмотритесь повнимательнее и постарайтесь найти в скопище народа небольшой зеленый грузовик. Вы его сразу узнаете: это тот самый легендарный «ЗИС-05», на котором кто-то из вас уезжал на войну, который прошел по всем мыслимым и немыслимым фронтовым дорогам рядом с вами, а то и буквально на ваших руках — да что там говорить, кто же не знает знаменитой российской трудяги — трехтонки! А на прицепе за ней будет стоять самая настоящая, неподдельная фронтовая походная кухня, и ветераны получат из рук поваров только что сваренную картошку и кружку чая. А поварами будут ребята из столичного Севастопольского района, которые долгими месяцами скребли наждаком ржавые детали, копались на свалках металлолома, гнули железо и клеили дерево, чтобы восстановить и грузовик, и эту кухню к вашему, дорогие ветераны, нет, к нашему общему Дню Победы!

Только неправильно так говорить: «кто не знает этой трехтонки», вернее написать «кто не помнит». Потому что не осталось уже этих машин почти — только в памяти, на фотографиях да в кинолентах. Бортовые машины еще кое-где сохранились, а вот «ЗИС-05»— самосвал, который приедет своим ходом на праздник,— кажется, уже самый последний, единственный. По документам, на нем вроде бы возили снаряды в блокированный Ленинград... А три года назад его за несколько дней до отправки на переплавку «выцарапал» с завода ГПЗ-1 известный московский собиратель старых автомобилей Александр Алексеевич Ломаков. Взамен Ломаков по заводскому радио почти час рассказывал об истории старых автомобилей и о том, как он пять лет назад основал ЮСАМС — клуб юных следопытов автомотостарины. Кстати, и «ЗИС» разглядел на заводской свалке одиннадцатилетний парнишка из ломаковской команды... Грузовик стал самой крупной, но далеко не единственной добычей этих энтузиастов автомоторного ренессанса.

Здесь надо подчеркнуть, что речь идет не о какой-то, пусть даже интересной, затее, нет: у клуба очень глубокие нравственные, воспитательные и даже социальные корни, и другой оценки этого необычного — и, кажется, единственного в нашей стране начинания — быть просто не может.

Прежде всего о самом Ломакове: ему уже в тринадцать лет поручили следить за небольшой дизельной станцией, питавшей электроэнергией прифронтовой госпиталь. Было это в сорок первом году, недалеко от Москвы, в Завидове, когда его отца — умельца и мастера, сельского электромеханика Ломакова — срочно отозвали на более важную работу, а в только что освобожденном от фашистов поселке просто больше некого было оставить у машины... Потом уже повзрослевший Александр наскреб денег и «по случаю» купил трофейный «хорх». А несколько лет спустя, работая на заводе имени Лихачева, Александр Ломаков оказался в числе тех, кому доверено было восстановить для музея автомобиль, на котором ездил В. И. Ленин. И вот, роясь в документах патентной библиотеки, Ломаков открыл для себя целый мир забытых интереснейших инженерных решений, блестящих находок и оригинальных замыслов, когда-то воплощенных в отдельных марках автомашин, но потом отложенных временем в сторону и... оказавшихся на свалке в прямом смысле слова. Их же надо спасать! Ломаков бросился на поиски так, словно услышал в тишине библиотеки сигнал «SOS» исчезающих автомобилей. Он изучал все свалки и склады металлолома, он, как следователь, шел от человека к человеку по длиннейшим загадочным цепочкам, разыскивая нужную деталь, часть облицовки, остов автомобиля,— и эти поиски были азартнее и богаче иной детективной истории. Сколько встреч, сколько человеческих судеб было на этом пути! Сколько находок извлек он из подвалов, с чердаков и даже выкапывал почти целый автомобиль из-под земли на... картофельном поле!

А как увлекательно было, снимая слои ржавчины, разгадывать ходы чьей-то инженерной мысли, читать в этих напластованиях строки истории... Да, для новых археологов прошедшее время воплотилось не столько в земле, сколько в металле! И не зря Ломаков, чувствуя сопричастность к истории, исписал тысячи страниц своего поискового дневника, а точнее, дневника своей новой жизни, потому что вся она оказалась в подчинении этой страсти. Так, неожиданно для себя Ломаков стал... киноартистом: он снялся со своими «киногеничными» машинами более чем в двух десятках художественных фильмов! Он давно уже поменял свою официальную работу так, чтобы ночные дежурства высвобождали дневное время для долгих бдений где-нибудь «под брюхом» автореликта. Он увлек своей страстью двух сыновей, и — характерная деталь! — старшего почему-то никто не называет Шурой, а именуют Шурупом (кстати, он, по стопам отца, уже основал свой филиал клуба БРАМС — бригада реставраторов автомотостарины).

Ну, а количественные результаты увлечения Ломакова таковы: тринадцать автомобилей пяти стран мира, редчайшая коллекция этих (в основном уникальных) автопредков современной техники, причем некоторые из них не сохранились даже за границей, на их собственной родине! А если и остались, то пребывают в большом почете; Александр Алексеевич показал мне иностранный проспект с фотографией старой машины марки «мерседес-бенц», недавно проданной в Лос-Анджелесе за многие сотни тысяч долларов. «Таких машин в мире осталось всего три, одна — у меня, я ее сейчас восстанавливаю из хлама,— объясняет Ломаков.— У этой, моей, своя особенность: она... не продается. Вот когда откроют у нас автомобильный музей, там она и будет стоять, вместе с другими моими машинами!»— добавляет Александр Алексеевич с непоколебимой уверенностью в том, что так оно и случится.

Есть у него и другая коллекция — столь же редкостных, возвращенных почти из небытия мотоциклов, но это уже к рассказу об еще одной, ребячьей семье Ломакова. Появление рядом с ним мальчишек можно считать закономерным: просто невозможно представить, что этот любопытный народец оставит без внимания стоящие во дворе такие замечательные автомобили! К счастью для ребят, дядя Саша оказался добрым, как волшебник из сказки: от машин не гонял, на все вопросы отвечал и охотно пускал «посидеть» в кабину. И — вот здорово! — разрешал поработать с отверткой, с гаечным ключом, объяснял, что к чему и что зачем... Наверное, не стоит дальше объяснять, как дядя Саша стал кумиром всей окрестной детворы. А потом нашелся добрый человек из жэка, который разрешил занять пустующий подвал, и родился никем пока не учтенный, нигде не зарегистрированный, но живой и шумный клуб ЮСАМС.

...Теплый, сухой коридор подвального этажа дома-башни у метро «Нахимовский проспект». На полу у стен — трансмиссии и блоки двигателей. На стенах — фотостенды со снимками счастливых ребят на допотопных мотоциклах, тоже весьма редкостных. Можно сделать вывод: ребята не только копошатся у автомотореликтов, но и совершают на них путешествия.

Небольшая, до отказа загруженная комната. Начинка соответствующая: мотоциклы «в сборе», мотоциклы «в разборе» и мотоциклы «навалом». Черноволосый паренек аккуратно наносит кистью грунт на раму, которой, судя по всему, уже никак не меньше полувека. Это семиклассник Женя Симонов. Мы уже немного знакомы: я знаю, что Женя ходит сюда полтора года, что учится «так себе» и что дядя Саша обещал отдать в его распоряжение тот самый «ИЖ-9», когда Женя восстановит этот самый «ИЖ» с помощью того же дяди Саши.

— Женя, а как ты сюда попал?— продолжаю я интервью.

— Сюда мой старший брат ходил, Игорь, он теперь в автопарке работает. Я за ним сюда ходил, а теперь сам...

— Дома не ругают?

— Нет, наоборот.

— Часто сюда приходишь?

— Раза два в неделю. И по субботам. В общем, как увижу из окна огонек в клубе, так и иду.

— Кем ты собираешься стать?

— Не знаю, пока не думал.

— Ты знаешь марки мотоциклов, которые здесь стоят?

— Это «ТИЗ», первый советский армейский мотоцикл, такой мой брат собирал. Это «Красный Октябрь», к нам приходили ветераны, которые на таких в войну на разведку ездили. А это иностранные марки «Виктория», «Индиан», «БМВ»...

Глаза у мальчишки разгорелись. Ему здесь интересно—это уже хорошо. Все остальное еще придет к нему — и ловкость рук, и знание техники, и желание распознать на этих железках следы истории, чтобы потом найти в ней и свое место,— все это придет, и не стоит гадать о том, что будет. Лучше вспомнить о том, чего быть не должно.

— Да, ребята уже получили здесь наглядный урок черствости,— вздыхает Ломаков.— Нас отсюда выгнать пытались, а подвал отдать под ящики для магазина. Четыре года ушло на то, чтобы доказать, что клуб нужен детворе, а одиннадцать ребят все же не поверили, что клуб отстоим, и ушли. Одиннадцать человек потеряли...

— А есть у клуба помощники или, например, шефы?

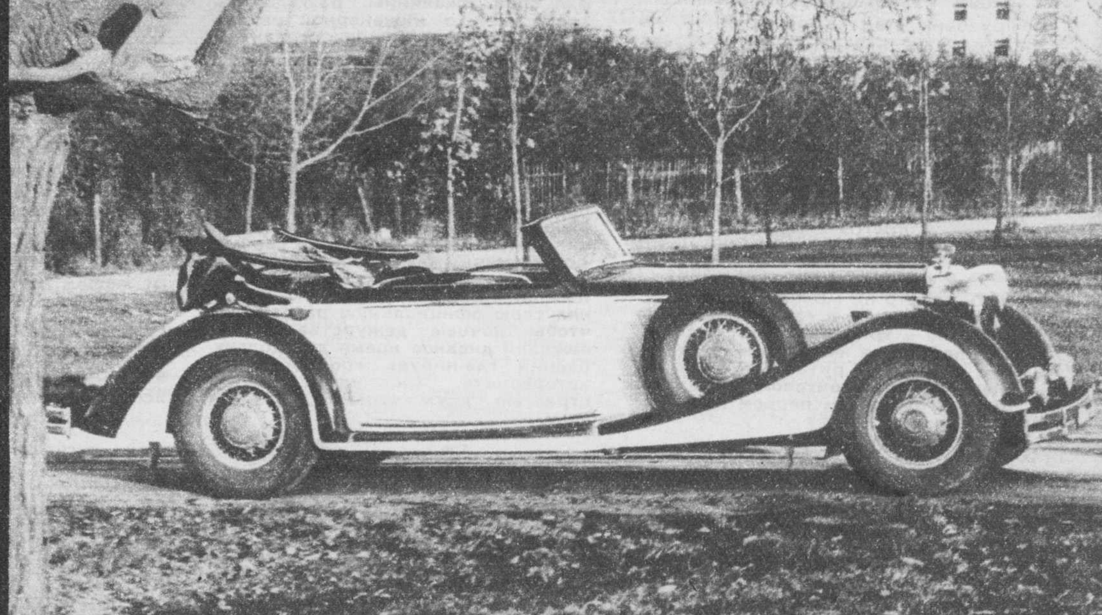
— До сих пор даже и не мечтали! Тут бы хоть жить нам не мешали,— тихо, словно бы про себя, говорит Ломаков.

Он обводит взглядом комнату, уставленную железом. Неужели все это можно оживить? Видно, ход времени не так уж необратим, если нет ржавчины на душе человека.

...В школе о том же начнут говорить лишь через два-три года.

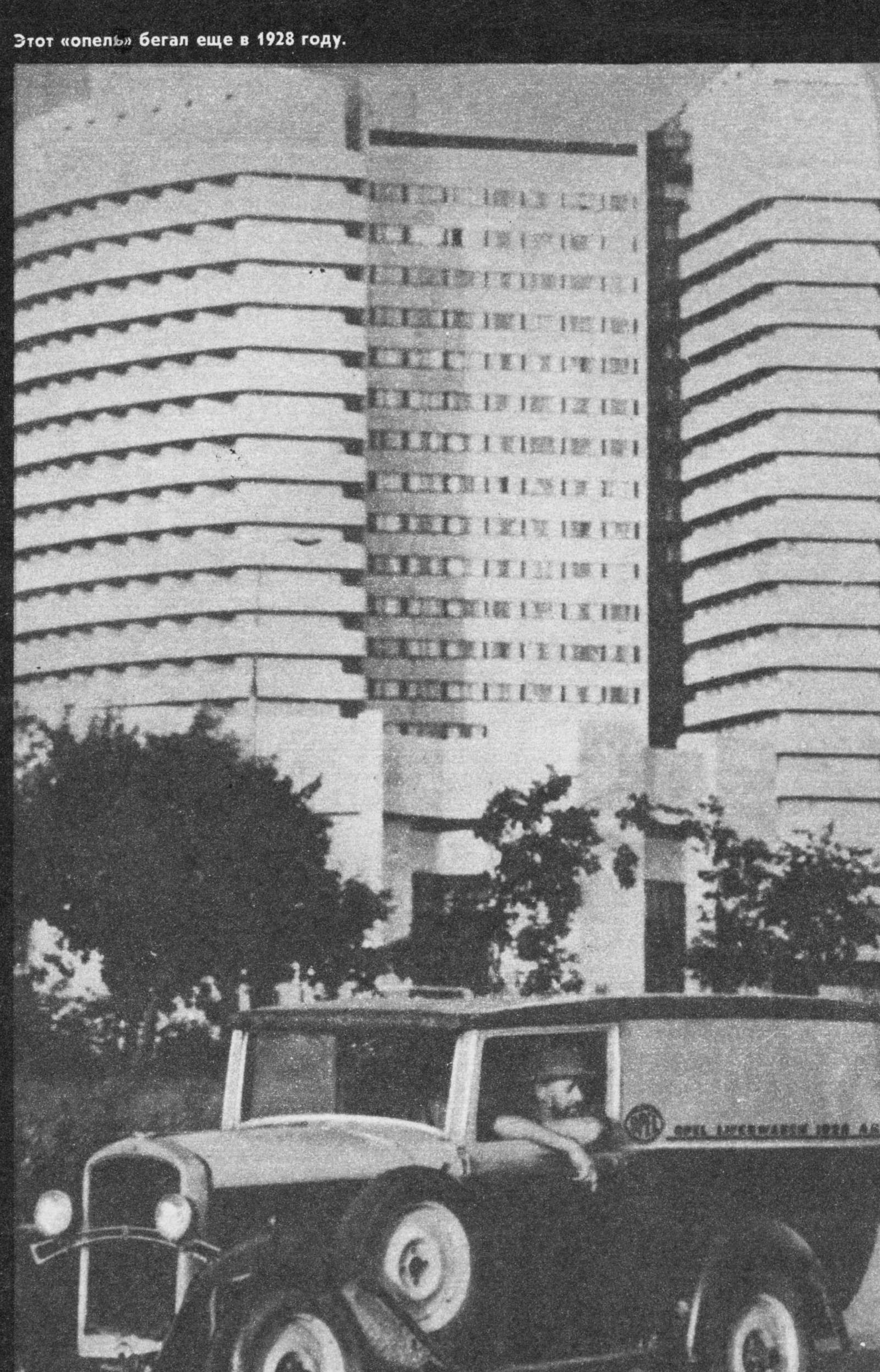

Новая история старого «ЗИС-05» только начинается.

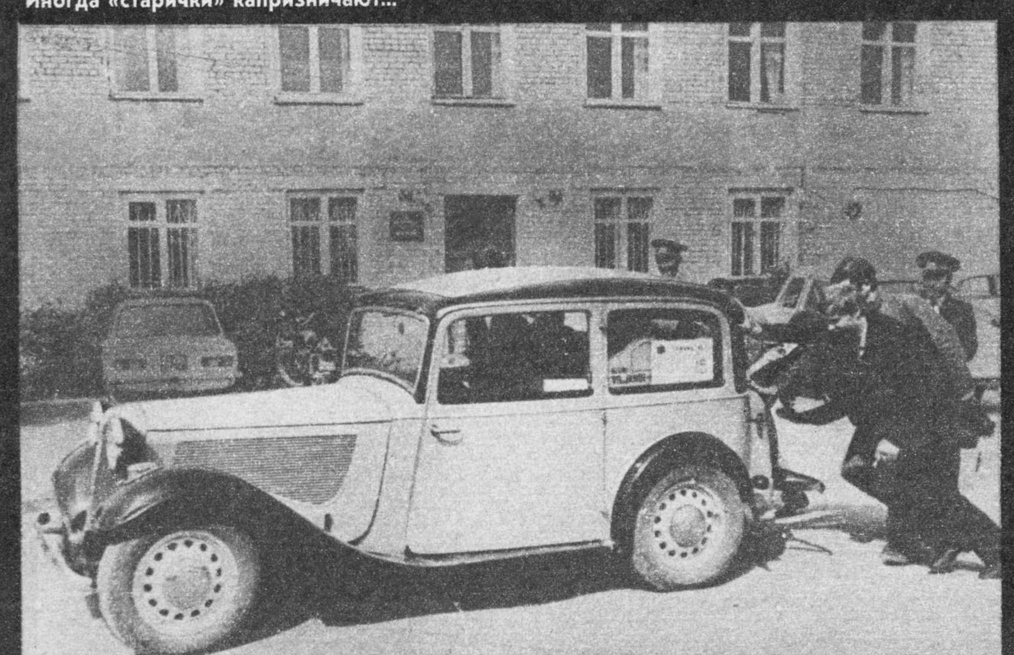

«Звезда» тринадцати кинофильмов «Хорх» модели 1935 года.

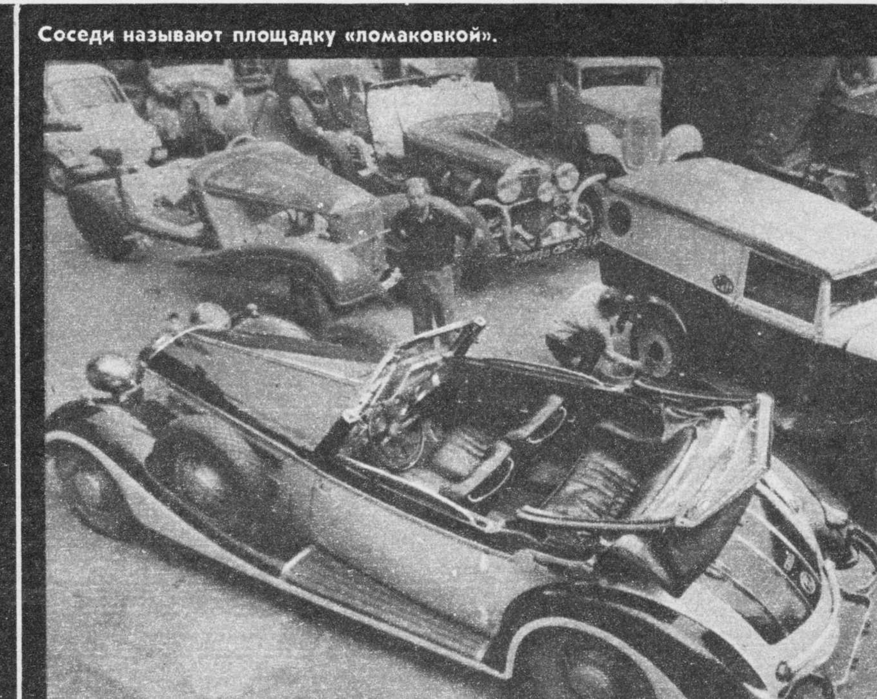
Этот «опель» бегал еще в 1928 году.

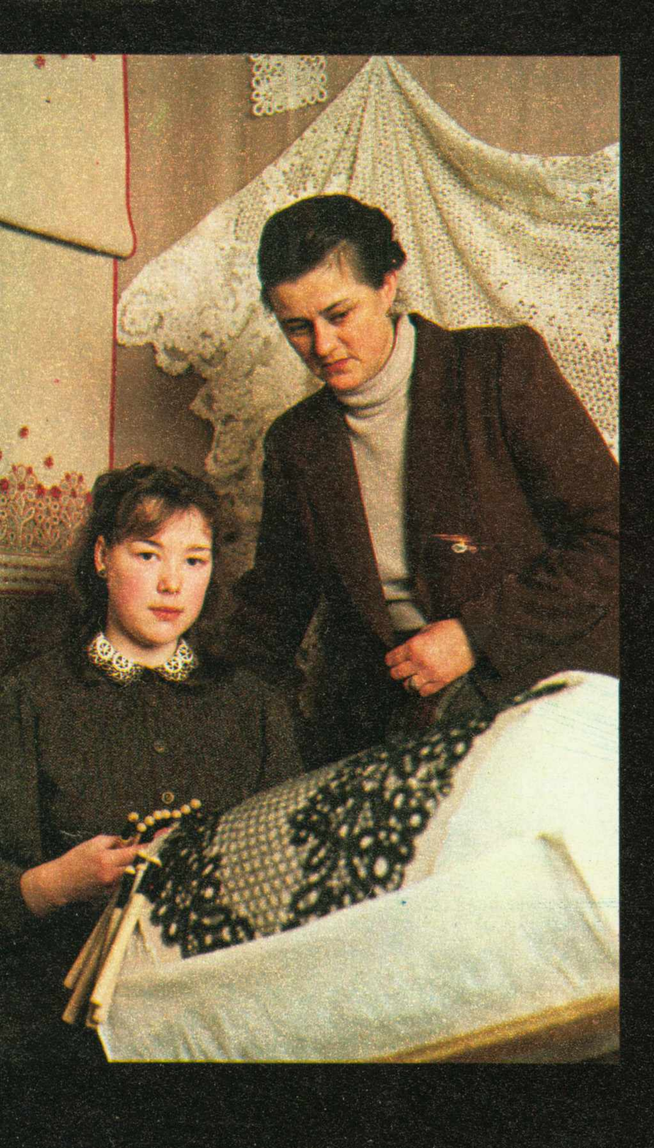

Иногда «старички» капризничают...

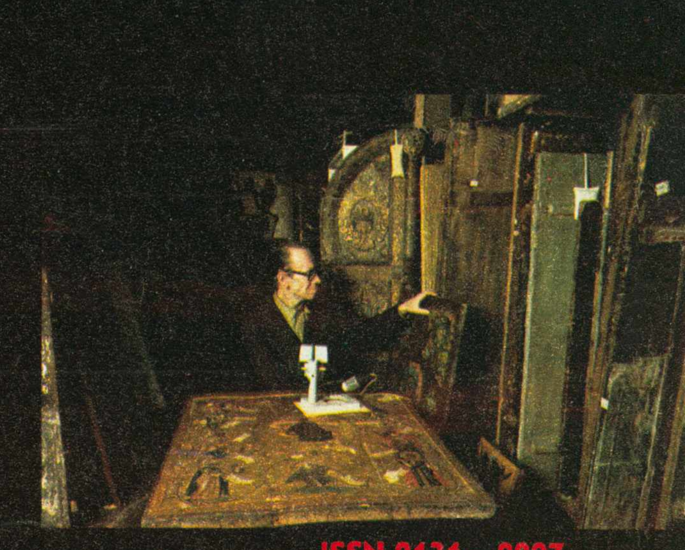
Соседи называют площадку «ломаковкой».

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663